

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

2 95-32
131

В. Шеремет

БОСФОР

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

БИБЛИОТЕКА
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА

2 95-32
131-9

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

В. Шеремет

БОСФОР

Россия и Турция
в эпоху первой мировой войны

*по материалам
русской военной разведки*

МОСКВА

«ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА БИЗНЕСА»

1995

ФФ
30-1

ББК 63.3(0)53
Ш49

2007083399

*Библиотека Технологической школы бизнеса
Серия "Социокультурные метаморфозы"
Книга 2*

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1995

Шерemet В.И.

Ш49 Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. – 288 с.

ISBN 5-86073-014-4

В книге члена Правления Фонда национальной безопасности России Ассоциации ветеранов разведки, контрразведки и правоохранительных органов, известного российского востоковеда и историка В.И. Шеремета в яркой, образной манере раскрыты тайны русско-турецких отношений эпохи крушения великих империй (1914–1918 гг.), показано зарождение многих узлов кавказских, балканских, ближневосточных конфликтов современности.

В основу повествования положены материалы ныне забытого русского военного разведчика, одного из создателей Морского Генерального штаба России А.Н. Щеглова (1873–1953), а также документы его турецких "коллег" по службе.

Рассчитана на широкие читающие круги России, ближнего и дальнего зарубежья.

ББК 63.3(0)53

ISBN 5-86073-014-4

© Шерemet В.И., 1995

От автора

Восемь десятилетий назад человеческая цивилизация дрогнула и раскололась. Мир XIX века, хрупкий, часто нарушавшийся амбициозными правителями, тот мир, который великие державы с огромным трудом и не всегда удачно поддерживали сто лет — после хаоса Великой Французской революции и наполеоновских войн, рухнул осенью 1914 года.

Первая мировая война 1914—1918 годов повлекла за собой изменения планетарного масштаба. Как в обустройстве общества, так и в социально-психологических, историко-культурных и массе иных характеристик “Человека разумного”.

Среди самых впечатляющих последствий войны были крушения четырех империй — Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской. Причем наибольшие потрясения выпали на долю Российской и Османской (Турецкой) империй. Революции, гражданские и национально-освободительные войны потрясли до основания два соседних государства. Изменились формационные характеристики, коренную ломку претерпели сознание и политическая культура народов России и Турции.

Выбор общественного устройства, происходивший в России и Турции на исходе войны 1914—1918 гг., был различным. Однако поддержка, которую эти страны оказывали друг другу после выхода из войны, носила принципиальный характер для кемалистского режима в Турции, большевистского — в России. Соседи вернулись к сотрудничеству, отгнав смертельно опасных для обоих внешних врагов.

Расположенные в контактной зоне Европа—Афро-Азия, наши страны проделали полутысячелетний путь яростных войн и выгодного сотрудничества, разительных социокультурных метаморфоз, прежде чем столкнуться в начале XX века в последней войне. Об этом говорится в другой моей книге “Бизнес и война”, которую также выпускает “Техноло-

гическая школа бизнеса". Здесь же я поставил перед собой более скромную задачу — показать широкому читателю социально-психологические и политические аспекты катастрофы мировой войны через призму отношений двух соседних государств, оказавшихся во враждебных лагерях. Книга отнюдь не претендует на обобщение громадного комплекса проблем, связанных с первой мировой войной, но ставит вопросы, которые в силу разных причин не могли быть освещены ранее.

Мне хотелось, однако, высветить политические судьбы и отчасти характеры тех, кто принимал и осуществлял роковые решения. Подчеркнуть, что личные, с потерей жизни неудачи поразили тех лидеров, которых обуревали идеи гегемонизма и утопия глобальных революций. Наконец, мне хотелось донести до читателя дух обновления и возрождения, которым были охвачены Россия и Турция в послевоенный период.

В "Босфоре" рассказано о событиях в зоне Балканского полуострова, Причерноморья и Закавказья. Десятилетиями продолжали тлеть не погашенные тогда угли региональных конфликтов. Не раздувать их, а объяснить их происхождение и оценить перспективы выхода из них я стремился в этой книге.

И последнее. Человек — существо любопытное. Всегда интересно знать, что, где и почему купил сосед, что за шум был слышен у него за стеной. А уж если сосед новое ружье купил или, к примеру, саблю точит... Русские и турки пять веков доглядывали друг за другом — разными способами. В эпоху первой мировой войны делали это вполне цивилизованно — через военную разведку. Как легально, под разными прикрытиями, так и всеми другими общезвестными способами. Об этом тоже идет речь в "Босфоре".

В отечественных архивах отложились уникальные подлинники донесений российских разведчиков, а также копии (изредка — и подлинники) дипломатических и военных, разведывательно-ознакомительного характера турецких материалов. Все они относятся к эпохе кануна и периода первой мировой войны.

Такова уникальная источниковая база книги. Разумеется, привлечены десятки работ различных авторов на русском, турецком, европейских языках. Мои переводы с турецкого и европейских языков максимально приближены по лексике и стилю к эпохе и языкам оригиналов. Датировка — за ис-

ключением особо отмеченных случаев — дана по новому стилю. Сведения из разведывательных материалов цитируются по машинописным копиям, а дешифровки — по подлинникам современников.

Определенное представление о деятельности спецслужб России и Турции дают два очерка, открывающие книгу.

Первый из них — об одном из лучших знатоков Турции начала XX века, незаслуженно забытом у нас еще в 1917 г. А.Н. Щеглове. Другой — о турецких дипломатах в Вене и Петербурге, профессиональных военных, тоже забытых в своей стране деятелях младотурецкой революции. Их имена названы в этой книге.

Разведчики — и русские, и турки — до конца выполнили свой долг. Они информировали свои “центры” на Неве и на Босфоре своевременно, полно и объективно, но услышаны фактически не были. Однако сегодня, благодаря их многочисленным, но доселе остававшимся малодоступными документам, стали возможны многие страницы этой книги, и что важнее — понимание ряда современных проблем.

При работе с архивными документами я опирался на дружескую помощь и бескорыстное внимание большого круга сотрудников Российского государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики Российской империи. Особую сердечную благодарность приношу работникам Российского государственного архива военно-морского флота Елене М. Сагалович и посмертно — Александру Е. Иоффе, успевшему просмотреть ряд глав в рукописи.

Во главе обширного списка ученых, которым я приношу слова признательности, — начальник Института военной истории МО РФ генерал-майор, академик В.А. Золотарев. Его неизменно глубокие и точные суждения по изучаемым мною проблемам военной истории, а также дружеская поддержка в публикации отдельных фрагментов исследования, беспристрастное высокопрофессиональное их обсуждение в кругу коллег — все это помогло мне выстроить, надеюсь, достаточно логическую канву военно-политических событий.

Я благодарен хорошо известному в мире историков международным отношений профессору В.Н. Виноградову (Институт Славяноведения и Балканистики РАН) за доброжелательное внимание к моим балканистическим исследованиям. В.Н. Виноградов неизменно поощрял мои историко-публицистические и литературные труды, написанные в манере, принципиально отдаленной от сухой “академичности”.

Огромное терпение и мужество проявила научный сотрудник Института Славяноведения и Балканистики РАН Л.В. Зеленина, сражаясь с моим текстом. На ее долю выпала редакционная и научно-организационная работа по подготовке рукописи к набору. Я бесконечно ей признателен.

Наконец, моя семья как всегда терпеливо слушала текст и деятельно его обсуждала по мере кристаллизации.

Директор Технологической школы бизнеса (ТБС) И.А. Кузьмин не только оценил и поддержал мои социально-психологические ретроспекции в сфере экономики, войны и политики, но и рядом ценных конструктивных советов существенно приблизил книгу к широкому читателю Библиотеки ТБС.

В.И. Шеремет
С.-Петербург—Москва.
Февраль 1995 г.

Вместо введения ЛЮДИ И ДОКУМЕНТЫ

1. Забытый резидент

Знать, но не восвать
А.Н. Щеглов

В разведку приходят, как известно, разными путями. Кто по велению души, кто по прихоти военной судьбы, кто по казенной надобности, то бишь по воле начальства...

Чтобы на должность резидента ссылали инициатора реформ разведслужбы российского императорского флота, да еще в такое "нецивилизованное местечко", каким представлялся Европе Стамбул в начале XX века, — в этом, право же, было нечто особенное...

* * *

С эпохи Екатерининских войн и до первой мировой войны в русской военной разведке на Ближнем Востоке служили люди, получившие блестящее общее образование и военную подготовку. Некоторые из них вошли в историю как крупные исследователи Востока. Например, М.П. Вронченко, П.А. Чихачев, переводчики Шекспира и античных авторов, а на склоне лет — почтенные сановники Российской империи. О них мы расскажем в свое время. Но целый ряд имен по тем или иным причинам оказался в забвении. Особенно это относится к разведывательной службе военно-морского ведомства царской России. К последним принадлежал выходец из небогатой дворянской семьи Александр Николаевич Щеглов (1875—1953). Выпускник Кадетского корпуса и Морского корпуса в Санкт-Петербурге, он несколько лет отдал морю.

Трудно сказать, почему мальчик так потянуло к морю: семья была в основном связана с землей. Это была семья, где много и честно трудились, мечтали, вместе поднимали детей.

В церковной книге петербургского храма Рождества Христова что на Песках есть запись под номером 23510 от 26 апреля 1875 г. по старому стилю. Она гласит, что у надворного советника и делопроизводителя Главного Выкупного Учреждения Министерства финансов Николая Карповича Щеглова и законной его супруги Ольги Александровны крещен младенец мужского пола — Александр.

В свидетелях значились псаломщик церкви, тетушка — вдова коллежского секретаря Пелагея Карповна Никитина и дядя — Сергей Карпович Щеглов, в ту пору студент Петербургского Университета.

Вот оно — начало. На руках дяди Сергея младенец благополучно прибыл в дом № 25, что по 5-й улице Рождественской части Петербурга, ныне 5-й Советской (дом этот я видел в полном порядке месяц назад). Да, кажется, так и вырос на руках любимого дядюшки. Сам Николай Карпович стал отцом в 43 года и был гораздо дальше от сына, чем его младший 25-летний брат.

Николай Карпович имел дело с земельными вопросами, его брат Сергей посвятил себя почвоведению прибрежной балтийской зоны. Своего дома Сергей Карпович не имел и грел душу у очага старшего брата. Отдавал все силы души племяннику, рассказывал о славных традициях русского флота. Истории привычного и простого быта строителей верфей и портовых сооружений, для которых подбирали подходящие места Сергей Карпович, сплетались с рассказами о первых русских мореходах, обошедших вокруг земного шара, о деяниях героев Чесмы и Синопа. И эти рассказы были мальчику ближе и понятнее, чем заботы отца.

Впрочем, служба у отца складывалась так, что вряд ли оставались силы на неспешные домашние беседы. Шутка сказать, поставил на ноги младшего брата — помог окончить университет, да еще содержал остав-

шуюся без средств, вдовой при трех сиротах, сестру Пелагею.

Сам Николай Карпович в 1864 году окончил Петербургский университет кандидатом административных наук с правом на чин X класса, что было большим успехом для того, кто мог полагаться только на свои собственные силы.

А далее потянулись годы и годы службы в финансовом ведомстве. Уже в марте 1869 г. Николай Карпович стал коллежским ассессором, а на Рождество 1872 г. за отличие по службе произведен в надворные советники. За восемь лет “трудом и усердием”, как говорится в его послужном списке, продвинулся с X класса Табели о рангах в VII класс, что само по себе было гражданским подвигом. На Пасху 1877 г. он стал коллежским советником, что соответствовало чину полковника или капитана первого ранга. Пределом возможного для худародного Н.К. Щеглова был V класс статского советника, полученный им в 1880 г. А на следующий год Николай Карпович был уволен в отставку по прошению — болел.

В сухом и емком послужном списке уместилась вся его жизнь.

Вот две записи. За годы службы, т.е. с 1864 по 1881 г., в отпуске был в 1865, 1867, 1872 и в 1880 гг. Причем дважды — в отпуске по 28 дней, и только уже в чинах позволил себе два отпуска по два месяца. Как записано в документах, “являлся на службу неизменно в срок и никогда не подвергался ни одному из тех случаев, которые лишили бы его права на получение Знака Отличия за беспорочную службу”.

И еще две записи приковывают внимание в деле Николая Карповича. Одна: “Жена и сын неизменно при нем”. Трудно, но примерно жил человек. На склоне лет переехал с семьей из довольно шумной Рождественской части, что недалеко от нынешнего Московского вокзала, в небольшой домик в Царском Селе.

Другая запись: “Имения ни у него самого, ни у родителей, ни у жены, ни родового, ни благоприобре-

тенного у означенного статского советника Щеглова Н.К. — нет”.

Звучит несколько печально, но торжественно и возвышенно. Вот так-то. В Выкупном ведомстве, при закладных, векселях, деньгах, оборотах — всю жизнь. И ничего. Ни имени, ни значительных средств.

Поднял брата, племянников. А вот сына поднять не успел.

Все Щегловы не были увешаны орденами, но трудились очень много и честно. Пример строгого следования долгу, принятым этическим нормам и нравственным идеалам — это у Александра Николаевича Щеглова было от семьи.

Единственное, против чего резко взбунтовался Александр, — так это против чиновничьей рутины, которой были подчинены жизни отца, дяди, других родственников. Он выбрал себе другой путь.

29 мая 1888 г. вдова статского советника Ольга Александровна Щеглова подала прошение в Канцелярию Морского Училища о принятии ее единственного сына в Училище. На прошение была наложена резолюция: “К испытаниям допустить”.

Вот радости-то было. Но нет. Другая, более властная рука красным карандашом — до сих пор не выцвел! — поперек тщательнейше выписанного на гербовой бумаге прошения начертала два загадочных слова: “Оспа, полиция”. Но все уладилось.

Вот они, столь любезные русской душе Справки.

Во-первых, коровья оспа привита по всем правилам за день до подачи прошения. А за второй справкой Сашиной матушке пришлось побегать. И вот и она.

“Г-ну Начальнику Николаевской Морской Академии и Морского Училища.

Жена статского советника О.А. Щеглова и сын ее Александр за время проживания в Царском Селе в политической неблагонадежности замечены не были”.
Подписано полицмейстером г. Царское Село 30 июня 1888 года.

Все. Можно нести документы. Перебелили прошение. Столь велико было желание Александра связать судьбу свою с морем, что прибавила Ольга Александровна к новому прошению одну фразу: “Прошу принять сына своекоштным пансионером, если бы не выдержал экзамена”.

Не простое это было решение для вдовы средней руки чиновника — на свой счет одеть-обуть, содержать воспитанника Морского Кадетского Корпуса. Слава Господу! Все уладилось.

По результатам вступительных экзаменов Александр был зачислен воспитанником на полном довольствии. Через несколько месяцев началось его “движение по службе”. Воспитанник А. Щеглов был назначен комендором 5-й роты. “Усерден в науках, правдив и старателен”, — отметило начальство при первом “производстве” нашего героя. Ему шел тогда 14-й год.

Так что на вопрос, когда и почему А.Н. Щеглов связал себя с морем, ответим просто — судьба.

В 1894 г. гардемарин Щеглов в числе лучших воспитанников последнего курса получил свою первую награду — серебряную медаль в память коронавания Николая II. К этому времени за плечами у него уже были четыре месяца похода кадетом на корвете “Боярин”. А первый поход после выпуска, мичманом, будет на знаменитом броненосце “Три Святителя”...

...Станислава III степени он получил в 1901 г., будучи лейтенантом. Экзотический османский орден “Меджидийе” и французский Орден Кавалерского Креста Почетного Легиона украсят его мундир в 1902 г. — “за особые отличия” в период плавания русской эскадры в Средиземном море. В течение двух последующих лет его работы гидрографического направления будут отмечены прусским Орденом Красного Орла, греческим Кавалерским Крестом Спасителя, тунисским Орденом Нишан-и Ифтихар.

Он будет долго, безнадежно долго ожидать обещанный ему лично Николаем II орден Владимира за инициативу по созданию Морского Генерального Штаба...

Долгие годы в личном деле Александра Николаевича Щеглова будет повторяться запись: “Личных средств не имеет, живет на офицерское жалование”. А жалование это было весьма скудным.

И вот грустная судьба русского офицера. Женатый первым браком на небогатой дворянской дочери Евгении Александровне Эбергардт (умерла в 1909 г.), он имел двоих детей: Ксению (род. 11 ноября 1898 г.) и Андрея (род. 14 ноября 1901 г.). В личном деле, как у отца, запись: “Ни у него, ни у жены его недвижимости или имущества — нет”. И так до конца, из года в год, вплоть до 1917 г., когда на последнем донесении внизу приписка его рукой “клером”, без шифра: “Средств личных вовсе никаких не имею, как жить с семьей, не знаю. Силы и умение положил на службу Отчезства”. Это будет в ноябре 1917 г.

А до этого Щеглов служил и на Балтике, и на Черном море, и на Средиземном. Он занимал достаточно хлопотную должность вахтенного начальника. Причем большую часть свободного времени — а много ли его у молодого офицера на боевом корабле! — Александр Николаевич посвящал не воспоминаниям о хорошо проведенном времени в прошлом порту захода и не предвкушениям развлечений в следующем порту, а самообразованию и размышлениям на довольно неожиданную тему.

Его чрезвычайно интересовала проблема совершенствования форм получения, систематизации и обработки “благополезных для флота данных”, как он сам формулировал это в одном из писем.

К числу главных из этих “благополезных сведений” молодой лейтенант причислял разведывательную службу, ориентированную в первую очередь на интересы флота, и создание особых органов оперативного управления флота, в которые и вливалась бы, как он писал, “бодрящая струя живых сведений о противнике”.

Идеи и фактический материал накапливались. Щеглов окончил Морской корпус в 1895 г. и следующие семь лет упорно работал, осваивая огромный объем ин-

формации, штудирова исторические исследования, прессу (ей он всегда уделял большое внимание) разных стран и, по мере возможности, не только современную ему, но и газеты прошлых лет.

И во всех портах и севера, и юго-востока Европы он стремился увидеть не только привычные и везде одинаковые швартовки, пирсы и развлекательные кварталы, но и те районы города, которые никогда не видят туристы, но где сосредоточены основные флотские службы.

2(15) ноября 1902 г. А.Н. Щеглов завершил первый вариант предложений по созданию в составе Главного Морского Штаба России “особого оперативного отделения”. Опираясь на опыт франко-прусской войны 1871 г., он убедительно доказал, что Пруссия начала исподволь собирать разведывательную информацию еще с 1853 г. и преуспела...

“Наши неудачи в начале войны с Турцией 1877—1878 гг., — писал Александр Николаевич, — проистекали от незнания противника, отсутствия разведанных и оттого неверных оценок даже общей численности турецкой армии”. *Две проблемы серьезно мешали России, по справедливой оценке А.Н. Щеглова, в войнах с Турцией (и помешают в будущей войне с Японией): плохо поставленная разведка и слабо разработанные мобилизационные мероприятия.*

Идеи о том, как справиться с первой из этих проблем, вынашивались Щегловым в годы службы сначала вахтенным начальником, а затем старшим флаг-офицером на кораблях Черноморского и Балтийского флотов.

Опыт походов в Средиземном море подсказал ему принципиальную важность, как писал он позднее, “достоверных и доставляемых оперативно сведений о положении дел по военной и политической части из стран, до которых имеем отношение в продолжении наших проходов”. Человек деятельный и собранный, Александр Николаевич уже в 1901—1902 гг. подготовил и доложил по команде два проекта.

Первый был связан с организацией “воздухоплавательного дела” на флоте. Речь шла об организации постоянного наблюдения за районом плавания с воздушных шаров типа аэростатов, которые базировались бы на кораблях. Делу был дан ход, отпущены средства, но, как водится в России, поскольку инициатор создания воздушной разведки был переведен на службу в Петербург, шары-разведчики совершили лишь несколько пробных полетов, и дело заглохло.

Второй проект Щеглова был ближе к жизни, к возможности воплощения его дальних планов. По собственной инициативе и только на личные средства он составил подробное военно-стратегическое описание Средиземноморья. На это ушло около пяти лет. Все увольнительные на берег молодой лейтенант посвящал изучению портов посещения, изучению газетной и любой другой печатной информации, сводил знакомства, уточнял... Пока все в рамках, или почти в рамках того, что мог позволить себе молодой офицер, активно интересовавшийся и местоположением древнего маяка в Александрии, и полузабытыми гаванями на островах Ионического архипелага, и, как бы между прочим, новинками морского вооружения, приобретенными греческим королевским флотом. Заложилась связи, знакомства в многочисленных городах Восточного Средиземноморья — в Турции, Греции, на Адриатике, принадлежавшей черногорцам, австрийцам, итальянцам. Как бы сам собой определился основной район интересов Щеглова. Тот, где он проведет самые светлые и счастливые, по его признанию, но и трудные годы уже как профессионал-разведчик.

Готовились статьи для “Морского сборника”, доклады командованию. Две особы Царствующего Дома, совершавшие весной 1913 г. на канонерке “Уралец” плавание по Средиземному морю с заходами в Венецию и на о. Корфу, были поражены тем, насколько точными оказались все описания этих мест, сделанные А.Н. Щегловым еще в 1902—1903 гг., насколько они соответствовали увиденному, а, главное, прочувствованному.

Великий князь Николай Николаевич (одна из этих особ), наслышанный о Щеглове, к тому времени уже удаленному из Морского Генерального Штаба на Ближний Восток, вознамерился проверить наугад выбранную информацию из аналитических материалов Александра Николаевича под рабочим названием “О людях и местах Греции”. Попросил, вызвав растерянность свиты и принимавших высокую чету местных властей, найти некоего Захаридиса, указав селение и точное расположение дома этого греческого торговца.

Ко всеобщему изумлению (а свита не знала замысла великого князя), Захаридис был немедленно доставлен и предстал перед Николаем Николаевичем.

Смушение и робость грека растаяли, как только было названо имя, под которым Щеглов общался с ним. Великий князь и Захаридис удалились в каюту, где беседовали полчаса. О предмете беседы командир канонерки в своем отчете сообщил коротко — “неизвестно”. О поведении великого князя после беседы было отмечено: “Долго пребывал в задумчивости и глядел в сторону восхода”.

Супруга великого князя Елизавета Маврикиевна тоже испытала на себе удивительные свойства подробных “описаний” Щеглова. В частности, он рекомендовал небольшим кораблям в этом районе “соблюдать предельную осторожность в период марта—апреля”. Великая княгиня, женщина решительная до вздорности, потребовала выхода в открытое море вопреки щегловским предостережениям. Все обошлось. Однако, как свидетельствует отчет капитана, Елизавета Маврикиевна “перенесла килевую качку до погружения в воду носового орла тяжело, но стойчески, часто крестилась и обещала во всеуслышание своему супругу сведущих людей по морской части впредь слушать”.

Команда “Уральца” получила по миновении шторма от имени августейших особ по десять чарок, кондукторы и боцман еще по пять рублей серебром, а создателю полезного описания решили изъять особую ми-

лость. В чем она состояла, однако, узнать не удалось ни мне, автору, ни кажется, самому Щеглову. Он уже был на наблюдательных пунктах очередных горячих точек балканских конфликтов.

Все самые первые работы и аналитические обзоры лейтенанта Щеглова по Средиземному морю были столь весомы, что учитывались при проведении стратегических игр в Главном Морском Штабе.

— Саня, откуда в тебе столько энергии? — не переставал удивляться его старый добрый товарищ и тезка Александр Колчак, будущий известный адмирал и верховный правитель России.

— Во-первых, у меня чернильница и перо — самописки. Они сами строчат. А еще, как ты помнишь, я орехи люблю — от них в мозгах прочищение делается, — отшучивался Щеглов. Но сделать он успевал действительно чрезвычайно много.

В тесной каюте корабля, в небольшой, но уютной квартирке на Адмиралтейском канале, д. 5 в Петербурге, где нечасто доводилось проводить свой отпуск, Александр Николаевич готовил и шлифовал главный план своей жизни — проект оперативно действующего морского генерального штаба с функциями, неизвестными неповоротливому и застывшему в косности Главному Морскому Штабу.

Прирожденный разведчик-аналитик А.Н. Щеглов готовил свой проект тщательно и, как тогда говорили, “весьма сберегаясь”. Впрочем, по крайней мере три человека были изначально посвящены в секрет проекта. Саша — Александр Васильевич Колчак, ровесник и confident до своего трагического смертного часа на мерзлой земле Сибири. И два адмирала — Зиновий Петрович Рожественский и Александр Федорович Гейден. Их имена так же хорошо известны любому читателю в России, как и имя Верховного правителя России Колчака.

С перепиской А.Н. Щеглова с этими замечательными людьми России, конечно же, неполной, автору удалось ознакомиться благодаря... Осведомительному от-

делу самого Морского Главного Штаба, где “иго чванства и пренебрежения, — как писал Щеглов Рождественскому в конце 1906 г., — привели империю к позору в войне с Японией”.

По мере того, как множилось число трудов, проектов и докладных неугомонного Щеглова, росли и материалы на него в Осведомительном отделе. Там осели черновики и копии писем к З.П. Рождественскому и А.Ф. Гейдену, масса личных счетов крайне бедного, на одно жалование жившего офицера, черновики его литературных упражнений и еще многое...

И слава Богу, что дотошные умельцы из Осведомительного отдела столь деятельно “пасли” нашего героя. В уголке личного дела карандашная пометочка: “Деловит, порой суетлив, назойлив по государственному делу, личных амбиций не являет”. Благодаря отдельцам сохранилась значительная часть из того документального наследия Щеглова, что в перебеленном виде отправилось “наверх” и сгнуло в болоте канцелярии Морского Министра. А объем информации нарастал. Благодаря усилиям З.П. Рождественского и А.Ф. Гейдена Щеглов был переведен с флота на берег, чтоб “закончил начатое в тепле и без качки” — как изволил пошутить Зиновий Петрович Рождественский, — “а то пишете и без того мелко и неудобочитаемо”*.

Уже осенью 1905 г. два друга — лейтенанты А.Н. Щеглов и А.В. Колчак, два капитана 2-го ранга В.К. Пилкин и М.М. Римский-Корсаков объединились в Санкт-Петербургский Морской кружок. В беседах

* С 26.01.1904 по 27.08.1905 г. состоял прикомандированным к канцелярии Особого комитета Дальнего Востока; с 27.08.1905 г. по 01.05.1906 г. состоял в 18-м флотском экипаже в Петербурге; с 01.05.1906 по 26.06.1906 г. “состоял в прикомандировании в Морском Генеральном Штабе”; с 26.06.1906 по 26.01.1909 г. “исполнял должность штаб-офицером высшего оклада Морского Генерального Штаба”; с 26.01.1909 г. в должности военноморского агента в Константинополе (Стамбуле). Капитан-лейтенант с 13(26).04.1908 г., капитан 2-го ранга с 6(19).12.1910; звание капитан 1-го ранга получил уже накануне первой мировой войны. После Стамбула были Бухарест, Стокгольм и, наконец, трудная, честная жизнь в Париже. И скромный памятник на кладбище г. Медона под Парижем, где жил последние двадцать лет и скончался 9 января 1953 г. А.Н. Щеглов.

в кружке, в обмене мнениями с маститыми адмиралами получила окончательное оформление пространная записка о коренных преобразованиях в деятельности всего морского ведомства России.

Все перипетии и козни морского начальства при обсуждении и проведении в жизнь указа от 25 апреля (ст. ст.) 1906 г. о создании Морского Генерального Штаба заслуживают особого рассказа. Достаточно сказать, что безвестный лейтенант добился того, что не слишком благоволивший к флотским Император Николай II получил доклад Щеглова в обход морского министра, аккуратно все прочел и заявил:

— В докладе и законопроекте так ясно и подробно очерчены все обязанности и деятельность органов Морского Генерального Штаба, что остается только сесть и начать работать.

Тем, кто тормозил вопрос, оставалось только повиноваться. Обращаясь к начальнику Походной Канцелярии графу Гейдену, который вместе с Рождественским, вернувшимся тогда из японского плена, продвигал докладную Щеглова, Николай II заметил:

— Какие дельные мысли о разведке!

Судьба резидента в Стамбуле, была предрешена. В чем же состояли новаторские идеи Щеглова, и как они воплотились в жизнь?

Новацией было уже то, что в Морском Генеральном Штабе (Генморе) предлагалось заняться систематической работой по организации долговременной разведывательной службы на театрах возможных военных действий.

Обобщением ресурсных характеристик, открытой статистики, экономико-географических и военных сведений общего характера, равно как сбором и анализом разведывательных данных от закордонной агентуры должно было заниматься "Разведочное бюро Генмора". всю работу в нем должны были осуществлять 1 штаб- и 3 обер-офицера из общего числа в 10 штаб-офицеров

и 33 обер-офицера Генмора. Первым примером работы такого характера должна была стать деятельность группы по изучению войны западных держав с Китаем (так называемое усмирение “боксерского восстания” в 1900 г.). Заметим, что эта работа была проведена, собрана масса документов, которые осели в архивах. По-новому осмысленные, они ныне готовятся к публикации Отделением военной истории Академии естественных наук.

Щеглов не уставал повторять — для разведки нет ничего второстепенного в газетных публикациях. Он настоял на создании при Разведочном бюро отделения военной статистики. В штате состояли 1 штаб- и 8 обер-офицеров. Они деятельно трудились, и сегодняшней исследователь имеет уникальную и доселе не оцененную по достоинству и по перспективности возможность день за днем проследить по десяткам газет ход балканских и первой мировой войн. Корреспондентские сообщения, тщательно сверенные самим Щегловым, составляли важную часть его донесений из-за рубежа.

Вот какие задачи ставились сотрудниками Отделения иностранной статистики Разведочного бюро (представляется любопытным процитировать, с соблюдением стиля и лексики, как формулировались задачи Отделения):

“...Оно (отделение) изучает силы и средства вероятных противников (по театрам), освещает отделению русской статистики организационные вопросы, составляя и обрабатывая для этого соответствующие справки по иностранным флотам, следит за всеми новшествами иностранных флотов, собирая и обрабатывая для этого все доступные полные статистические сведения”.

Организационная сторона вопроса была тщательно продумана Щегловым и многократно обсуждалась им с коллегами и единомышленниками, в первую очередь с А.В. Колчаком. По каждому театру военных дейст-

вий, говорилось в документе, создаются так называемые “1-й и 2-й столы по изучению противника”.

В задачи 1-го стола входит:

— изучение общего финансового и военно-экономического потенциала противника;

— “наблюдение за направлением внешней и внутренней политики этого государства”;

— выяснение вероятного состава эскадр, отрядов кораблей и типов отдельных боевых кораблей и вспомогательных судов;

— “выяснение (всеми, особенно агентурными способами) вероятных пунктов и сроков сосредоточения неприятельских судов”;^{*}

— дислокация флотов и войск в мирное время;

— наступательные и оборонительные планы;

— “военно-стратегическое и статистическое описание побережья противника”;

— “изучение, сколь возможно близкое, характеристики высших начальников противника”;

— “особенности тактического обучения флота противника, результатов его стрельб и маневров”.

Предусматривалось также изучение “сухопутной обстановки”, включая бюджет государства, общий и по военному и военно-морскому ведомствам, для чего предполагалось использовать как легальные (военные атташаты и пр.), так и агентурные, глубоко законспирированные источники.

На офицере — главе 1-го стола лежала огромная ответственность. Ему вменялось лично отвечать за работу легалов и нелегалов по определению сильных и слабых сторон противника, трижды в год готовить подробные письменные сводки, а также обобщать данные в картограммах и таблицах.

Пожалуй, не меньшая нагрузка лежала и на 2-м столе. Через него собирались консульские (в копиях), фи-

* “А почему только неприятельских?” — отметил при обсуждении проекта А.В. Колчак. Реакция А.Н. Щеглова на это предложение осталась неизвестной.

нансовые (от агентуры и в копиях от посольских коммерческих канцелярий) сведения; анализировались и подшивались газеты с выделенными заметками, а также любые (включая частные, самого, на первый взгляд, незначительного характера) сообщения о политических событиях.

2-й стол ушами и глазами своих сотрудников на местах должен был доподлинно знать все передвижения военных кораблей, их вооружение, и как они прошли очередные ходовые и боевые (т.е. стрельбы) испытания.

Кроме очевидного накопления данных об арсеналах, доках, портах и пр., 2-й стол был обязан иметь списки судов и расписания пароходных коммерческих линий. Агентуре полагалось по возможности лично посетить эти пароходы и определить их пригодность для военных целей.

Ну и, видимо, в свободное от морских прогулок время каждому резиденту надлежало "составлять и регулярно обновлять сводки законов и указов противника как по центральному, так и военно-морскому ведомству".

Разведчик может и должен литературно обрабатывать ту часть своих трудов, которая будет со временем открыта.

"2-му столу каждые два года следует издавать печатные сборники своих трудов для пользования "по принадлежности", но следует иметь в поле зрения и общенаучные труды". Исключительно перспективной оказалась идея один раз в год силами всего Разведочного бюро составлять служебные таблицы: "Сравнительные изменения в силе врага".

Собранные статистические и общего назначения стратегические материалы в тунне не хранить, а публиковать в военных и военно-морских изданиях — таковы были мысли Щеглова.

Предлагался очень высокий уровень требований к сотрудникам Разведочного бюро и отделения иностранной статистики в частности. Достаточно сказать, что начальник отделения

подчинялся лично первому заместителю начальника Генмора с обязанностью письменного доклада один раз в два месяца. Все офицеры отделения зачислялись на должность только после полугодовой стажировки под наблюдением упомянутого первого заместителя начальника Генмора и очень суровых экзаменов. Знание трех-четырех иностранных языков и длительная зарубежная практика в стране изучения считались само собой разумеющимися факторами наравне с пяти-семилетней службой после окончания Морского корпуса.

Идеи Щеглова после очередного замечания Николая II, сказавшего: “Вижу в них залог обновления и скорейшего развития флота”, обретали воплощение.

9(22) января 1906 г. из стратегической части Военно-морского Ученого Отдела были откомандированы 14 офицеров в Управление Морского Генерального Штаба. В очередную годовщину этого откомандирования в Посольство России в Стамбуле 9 января 1912 г. пришла телеграмма. Она была без имени адресата — “в русское посольство”, на бланке Администрации почт и телеграфа Османской империи. Латинскими буквами в ней значилось (воспроизводим по подлиннику):

Vas pomnim pervogo iniziatora shtaba i shlem nizkiy
poklon Karsakoff Berens Samarine Keller Novikoff
Borkovsky Guene Nischenkoff Kallistoff Yakovleff

Адресат ознакомился с телеграммой друзей по Морскому Генеральному Штабу, думаю, с неменьшим удовлетворением, чем с подписанным тогда же царским рескриптом о награждении А.Н. Щеглова, капитана 2-го ранга, орденом Станислава 2-й степени “в воздаяние отличного усердной службы Вашей”.

Лично император и его лучший военно-морской агент, прибывший в Петербург для отчета, встретились в 12 часов дня 22 февраля (ст. ст.) 1912 г., когда в Зимнем дворце Николай II принял группу морских офицеров. Погода была сырая, форма одежды “парадная зимняя” чудовищно давила после легких стамбульских одежд. Рука государя показала Александру Николае-

вичу вялой и холодной, глаза смотрели куда-то вдаль... В личном деле появилась запись: "Е.И.В. соизволили (капитана 2-го ранга Щеглова) благодарить и пожелать успеха в работе..."

* * *

Признание товарищей и наше с Вами, читатель, внимание к необычной судьбе этого русского офицера, патриота и, строго говоря, отца-основателя военно-морской разведывательной службы России на Ближнем Востоке все время запаздывали. Видно, правы были наблюдательные и неторопливые офицеры из Осведомительного отдела, которые отмечали в нем полное отсутствие личной амбициозности...

Тогда, в 1906 г. успех всех предложений А.Н. Щеглова и высокая поддержка обеспечили, наконец, личное положение его — выходца из небогатой дворянской семьи, который не раз благодарил З.П. Рождественского за "подачу способов к пропитанию". Еще 27 февраля (ст. ст.) лейтенант А.Н. Щеглов подает рапорт об увольнении со службы по домашним обстоятельствам — на крохотное жалование флотского на берегу невозможно поддержать мать и двух сестер. Через месяц на Адмиралтейском канале у дома № 5 зачастили курьерские экипажи...

"Ваше высокоблагородие вызывается в Адмиралтейство тотчас же после заседания Цусимской комиссии, в 5 часов вечера".

Комиссии, заседания, личное участие в отборе первых сотрудников Разведочного бюро. И при этом составлялись новые разделы к курсу военной истории, наставления по работе агентурной сети в Средиземноморье, бумаги, докладные...

"Николаевская Морская Академия имеет честь пригласить Вас в одну из сред в январе или феврале сего 1908 г. сделать сообщение о работе Морского Генерального Штаба с приглашением всех слушателей, на-

чальствующим лицам и офицеров флота. Благоволите сообщить мнение. Спб. телефон Академии 266-00”.

Телефон ему тогда еще, в 1906 г., поставили быстро — через три месяца, а квартиру не дали. Очередники и тогда, оказывается, казенную квартиру ждали подолгу.

Сохранилась написанная Александром Николаевичем от руки программа его выступления в Николаевской Морской Академии. Внимание привлекают два пункта: “1. О методе разработки планов войны для сухопутных вооруженных сил”. Сбоку помечено синим карандашом: “Особо сказать о политической разведке и оценке сил потенциального противника через агентурные данные и прессу”.

“2. План развертывания морских сил”. И снова — значение “глубокой и долгой разведки”, “стратегическое развертывание на базе агентурных (сверху вставлено — “научно исчисленных”) данных о противнике”. Разведка на флоте, ее взаимодействие с сухопутной...

Тысячи страниц аналитических документов на базе данных о Турции и Балканах остаются еще не известными специалистам-историкам.

Как всякому одаренному человеку, к тому же первопроходцу в таких сферах, как научная организация разведки и реформирование Морского ведомства, Александру Николаевичу пришлось испытать до дна чашу терпения и выдержки. Он читал лекции в Морской Академии, подбирал людей на длительную зарубежную службу, писал массу документов научно-организационного характера, а в это время за его спиной творилось что-то нехорошее...

2(15) ноября 1907 г. в Морском министерстве состоялась очередная аттестация старших офицеров органов управления военно-морскими силами. Среди первоначально поданных на аттестацию имени и.д. штаб-офицера высшего оклада Морского Генерального Штаба А.Н. Щеглова вообще не оказалось. Он вовремя заметил. Извинились — описка, матросик, дескать, новый, “Ундервуд” он еще не освоил...

Во второй список Щеглова внесли. Однако на заседание, где проходило голосование, “забыли” пригласить шестерых старших штаб-офицеров нового органа — Морского Генерального Штаба, ближайших сподвижников Щеглова. В итоге получилось следующее.

Вопросы при баллотировке на должность, которую Щеглов уже занимал, были поставлены так:

1. Обладает ли данный офицер необходимыми опытом, знаниями и характером?

2. Обладает ли данный офицер способностью для приобретения новых знаний?

23 из 45 членов аттестационной комиссии ответили отрицательно. 16 — положительно. Фактически для аттестации Щеглова не хватило голосов именно тех людей, кто лучше всего его знал и кого не пригласили. Т.е. тех, кто вместе с ним боролся за обновление морской политики, за создание новых органов — Морского Генерального Штаба, военно-морской разведки — ушей и глаз научного аналитического центра, мозга всего российского флота.

Много лет спустя, в эмиграции, старые боевые товарищи Щеглова в книге “Колыбель флота. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701—1951” (Париж, 1951) воздали должное инициативе, энергии и настойчивости Александра Николаевича Щеглова. В книге говорится, что он первым жестоко раскритиковал “рутину и нестроение”, царившие в Главном Морском Штабе, предложил и провел в жизнь его реформу. Мысли и практическая деятельность А.Н. Щеглова в налаживании систематической разведслужбы флота до сих пор остаются недооцененными.

Тогда, в 1907 г. идеи и настойчивость 32-летнего старшего лейтенанта показались чиновникам в золотых эполетах чрезмерными. Ленив, нерешителен, к приобретению знаний не способен — вот вывод, который последовал из итогов заседания баллотировочной комиссии 2(15) ноября. И следствие — с флота списать. Его — создателя Морского Генерального Штаба,

инициатора Военно-Морской Академии! Любой бы дрогнул.

Трое суток телефонные барышни Петербурга тщетно прозванивались в квартиру на Адмиралтейском канале. Кое-кто из друзей приходил. Первым, как всегда, был выдержанный, внешне спокойный Саша Колчак. Негодовал энергичный, подстать Щеглову, Помощник Начальника Генмора капитан 2-го ранга А.В. Шталь — также гордость русского флота.

6(19) ноября 1907 г. Морскому Министру И.М. Дикову, о котором в 1951 г. знавшие его скажут осторожно “немножко самодур”, была подана докладная записка (копия ее хранится и поныне в личном деле А.Н. Щеглова среди прочих документов в Военно-Морском Архиве в Санкт-Петербурге). Это документ трагической и поразительной силы. Когда-нибудь я опубликую его целиком как образец достоинства и мужества русского офицера. Перед чем или перед кем? Увы! Перед самым опасным противником — чиновной косностью.

Кратко и достойно перечислив всю свою службу — от плавания вахтенным офицером в Средиземном море до курса лекций по военно-морской истории, А.Н. Щеглов решительно отмел как несообразные выводы комиссии, которую назвал хлестко — “тирания толпы”.

“Порядок, который сложился в Морском ведомстве, — писал Щеглов, — на руку всему бездарному... При его продолжении произойдет естественный отбор и продвижение ничтожества. Те же люди, которые хоть на один миллиметр выше общего уровня, покинут флот без сожаления, так как нельзя служить случайной властью. Отсутствие гарантий службы приведет к тому, что деятельные офицеры Морского Генерального Штаба, только что созданного, начнут разбегаться... Прошу выдать мне документ, что проект Морского Генерального Штаба был действительно мною разработан, какой послужит мне пособием для приискания себе заработка, когда буду уволен из Морского ведомства”. (Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота, фонд 1234 (Щеглов), дело 8, листы 3—4.)

Докладная никого не потрясла, ничего не взорвала. Борьба между чиновными старцами в руководстве Морского министерства и молодежью в Морском Генеральном Штабе затягивалась. В сухопутном Военном министерстве назначенный в 1908 г. министром Сухолинов усмотрел в параллельном Морском министерстве и в его Генеральном Штабе “много-много вольного” и подчинил себе начальника Генерального Штаба сухопутных войск, до того независимого от военного министра.

Предложения Щеглова о разведслужбе, о координации усилий военно-морской и военной сухопутной разведок оставались где-то в недрах громадных генеральских столов.

А.Н. Щеглов как лично известный государю и “благополезный” (признали все-таки!) офицер уволен не был. Однако и развернуться ему не давали.

Они ушли, как и пришли в Генмор, вместе — Александр Васильевич Колчак убыл командовать судном в Экспедиции Северного Ледовитого океана, Александр Николаевич Щеглов получил возможность на практике реализовать свои идеи о разведке.

* * *

Много позже, весной 1918 г., в Стокгольме, где он застрял в связи с революциями 1917 года, Щеглов вспоминал работу в Турции — Османской империи — как самые счастливые годы жизни. Привычно перебирая любимые янтарные четки, под серым мартовским небом Швеции 1918 года Щеглов мысленно видел другую весну и другое море.

...На берега Босфора весна приходит буйно. Красные маки, кажется, затапливают город и выплескиваются прямо в воды бухты Золотого Рога. Красное и серое... Красные и белые. Для тех, новых, кто пришел на Дворцовую в Петрограде в октябре 1917, он стал белым. Он не думал о том, какого он цвета, ни в феврале—марте 1917 г., ни позже, летом, когда старый друг

Андрей Мандельштам, много лет служивший драгоманом российского посольства в Стамбуле и тоже попавший в Стокгольм, порвал предписание о возвращении в Петроград и отправился приватным образом в Париж. Туда, оказывается, еще в 1913 г. он перевел деньги, что лежали в банке в Петербурге, а потом и те, что получал в Стамбуле (и, кажется, не только из кассы российского посольства), и в 1920-е гг. безбедно жил и много писал.

А где теперь Саша Язьков, вспоминал в марте 1918 г. Щеглов, ближайший помощник в Стамбуле? Саша отпросился на Родину после отречения государя...*

Где Николай Корсун, мрачный армейский подполковник, полгода служивший в Стамбуле в аппарате российского военного атташе? Тот действительно ушел в революцию и, говорят, уже при штабе большевиков...** А он, Щеглов, служил; вступал порой в столкновение с теми, кто сейчас собирает так называемое патриотическое воинство России. Но что теперь? Служба его в Стокгольме повисла в воздухе, средств на жизнь не дает. Новым властям на родине он не нужен, да и сам он о них имел самое смутное представление. Может быть, прав был последний посол России в Стамбуле М.Н. Гирс, когда весной 1914 г. советовал ему прикупить домик на острове в Мраморном море? Сидел бы сейчас и писал мемуары... В памяти русского офицера много интересного...***

Щеглов вспомнил, как учили они, уже в чинах офицеры, замысловатый своими арабскими письменами турецкий язык в 1907—1908 гг. Как же пригодилось это потом! Стамбул 1909 года, когда туда попал Щеглов, живо представился ему калейдоскопом старого и нового.

* А. Язьков принял участие в переводе кораблей Балтфлота из Ревеля в Кронштадт. Расстрелян по приказу Дыбенко вместе с командованием Балтфлота.

** Н. Корсун стал крупным военным историком, комбригом, а затем генерал-лейтенантом Красной Армии, автором серии трудов по истории первой мировой войны.

*** Из депеши посла России М.Н. Гирса Морскому министру И.К. Григоровичу от 28 апреля (ст. ст.) 1913 г.: "Докладываю... о высшей степени полезной

Уже прошел год, как по стране прокатилась мощная революция, совершенная в 1908 г. младотурками, молодыми армейскими офицерами, и ограничившая деспотизм султана. К власти пришли новые, энергичные люди, хотевшие обновления одряхлевшей Османской империи. Куда они поведут обширную и богатую страну, владычицу Черноморских проливов и многих стратегических пунктов на Суэце, в Красном море и Персидском заливе?

Тогда, в 1908—1909 гг. в Петербурге на сей счет ясности не было. Представители от военной разведки работали в Турции достаточно активно. Однако круг осмещаемых ими проблем был достаточно узок.

Необходим был свежий взгляд, непредвзятый и острый ум аналитика. Кроме того, требовалось знание всего региона — политики, быта, нравов, идеологии — в сочетании со специальной военной-морской подготовкой.

За привычными картинами гаремов, янычар и одалисок, которые бойко рисовала и русская, и европейская рука наблюдателя на час, поспешного туриста по экзотической империи Османов, следовало увидеть и описать старого, но по-новому сильного противника.

Выбор пал на Щеглова. Это была идеальная кандидатура. Знание Средиземноморья, языков, обычаев, неодинарность взглядов...

Тогда, в 1909 году, прибыв в Стамбул на должность старшего военно-морского агента (т.е. атташе) России, А.Н. Щеглов поразился развязности тона и поверх-

и плодотворной деятельности в Стамбуле капитана 2-го ранга А.Н. Щеглова... Имею случай неоднократно пользоваться содействием нашего морского агента, я считаю своим долгом отметить, что он неизменно спокойно и правильно разбирался в военно-политической обстановке и всегда своевременно осведомлял меня по всем военно-морским вопросам. Равным образом сделанная им оценка турецкого флота, так же как и доклад его о значении успешности для ведения русской политики на Ближнем Востоке сильного Черноморского флота и необходимости десантной операции, вполне подтвердились происшедшими военными событиями".

Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота, ф. 418 (Иностранная статистика), д. 2952, л. 8.

ности оценок, которые давал всем событиям на Ближнем Востоке посол Н.В. Чарыков, гофмейстер двора Николая II. Генерал паркетной службы, Чарыков заверял царя, беспечно проигравшего войну японцам, что Османская империя после своей революции 1908 г. уже “совсем ручная”, а младотурки так и “вообще одержимы идеей дружбы с русскими”. Что же до создания сильного Черноморского флота, в свое время зубной боли царя Николая I, так “они, турки, на то ни средств, ни желанья не имеют”. Гофмейстер знал настроения в Зимнем дворце, где и слышать не хотели, что турки уже совсем не те, что были разбиты в 1877—1878 гг.

Как много приходилось Щеглову узнавать и понимать!

Россия, потерпевшая поражения в Крымской войне 1853—1856 гг., не имела права держать и строить военные корабли на Черном море. Как, впрочем, и Османская империя — держава из числа победителей. Таково было решение Англии, Франции и Австрии.

Российский канцлер Александр Михайлович Горчаков, не слишком таясь от своего старого друга, османского великого везира Фуад-паши, но в тайне от западных держав, подготовил и в 1871 г. обнародовал отказ России от унижительного для великой державы запрета иметь флот.

Отказ России от ограничений на морские вооружения в 1871 г. распространялся и на Османскую империю. Турецкие султаны в период 1870—1900-х годов не жалели средств на новый военный флот в Черном море. Осознав все это, Щеглов быстро уяснил свою задачу в сложной ситуации: подружиться с турками, но четко держать курс на защиту интересов своей страны.

Это было тем более не просто, что российского посла-гофмейстера в Стамбуле мастерски водили за нос. Это прекрасно получалось у расторопных молодых людей из турецкого министерства иностранных дел, отличавшихся великолепным французским языком и отменными манерами, приобретенными в лучших военных училищах Европы. Они без конца возили Н.В. Чарыкова по пустующим верфям (еще эпохи Крымской вой-

ны), показывали театрализованные учения гребных лодок, где гребцы на потеху послу были наряжены в янычарские тюрбаны, запрещенные еще в 1826 г., забавляли скачками джигитов и бесконечными пантомимами из жизни старой доброй Османской империи. Благо танцовщицы — француженки и гречанки — отлично демонстрировали танец живота и умело снимали семь покрывал, как истинные дочери гарема, о котором имели представление, пожалуй, столь же сладкое и далекое от правды, как и сам посол.

К тому же Чарыкову очень нравилась бирюза на старом турецком оружии, которое часто появлялось у почтительного и лукавого Мехмета в роскошной лавке недалеко от посольского особняка... И в донесениях Чарыкова в Петербург звучала успокаивающая мысль: у турок флота не будет, так и нам, в России, незачем тратиться.

Щеглов быстро понял, что турки говорят и показывают послу именно то, что тому приятно знать и хочется видеть. Он начал работать независимо.

Невысокого роста плотный шатен с небольшими усиками, опущенными по углам губ, Щеглов ничем не выделялся в разноязыкой стамбульской толпе. Он был неотличим в массе бесконечных пассажиров, переправлявшихся в Ускюдар — на азиатский берег Босфора. Частенько он не успевал вернуться с последним паромом обратно на европейский берег, в Перу, где находилась российская резиденция. Если же нанятая им лодка-кайик оказывалась в редко посещаемом европейцами месте, если вдруг там открывались взору новехонькие, на английский манер устроенные верфи или виднелись в закатных лучах силуэты снаряжавшихся боевых кораблей, которые были закуплены в Европе, — так это чистая случайность, не более того.

Именно так говаривал продрогший на жестоком босфорском ветру Щеглов, появляясь после таких оказий в доме начальника Русского (Черноморского) управления Морского Штаба Турции Али-бея или в доме директора Управления по делам печати Серет-бея. При этом он не выпускал из рук любимые янтарные

четки. Ведь так удобно, перебирая бусины, подсчитать серые громады кораблей на дальнем рейде.

Он знал и уважал обычаи турок, этот “симпатичный петербургский шпион”, как его за глаза называли в Стамбуле.

Если послу Чарыкову с насмешливой легкостью подсовывали откровенную липу, то трудно было обманывать человека, который, не приняв ислам, все же посетит с тобой в рамазан, освоил зурну и наигрывает турецкие мелодии, берет уроки старинной, полузабытой османской каллиграфии. И уж тут снова дело случая, что уроки каллиграфии дает этому удивительному русскому Юсуф Али-бей, полковник Генштаба и знаток древностей Востока.

Я не берусь судить в деталях, как было дело, но в июне 1913 г., во время кровавой гражданской междоусобной бойни в Стамбуле, кажется, никто из окружения русского разведчика не пострадал. Все до одного конфиденты Щеглова оказались в это время — кто в Египте, кто в Греции, а кто и в Одессе. Об их безопасности позаботились двое — Щеглов и министр внутренних дел Турции Джанбулат-бей. Среди них были два генштабиста, три сотрудника центрального аппарата МВД Турции и даже четверо юнкеров старшего выпуска Стамбульского пехотного училища. Предстоит еще выяснить их судьбу, а также узнать, кто же в Петербурге получал копии его депеш и кто так умело и твердо направлял его деятельность в Турции, причем под девизом: “Знать правду, а мир с турками сохранять всемерно”.

Все это разительно отличалось от официального жесткого курса послов — Н.В. Чарыкова, а затем М.Н. Гирса. И было на пользу обеим империям. Обладание абсолютно достоверной информацией позволило позже военно-морскому командованию России не дать втянуть себя, например, в кровавую бойню на Галлипольском полуострове в 1915 году (см. ниже), несмотря на отчаянные призывы Лондона. Не бросился русский десант и на самоубийственную операцию по захвату Босфора, как ни нажимали на Петроград Лондон и Париж...

Влияние Щеглова было столь значительно, что еще в 1911 г. ему удалось своевременной информацией, переданной в Петербург через голову посла, и полученным оттуда также напрямую ответом для Военного министерства и для Министерства внутренних дел Турции предотвратить разрыв отношений двух держав. Даже один этот эпизод его карьеры, а также описание остроумных способов его контактов с информаторами заслуживают отдельного очерка!

Пожалуй, никто из военных и дипломатов России на Босфоре не обращался к петербургскому начальству с просьбой о финансовом содействии “на цели деликатного свойства” так часто, как Щеглов. И получал его. Игра Щеглова стоила свеч. После долгих сидений Щеглова с его приятелями за костями, нардами, картами (судя по всему, он часто и помногу проигрывал!) или просто за кальяном в уютных кофейнях Перы и Галаты, кварталов Стамбула, населенных преимущественно европейцами, в Петербурге появлялись строго секретные документы с пометой “получено от Щеглова”.

Я не люблю прохладный и терпкий дым кальяна, не выношу карты и нарды, но, кажется, готов стерпеть что угодно, лишь бы узнать, как появился у Щеглова (а теперь у меня на столе) сверхсекретный документ турецкого Морского Штаба, озаглавленный “Записка на случай войны с Россией. Составлена Рыза Шакир-беем, 8 отдел Морского Штаба Турции”. В нем сформулирована стратегическая задача Турции — создать в ближайшие 3—5 лет мощный подводный флот, современный скоростной надводный флот и только тогда “начать осуществлять наступательные операции против России”, которая, как считали в Стамбуле, “еще не скоро воспрянет от непонимания роли флота”.

Или другой документ “от Щеглова” — сообщение о ежегодных, рассчитанных вплоть до 1925 г. приращении на 50% военных расходов Турции на морские вооружения, которые начались еще в 1910 г. Это стало совершенным откровением для Петербурга.

Судя по архивным документам, Щеглов “проигрывал” своим турецким партнерам не только казенные

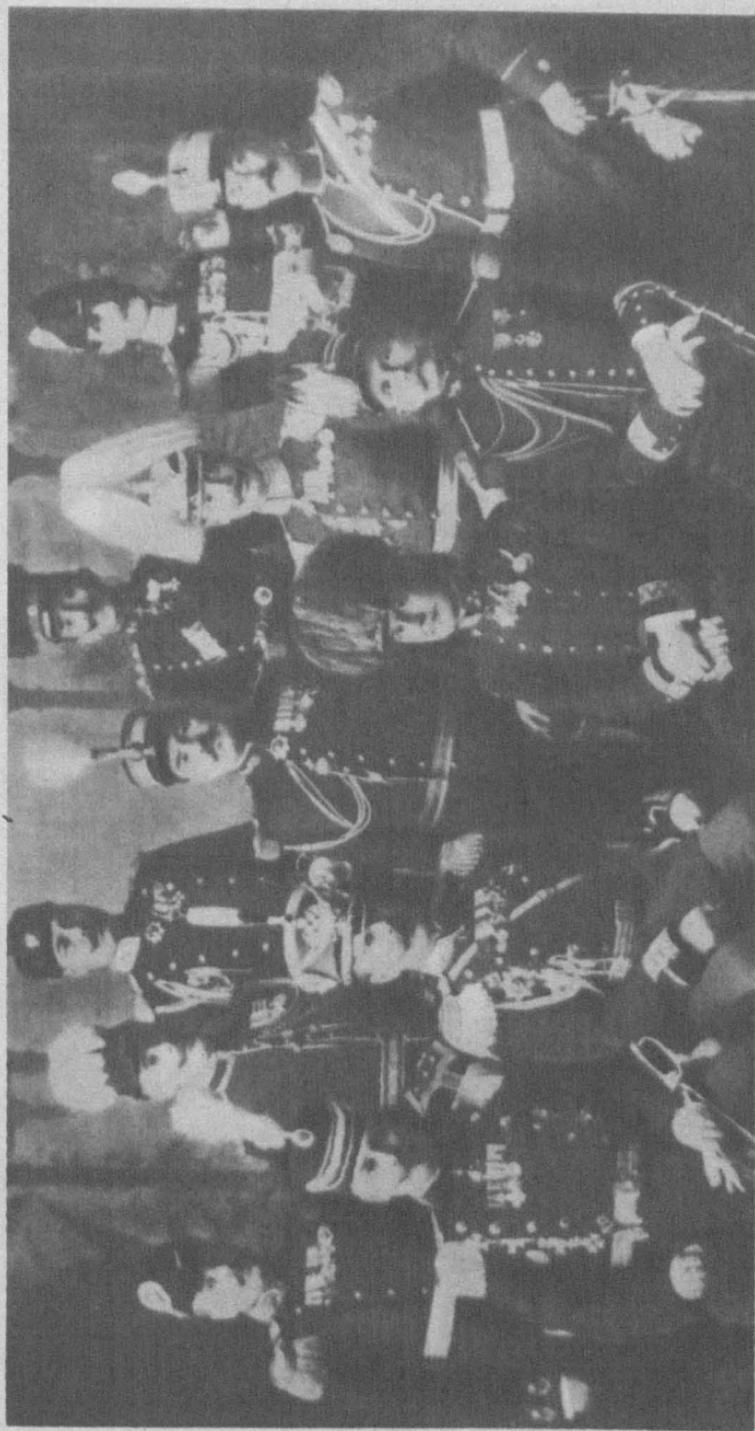
суммы. К концу своей службы, к осени 1917 г., он остался без средств. Кто помог ему? Никто.

О том, как ценили “наверху” поразительную информацию Щеглова, свидетельствует один небольшой документ. Обращение Щеглова напрямую к морскому министру И.К. Григоровичу от 26 июня 1913 г.

“В продолжение 12 месяцев итало-турецкой войны и 8 месяцев балканской нахожусь почти непрерывно в зоне военных действий [сообщения оттуда — самостоятельный сюжет для целой книги — *В.Ш.*]. Все чины иностранных посольств и мои коллеги по европейским военным миссиям получили 20% надбавку к жалованию по вздорожанию жизни в Стамбуле. Я же — ничего, не говоря о личных пожертвованиях, от коих нельзя уклониться... Содержание же мое слагалось следующим образом: жалование по чину капитана 2-го ранга 184 руб., еще суточные. Всего 784 руб. в месяц. Если бы было благоугодно. Вам распорядиться доплачивать мне 20%, как всем за военные действия, выходило бы по 156 руб. в месяц. Всего за 20 месяцев войны Турции с соседями 3120 руб.” Григорович прочел, поразмыслил и велел — исчислить поэкономнее. Так и сделали.

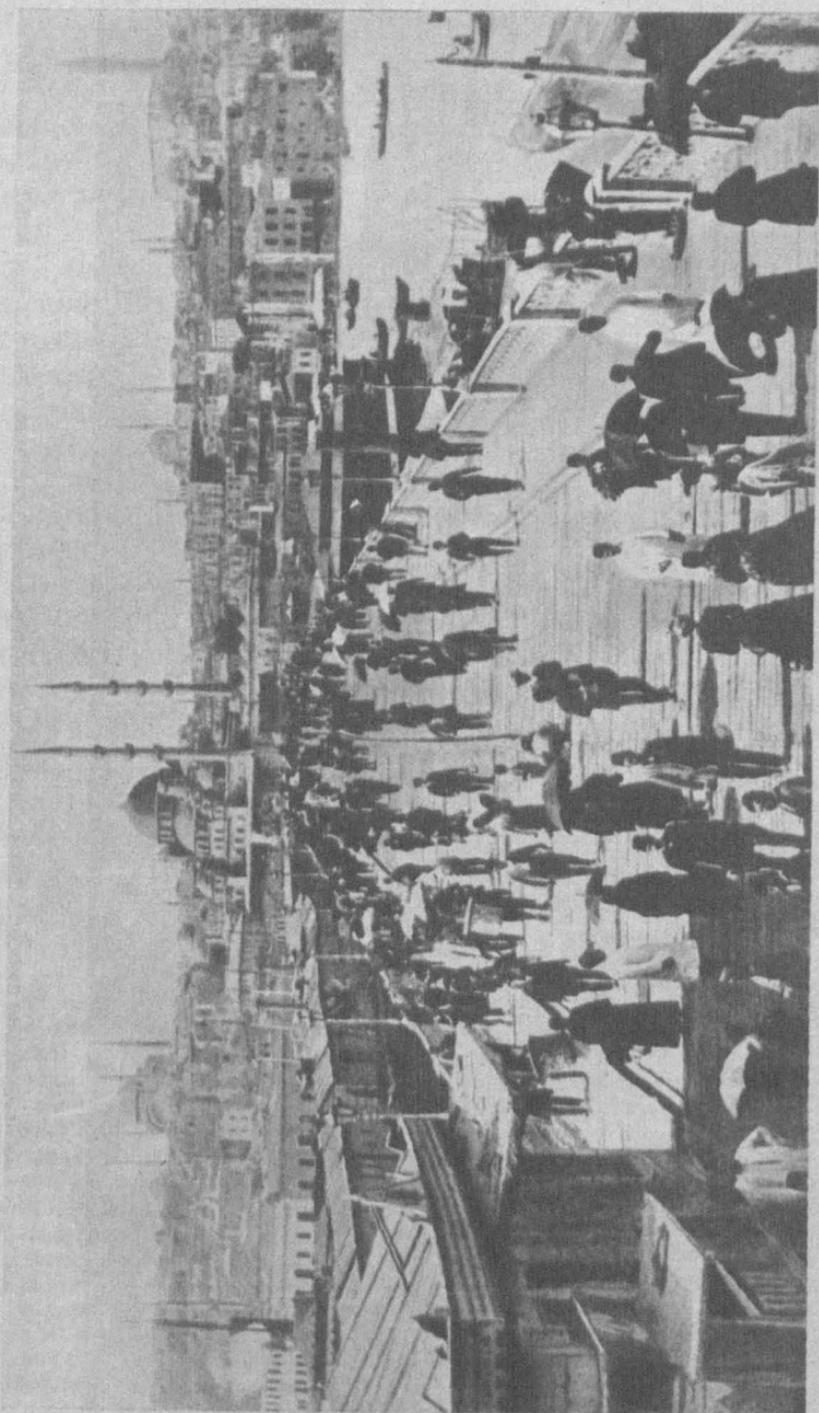
Прибавку выплатили, но не от общей суммы, а от жалования, что выходило не по 156 руб. в месяц, а лишь по 24 рубля. Будь доволен, Щеглов!*

* История распорядилась с Иваном Константиновичем Григоровичем по-своему. Скупость его в отношении самого результативного военно-морского агента оценена не была никем. 31 марта 1917 г. он был уволен с должности морского министра постановлением Временного правительства и далее бедствовал нещадно. Спасли его от голодной смерти большевики. Вот выписка из документа о принятии его на работу в должность редактора военно-морской секции Архивного фонда: “Зачислить с 01.06.1919 г. как пострадавшего от Временного правительства с окладом в 5250 руб.” Минимум в Архивном фонде составлял 3300, а предел — 5850 руб. В “Обследовании материального положения И.К. Григоровича (1919 г.)” говорилось: “Средств к жизни за аннулированием небольшого капитала в Государственном банке не имеет. Живет лишь продажей своего имущества и рисованием на улице”. Чтобы закончить этот сюжет, скажем, что в 1924 г. И.К. Григорович после многочисленных просьб получил разрешение на отъезд за границу. В Париже полунищий А.Н. Щеглов встретил все обнищавшего бывшего морского министра. Обнялись, да так больше и не расставались...

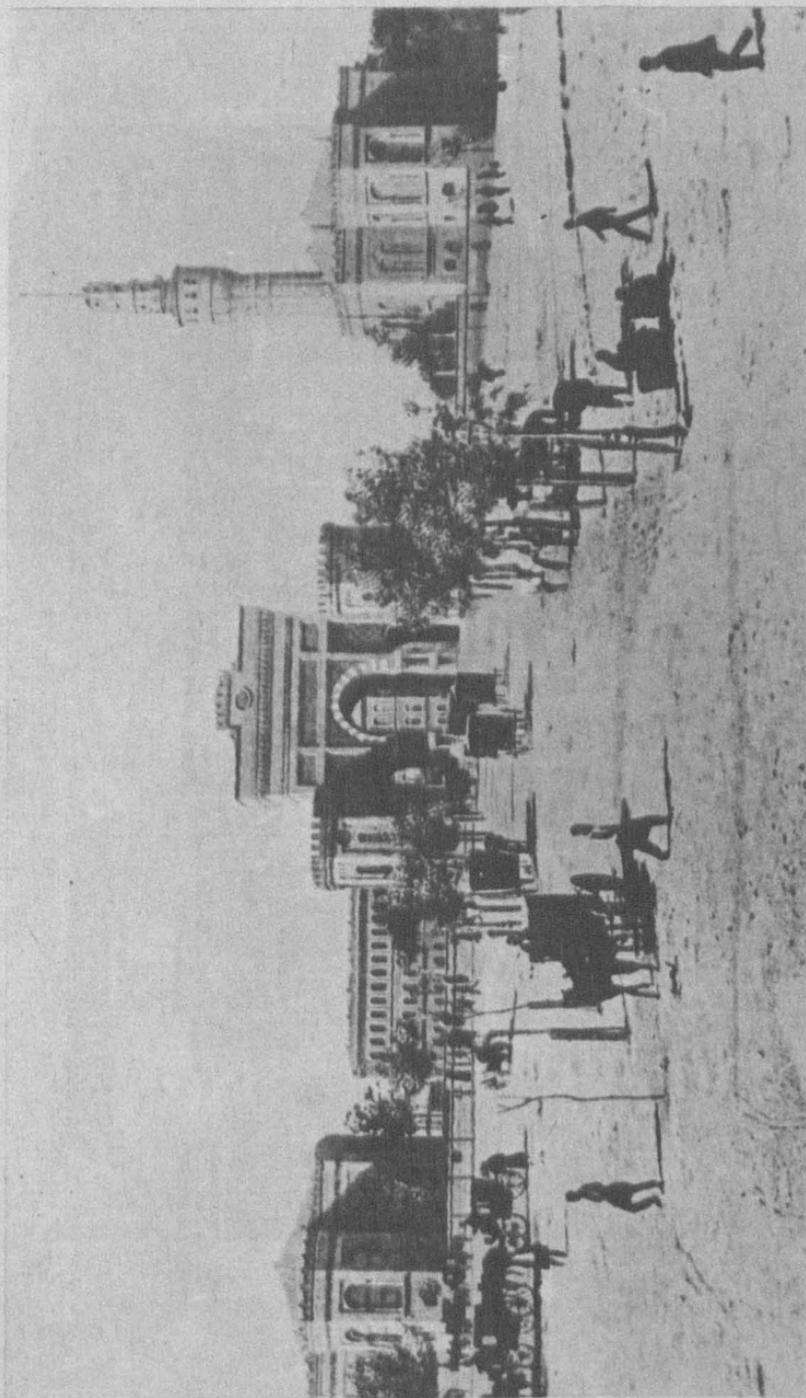

“Последний раз вместе”. Военные и военно-морские атташе европейских держав
в Стамбуле в канун первой мировой войны

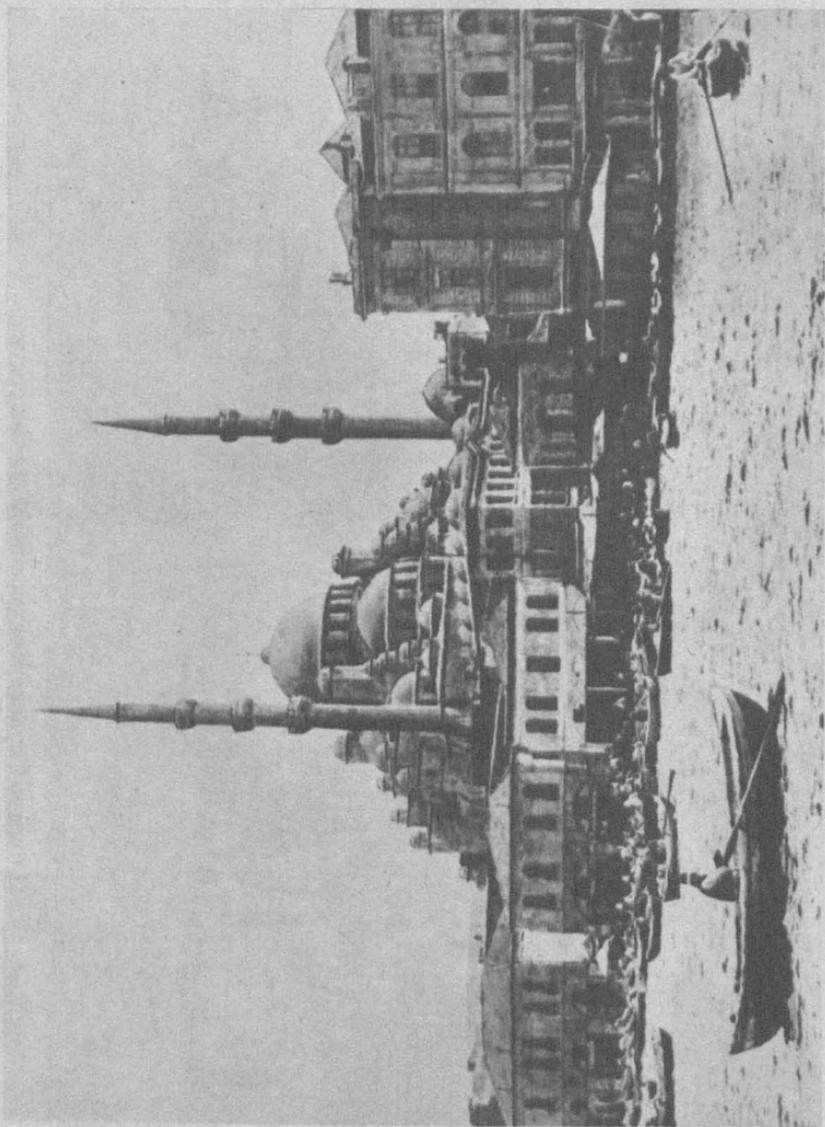
*Сидит второй слева генерал-майор М.Н. Леонтьев,
стоит крайний слева капитан 2-го ранга А.Н. Щеглов*

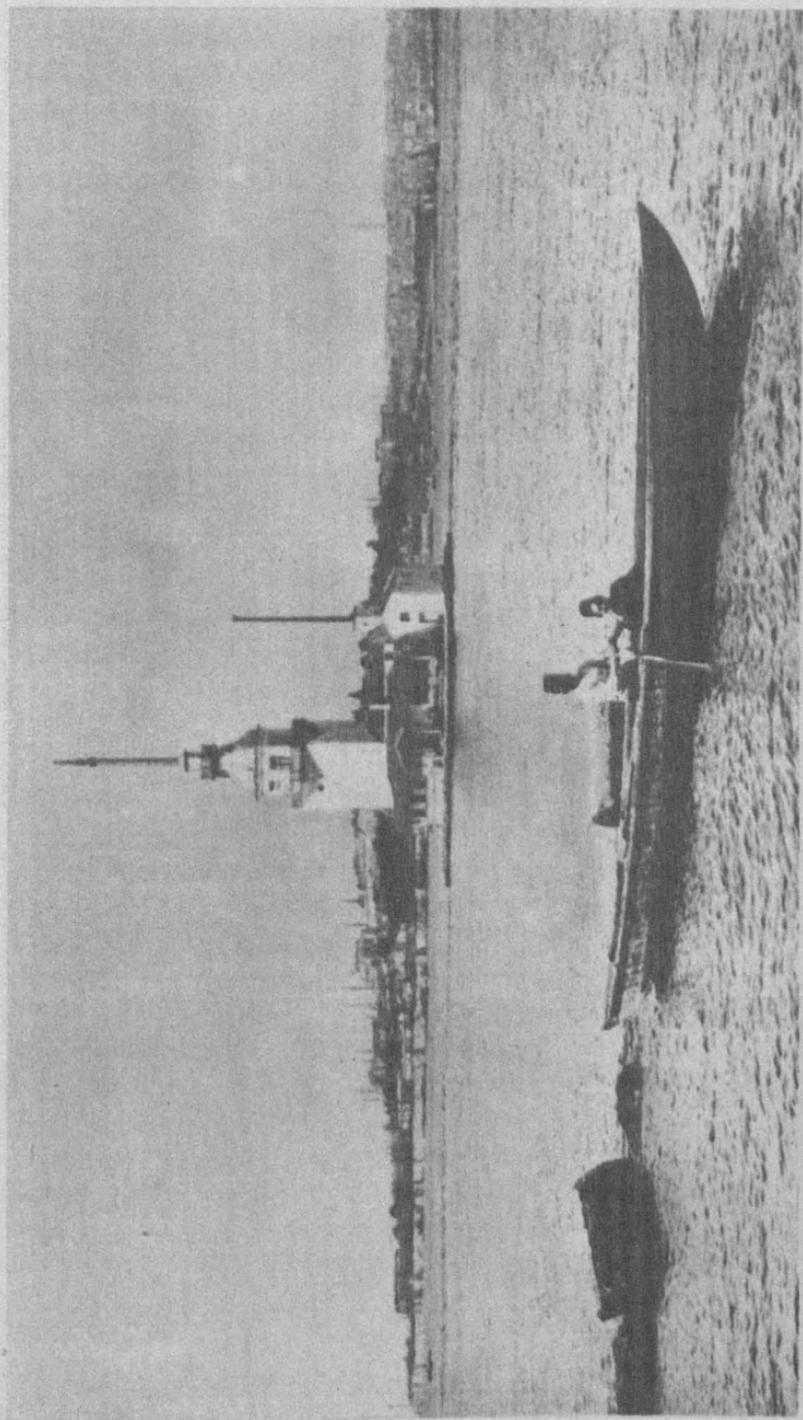
Мост Кара Кей
В углу слева — любимая чайхана А.Н. Щеглова

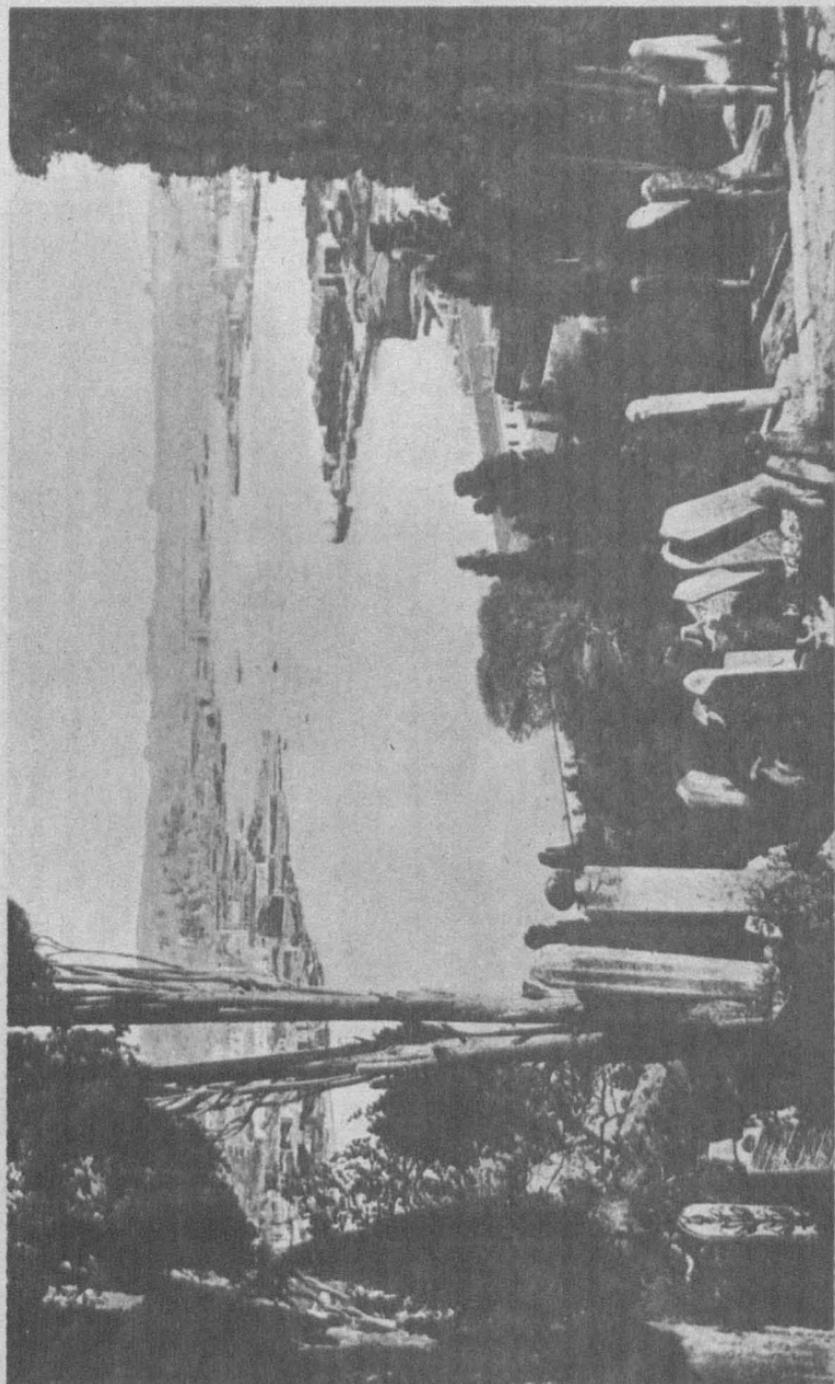
Площадь Сераскерата (военного министерства)
В глубине — «Высокие Врата», или «Высокая Порта»

Лодочники-перевозчики на Босфоре

Лодочник и его пассажир на Босфоре
На заднем плане — Кыз Кулеси, или Девичья Башня, которую часто посещал А.Н. Щеглов

Кладбище в Стамбуле — одно из мест встреч А.Н. Щеглова с “конфидентами”

Щеглов видел, знал и понимал в жизни Турции то, что ускользало от внимания других европейцев. Он, как никто, умел связывать воедино мозаику мелких фактов. Например, до сих пор оставалось загадкой как для современников, так и для историков сегодня, почему вдруг собрался и в двадцать четыре часа покинул Турцию главный советник младотурок по военным вопросам германский генерал К. Лиман фон Сандерс, окруженный почетом и уважением, причем вполне заслуженно. Тайну его практически бегства прояснил Щеглов в своей очередной депеше на Дворцовую, 6. Жена и дочь генерала неосмотрительно затеяли прогулку на азиатском берегу Босфора. Вдвоем, без сопровождения и охраны... Женщины были изнасилованы туземными солдатами. Эта депеша Щеглова оказалась столь высокого уровня засекречивания, что появилась на свет из хранилища только в 1992 г.

И не было ни военной, ни дипломатической тайны в смене германских советников в Стамбуле. Была глубокая личная драма. И такие сведения тоже ценны, тем более через 80 лет домыслов и догадок.

Не работой одной живет разведчик — это очевидная истина. Были свои “внеслужебные” увлечения и у Щеглова. Касались они литературных упражнений. Две повести, новелла, два-три неоконченных фрагмента — наследие А.Н. Щеглова из области беллетристики. И сохранились они самым удивительным образом.

В июле—августе 1913 г. А.Н. Щеглов был в отпуске дома, в Петербурге. Обратнo в Турцию он возвращался через Англию, где его ждала очаровательная 18-летняя Джесси, верная спутница жизни в последующие сорок лет. Дальние поездки, мытарства эмиграции, воспитание двоих детей — все это в будущем... Александр Николаевич скончался 9 января 1953 г.; его жена (она была моложе его ровно на двадцать лет) переживет его

на три с половиной года и скончается в больнице Сен-Клу под Парижем 9 июня 1956 г. Похоронены они рядом. Но, повторяю, все это — в будущем. А пока, в августе 1913 г. они думали только о будущем счастье.

Щеглов отплыл в Англию 28 августа (ст. ст.). Все почти вещи, включая книги и рукописи неоконченных трудов (среди них были и те самые художественные труды), запаковал в чемодан и уложил в специальный ящик. По квитанции № 5032494 Морской Транспортной и Страховой Компании багаж был отправлен в Стамбул, на адрес русского посольства.

Можно представить себе изумление чинов дипломатической канцелярии Морского ведомства России в Петербурге, когда через три недели после этого, 19 сентября к ним пришел военно-морской атташе Турции в Петербурге Ремзи-бей и вручил сильно попорченный чемодан, объяснив — это от Щеглова, из Стамбула, но пришло на его, Ремзи-бея, имя из стамбульской таможни.

В присутствии Ремзи-бея чемодан вскрыли (ящик где-то пропал). Остальное можно дополнить из рапорта на имя посла М.Н. Гирса, написанного Щегловым, который вернулся в Стамбул 1(14) октября 1913 г. и обнаружил, что, пребывая в Англии, якобы он лично умудрился переслать свой багаж обратно в Петербург, да еще в атташат Турции.

“Никогда, — писал он, — не верил в чертовщину, но теперь займусь этим всерьез. Вещи мои и документы в полном порядке. За исключением того, что с парадного мундира спороты две боковые пуговицы, галун расплетен, но на место уложен, а из платья недостает пары брюк. Да еще пропала визитка, вложенная в прорезь чемодана, и кое-какие пустые бумажки...”

Позже на вопрос Гирса, какие же именно “бумажки” пропали, он пояснил кратко: “Так, кое-какие литературные опусы...”

Посол дал делу ход; подключилось руководство разведслужбы. Но никакого объяснения этому эпизоду так никто и не дал. Зато литературные опусы Щеглова...

непостижимо перекочевали из турецкого атташата в Осведомительный отдел при российском разведывательном ведомстве.

Сам Щеглов этих бумаг больше не получил. Ему не довелось вернуться в Петербург — война, перевод в Румынию, затем Стокгольм, Париж... Да и не очень это значительно — его литературные странички. Если в служебных докладах и донесениях — упругий слог, масса острых психологических оценок, четкий, ясный и образный язык, то в повестях — совсем иное. Эти его труды — живое свидетельство того, что ни Свифта, ни Флеминга, ни Ле Карре из Щеглова не получилось.

От лица торгового агента в Стамбуле рассказывается о красоте города, о прелести Золотого Рога и проливов. “По весне в Стамбуле невыносимо. Уехать куда-нибудь, только не на Босфор, где сыро, сухо, жарко, холодно, дождливо и пыльно, и все это в одно время. ...Дрезден, Париж — куда угодно... Но нет, Босфор мой, и я люблю его, — он всегда иной, и в этом его прелесть”.

Герой повести — любитель “вкусно пожить, погулять по набережным, так чтобы вдоволь прополоскать свои глаза видом хорошеньких женщин, а то занять место у кассы роликовых коньков и увидеть ножку, а при случае круглое коленко...”

“...Этот Стамбул. В этой узкой интернациональной дипломатической коробке люди совершенно перемешаны, наподобие сладких, горьких, больших и маленьких конфект...”

Право же, литература ничего не потеряла от пропажи этих рукописей, а силы и средства, потраченные турками на их поиск, отнесем на издержки стамбульской службы, считавшей, что о Щеглове ей положено знать все. Впрочем, турецкие “коллеги” последнего слова еще не сказали.

Подлинной поэзией творчества можно назвать донесения Александра Николаевича. Как высокое искусство читаются его политические и статистические обзоры о Балканах и Ближнем Востоке. А какой дар предвидения!

Именно Щеглов вычислил рост и качественные параметры морских вооружений Турции в 1910—1914 гг. Именно он передал в Петербург ошеломляющее сообщение: еще в ноябре 1912 г. турки были готовы купить у Берлина славу и гордость германского флота — тяжелый крейсер “Гёбен”. При оценочной стоимости корабля в 50 миллионов марок Стамбул предлагал за него 75 миллионов! По своим боевым качествам “Гёбен” один перевесил бы силы Черноморского флота России!

Историкам известен только тот факт, что два года спустя Германия уступила Турции “Гёбен” и крейсер аналогичного типа “Бреслау” за символическую сумму. По данным же Щеглова, сделка вообще была фиктивной — Германия фактически навязала Турции корабли, чтобы заставить ее выступить против России. Выход этих крейсеров через Проливы в Черное море ознаменовал начало войны Турции осенью 1914 г. со странами Антанты. Точные данные о начале военных действий — 5.30 утра 29 октября 1914 г. (кстати, эти данные публикуются нами впервые) — были сообщены в Петербург Щегловым.

В последний предвоенный год, когда Турция уже не могла скрывать рост своих морских вооружений, Щеглов сумел подготовить почву для обращения Стамбула в Россию с заказом на строительство нескольких броненосцев для османского флота. Однако в Петербурге его донесение так долго ходило по кабинетам, изумляя своей небывалостью твердолобых российских чинуш, что от многочисленных пометок — “изучить”, “доложить”, “продумать” и даже “а с чего бы это?” — превратилось в продырявленный бюрократическими карандашами, сильно потертый листок. Он тоже лежит сегодня в архиве — памятник нашему бессмертному “как бы чего не вышло”.

Тогда турки плюнули и быстро перекупили броненосцы у Аргентины и Бразилии. Россия потеряла и выгоднейший заказ, и доверие турок.

Впрочем, великий везир Османской империи, ознакомившись осенью 1913 г. с расположением и отделкой помещений для рядового состава на русских военных

кораблях, заметил в разговоре со Щегловым: “Слишком душно и тесно. Туркам это не подходит”.

В Стамбуле любят кофе. Но как истинный петербуржец, Щеглов предпочитал чай. Его любимым местом было небольшое заведение вблизи Старого моста через Золотой Рог. Отсюда город — как на ладони. Хозяин приносил чай в хрустальных, напоминающих грушу стаканчиках-армуди, присаживался к завсегдатаю. Оказывается, хозяин был потомком янычара, одного из тех, кого в 1826 г. истребил султан Махмуд II, не раз повторявший, что он сделал это быстро и беспощадно, как царь Петр I, казнивший стрельцов. Текли долгие беседы русского и турка — о судьбах империи, о жизни османской столицы и провинций.

Щеглов потом многое запишет. Ряд неожиданных документов (листочки, чрезвычайные выпуски газет, воззвания противоборствующих политических группировок) приложит к донесению в Петербург. Не исключено, что именно в беседах на берегу Босфора он раскрыл авантюру британской разведслужбы, попытавшейся в 1913 г. через подставных лиц купить землю и построить секретную гавань на Босфоре. Не здесь ли родились его отчаянные призывы к русской дипломатии на Балканах — “не увлекаться идеей триумфальной победы”, “не ждать, что Балканы враз станут под русские знамена”, «помнить, что разлад “отцов и детей” особенно резко подмечен именно у славян», а потому русских на Балканах ждет в лучшем случае “слабая вспышка народного энтузиазма, тогда как интеллигенция в Болгарии, Румынии будет против России”. Следовательно, писал Щеглов, надо искать пути сближения со всеми странами региона, и в числе первых — с Турцией.

“Вздором и притом опаснейшим” для судеб всего региона и для России называл еще в 1913 г. русский разведчик навязчивую царскую идею о водружении российского флага над Проливами. Не в этом ли разгадка того, что в 1914 г. Щеглова убирают из Стамбула — сначала в Румынию, а затем и вовсе в далекую Скандинавию, в Стокгольм.

В охваченном военной истерией летом 1914 г. Петербурге холодным душем стала яркая и объективная оценка ситуации, прозвучавшая из стамбульского центра русской военно-морской разведки: “Русский Черноморский флот абсолютно не готов к военным действиям, а по скорости хода турецкие корабли превосходят русские на 2,5—3 узла”. Щеглов отмечал, что “турки раздражены неловким посредничеством России в войнах Турции с балканскими странами в 1912—1913 гг.”, когда Петербург своими миротворческими по духу, но неуклюжими и ничем не обеспеченными заявлениями не только не способствовал миру на Балканах, а скорее разжигал в противоборствующих сторонах неоправданные надежды и как следствие — вражду.

Наконец, еще с ноября 1913 г. Щеглов категорически высказывается против любой операции военно-морского флота в Дарданеллах. “Бесполезная трата сил и человеческих жизней, — говорил он, — обойдется в 100 тысяч жертв”. Щеглов ошибался в цифрах. Предпринятая по настоянию Уинстона Черчилля (в то время Первого лорда Адмиралтейства Великобритании) бесславная для Антанты десантная операция в Дарданеллах в 1915 г. унесла более полумиллиона человек с обеих сторон.

Профессионал высокого класса, сообщавший, в частности, регулярно и подробно о датах заседаний и о повестке дня германо-турецкого Бюро по контршпионажу, работавшего в Стамбуле весной—летом 1914 г., А.Н. Щеглов сделал все возможное, чтобы Россия и Турция не столкнулись на полях сражений.

Вот как это было.

Весной 1914 г. стамбульские газеты деятельно обсуждали возможную поездку группы высокопоставленных деятелей младотурецкого режима в Петербург. Возглавить ее должен был Председатель Комитета, глава правящего младотурецкого триумvirата Талаат-паша, женатый, кстати, на русской женщине. Высокий уровень делегации поддерживался также за счет включения в ее состав военного министра и другого члена

триумвирата — Энвер-паши. О них мы расскажем ниже.

Когда в Петербурге стало известно, что в Россию собирается “друг кайзера и главный агент Германии на Востоке”, как называли Энвер-пашу, объем и количество шифротелеграмм между Петербургом и Стамбулом, по моим подсчетам, утроились.

И морское, и военное ведомства России насторожились — чего хочет добиться в Петербурге этот непримиримый противник России и фактический лидер младотурецкого режима. Запросы были адресованы российскому посольству в Стамбуле, военному и военноморскому атташе. Посол России М.Н. Гирс и военный атташе генерал-майор Леонтьев отделались общими рассуждениями в духе того, что 32-летнему Энвер-паше деятельность натуры и любовь к неожиданным поворотам в политике дают как бы импульс к разъездам за рубеж. Детально перечислялись поездки военного министра в страны Западной Европы и в соседние балканские государства, встречи, имена, продолжительность некоторых бесед, вероятные и реальные темы. Все — как положено. За исключением главного — чего можно ожидать.

Дворцовая, 6 высказала Гирсу недовольство скудостью оценок. Причем в выражениях кратких, но энергичных.

Посол спохватился — где сводки Щеглова. Оказалось, что некто из российского посольства, чиновник из аппарата посла, который готовил депши для Петербурга по визиту Энвер-паши, вообще не включил собранные Щегловым материалы. А они-то и давали подлинную картину того, сколь сложен и противоречив был “русский поворот” в политике Турции весной 1914 г.

По просьбе посла Александр Николаевич подготовил еще один вариант своих оценок ситуации. Он обратил внимание, что в Стамбуле работает Русско-турецкий Комитет по торговле. Во главе его стоял видный младотурок, начальник одного из департаментов Ми-

нистерства торговли Исмет-бей, а заместителем его стал, по просьбе самих турок, директор стамбульского отделения Русско-Азиатского Банка Гр. Печенев. “Оба деятельны, так и спуют, умножая капиталы, между Одессой и Стамбулом. При словах “война”, “воевать”, “оружіе” и пр. один бледнеет и крестится, а другой дико вращает глазами, шевелит усами и призывает Аллаха покарать тех, кто накликает войну”.

Правда, А.Н. Щеглов не давал увлечь себя картиной безмятежной дружбы. Раз-другой он посетил созданный Комитетом по торговле при российском посольстве Русский кружок. Там обучали русскому языку, читали первые переводы на турецкий язык Пушкина и Гоголя. Поглощали несметное количество пельменей из говядины, а самовары кипели, писал Щеглов, “беспреданно, как только не распаяются”...

Русский кружок собирался в уютнейшей домашней обстановке, когда и сам посол Гирс, вальяжно-добродушный, посиживал в кругу турецкой молодежи “нового закалу”, а любезная его супруга удалялась с дамами из этого кружка для обсуждения своих дел, которые, увы, остались неведомы даже Щеглову.

Александр Николаевич поглядел, послушал, навел справки. Это было в марте—апреле. А в июне 1914 г. в Севастополе, Керчи и Феодосии в руки местной полиции и чинов военного дознания попали несколько человек, деятельно и, как оказалось, весьма умело составлявших схемы доков и портовых сооружений, размещения кораблей на швартовках и описания пречих, как занесли в протокол, “предметов свойства деликатного и до поставок сухофруктов, как показывают задержанные, отношения вовсе не имеющие”.

С обликом этих “негоциантов” сличили переданные Щегловым словесные портреты самых активных и усердных членов Русского кружка, которые “совсем в образ вошли, до 20—24 чашек чаю выпивали”. Совпало. Отнюдь не фруктами торговали и даже не контрабанду везли офицеры Русского отдела Штаба Черноморского флота Турции, деятельно изучавшие положе-

ние дел на флоте у вероятного противника — России. Впрочем, если учесть, что пиратские рейды к мирным берегам Феодосии и Керчи все же удались турецким и германским кораблям в первые часы войны, следует признать, что не всех членов Русского кружка, любителей пельменей и соленых грибов, удалось обезвредить.

Борьба продолжалась — невидимая в Стамбуле и все более явная за пределами Османской империи.

В июне 1914 г. командир русской канонерской лодки “Донец”, посетившей Стамбул и Измир, лейтенант А. Шипулинский докладывал в Штаб Черноморского флота о своем удачном и успешном походе в турецкие порты, “где встречали приветливо и разные высокие особы из местного начальства лодку посещали и о политических предметах пространно изъяснялись”. Рапорт Шипулинского содержит упоминание о визите на борт “Донца” директора политического департамента при генерал-губернаторе Измира, трех богатых купцов из греков и трех из турок, наконец, о визите на лодку командира 3-го армейского корпуса, штаб которого находился в Измире. “Все они заверяют в дружбе”, — доложил начальству лейтенант и сообщил еще одну “незначительную” подробность.

Когда канонерка была готова уйти из Стамбула курсом на Принцевы острова и далее на Измир, на борт поднялся сотрудник русского посольства и посоветовал храброму лейтенанту взять в качестве переводчика крымского татарина Селима, уже доказавшего свою преданность российскому престолу. Толмач-переводчик был невысок ростом, тих и непритязателен, уместился где-то так, что командир его и не видел во время всего перехода.

Шипулинский в своем подробном рапорте отметил, что все турецкие чины, посетившие канонерку, после традиционных приветствий очень пространно беседовали с толмачом, а его переводы того, что говорили турки, были округлыми и достаточно короткими. Но лейтенант решил, что таковы особенности турецкого языка. Главное же — визит состоялся, подарки на

борту, можно возвращаться через Босфор домой, в Россию. Только одно обстоятельство вызвало некоторую досаду.

Селим-ага пожелал остаться в Измире — “по причине опасения морской болезни”. Так и записали в рапорте.

— Одно слово — дикарь. Даже денег не взял, — заметил небрежно Шипулинский, когда при посещении русского посольства рассказывал об итогах визита в Измир.

— Это вы верно заметили, господин лейтенант, — сухо ответил выслушавший его рассказ о кебабах и долге военный атташе. — Денег он не берет.

Лейтенанту бы удивиться, почему не военно-морской атташе с ним беседует. И еще больше удивился бы он, если бы смог прочитать полные отчеты своего толмача об измирских беседах. Эти отчеты довелось читать уже нам — через 80 лет. И в них поражает знание ситуации и глубина оценок.

Толмач Селим, он же А.Н. Щеглов, сообщил: “Турецкие деятели хорошо сознают необходимость для Турции дружбы со столь могущественным и великим соседом... Тем более, что под властью турок нет более славянских земель, которые только и служили поводом к войне с Россией”.

Эта оценка показывала, что в русско-турецких отношениях наступала принципиально новая стадия.

Оставшийся в Измире скромный толмач легко преобразался то в богатого татарина Селима-челеби, едущего в хадж к святым для мусульманина местам, то в бродягу-крымчака, скрывающегося от правосудия и русских властей. Бывало по-разному.

Оценки были однозначны: глубинка давит на младотурецких деятелей в пользу мира с Россией. Следует учитывать это обстоятельство и постараться оторвать Турцию от прогерманской ориентации.

Крымчак Селим-ага, знаток цен на разные товары в черноморских портах России — как не знать, всего неделю как из Феодосии! — легко находил слушателей, горсть плова и стаканчик чаю или чашечку кофе.

“В Измире, других приморских городах многочисленные толпы греков и турок совсем между собой перемешаны. Переполнены кафешки, в которых за столиками восседают вместе и греки, и турки, и ничем это не подтверждает ужасов, о которых пишут стамбульские младотурецкие газеты — о насильственном выселении греков из Измира”.

Богатому паломнику татарину Селиму-челеби каймакам, правитель провинции, которому был нанесен визит и вручены дары — меха из Казани, откровенно сказал: “Мы едва ожили, ни воевать с Россией, ни выселять греков не будем. Если на то будет воля Аллаха...”

А генерал Эссад-паша, у которого тоже побывал богатый казанский паломник, был еще более конкретен: “И нам, Турции, и соседним славянским государствам после Балканских войн так много работы, что преступлением было бы думать кому-либо из нас о войне”.

Согласно кивал белой чалмой Селим-челеби, торопливо записывал все беседы и посылал-посылал депеши на родину: войны можно избежать. Энвер-пашу и других членов младотурецкого Комитета еще можно остановить на пагубном пути к мировой войне.

О, Селим-челеби, твои донесения легли в небрежные руки и оказались позабыты, как ребаб-и шикесте, разбитый ребаб, инструмент бродячего певца. Тогда твои призывы или не читали вовсе (чаще всего), или не захотели их понять.

Тогда к его советам не прислушались. *Сейчас он очень нужен нам. По-современному звучат слова русского разведчика: знать, но не воевать!*

* * *

Переведенный после начала войны с Турцией из Стамбула в Бухарест на прежнюю должность военно-морского агента, Александр Николаевич вряд ли мог предположить, что именно здесь его жизни угрожает самая большая опасность.

Все началось в канун Нового, 1915 года, в небольшой гостинице Бухареста, где остановился и, как приня-

то было, столовался Щеглов. “Неправильности в деятельности моего сердца”, — так охарактеризовал он свои недомогания, нараставшие в течение двух недель. — “Обычно прислуживавший за моим столиком официант стал явно избегать обслуживать меня, потом исчез”.

В ночь с 22 на 23 января 1915 г. наступил кризис. В положенном отчете месяц спустя Щеглова записал так: “Около 3-х часов ночи сердце почти остановилось, и сильные судороги повергли меня на пол. Насилу встал. Сварил свежего чаю и — полный провал. Вероятно, успел дернуть сигнал тревоги в службу отеля”.

“Очнулся я, — продолжал Щеглов, — в своей кровати. Доктор, пухленький и умиротворенный, небрежно разглядывал что-то на моем письменном столе.

На мой стон румынский доктор, вызванный ночным портье, неспешно обернулся, взглянул рассеянно:

— Ну, вот, кажется, и полегчало. Не волнуйтесь. Небольшая простуда. Небось, Рождество да Новый год... Шалили? Сознайтесь!

Я и языком-то шевельнуть не в состоянии, а доктор с игривостью продолжал:

— От шампанского отказаться вовсе. Лед на голову и побольше... мороженого”.

“Сделать анализ мочи, как я требовал, наотрез отказался”, — записал позже Щеглов.

С тем доктор и уехал. У Щеглова достало сил вызвать своего доверенного, жившего в том же отеле, и добраться до русской миссии.

“Вплоть до седьмого марта, — продолжает Щеглов, — я лежал в сознании ясном, но в почти полном бессилии”.

Насчет того, что лежал пластом (в отдельной комнате в посольском особняке) — это точно. Насчет бессилия — скромничает.

...С 23 января начали и все продолжают прибывать агенты Щеглова, создавая нам массу хлопот, но он настаивает на необходимости и срочности для Петрограда доставляемых ими сведений... Это уже из посольского отчета о беспокойном постояльце.

“Агентами по разведке продолжаю руководить, шифровать помогали секретари миссии”. Щеглов — Начальнику Морского Генерального Штаба 16 февраля 1915 г. из Бухареста.

Человек исключительного мужества и завидного здоровья, Щеглов перенес, как установили прибывшие из Севастополя русские военные врачи, постепенное отравление сразу несколькими ядами.

Выяснилось, что это покушение организовал некий Зураб, стамбульский турок, “бежавший” с началом войны из Стамбула в Бухарест. Не вслед ли за Щегловым уехал Зураб? Во всяком случае, нейтрализация русского разведчика была организована по тем временам неплохо. К ядам в пищу попытались добавить “лечение”. Кроме установленной той памятной ночью “простуды”, два местных румынских врача, которых встревоженная дирекция отеля прислала к Щеглову (в русское посольство!), установили, и это записано в документах, “явное отравление свежей икрой из Дуная, в котором плавают много трупов...” Такой курьез не смог бы придумать ни один романист. Главное — администрация чиста, причина найдена. Стало быть, и делу конец. Русский рыбы поел!

Самому Щеглову стало хуже и, думаю, юмора он не оценил. 7 марта — еще один консилиум, по случаю слабости сердечной деятельности. Диагноз: “болезнь аорты, лечить подкожными впрыскиваниями иода”.

Тогда-то и прогнал Щеглов местных эскулапов и настоял на прибытии русского врача из Севастополя.

Приезжали к нему дважды. Это — в разгар войны, совсем особое дело. Выходили Щеглова, да и натура его чрезвычайно крепкая спасла.

Впрочем, сам он об этом периоде, т.е. январе—мае 1915 г., писал просто: “Сердце мое сильно ослаблено и работает неправильно. Пульс не достигает и 60 ударов”. И тут же — о работе: “Так как исполнение моих обязанностей носит кабинетный характер, болезнь моя ущерба службе не наносит...” (из донесения от 1(14) февраля 1915 г.).

Такое состояние продолжалось примерно до конца июня 1915 г. За эти месяцы довелось узнать Александру Николаевичу многое: подлость завистников, дружбу и верность товарищей. А также пришлось ему испытать новый поворот в судьбе. Уже по собственной воле.

Щеглов овдовел в 1909 г. А в 1910 г., будучи в Лондоне, познакомился с Джесси Уискер, пятнадцатилетней дочерью сотрудника Британского Адмиралтейства. В последующие годы они редко виделись, но часто переписывались, тянулись друг к другу.

Казалось, все было против них. Разные страны. Различные вероисповедания. 20 лет разницы в возрасте. Двое детей у Щеглова при полной неустроенности финансов.

Они решили пожениться еще в 1914 г., но пришла война, свадьбу пришлось отложить, хотя согласие Главного Морского Штаба было уже получено.

Верное сердце любящей женщины! Что ему война! Что расстояние! В конце апреля 1915 г. здоровье Щеглова резко ухудшилось. Об этом он доложил начальству кратко: “припадки сердца усилились, страдания мои были безмерны. Я приготовился к смерти и сделал соответствующие распоряжения”.

Среди подготовленных Щегловым бумаг было и краткое прощание с любимой, остававшейся в Лондоне...

“17 мая день моего счастья — я не умер и тому удивляюсь. На пороге моей комнаты явилась Джесси Уискер... Дефект аорты у меня есть, состояние мое неопределенное — от счастья до отчаяния. Прошу Ваше Превосходительство дать подтверждение на брак с английской подданной мисс Уискер в посольской церкви”. (Щеглов — Начальнику Главного Морского штаба 23 мая 1915 г.).

Ну что за человек! Что за поразительные люди оба! Двадцатилетняя Джесси, промчавшаяся через охваченную огнем Европу к постели умирающего. Александр Николаевич, не вполне уверенный, выживет ли. Но зна-

ющий, — его Джесси с ним, а законы службы если не превыше всего, то уж рядом с тем, что суть жизни.

Они обвенчались через неделю, так как подтверждающая и благословляющая телеграмма пришла моментально — 26 мая. Они прожили нежно и дружно до конца. До 1953 года. И лежат в вечном покое рядом...

Тогда же пришлось преодолеть и горечь недоверия.

В начале июня 1915 г. в Бухарест прибыл с проверкой деятельности Щеглова и его состояния капитан 2-го ранга И.А. Бок. Итогом был желчный отчет, до предела насыщенный ядом и скептицизмом в отношении возможности дальнейшего использования Щеглова на службе. Я не буду приводить даже фрагменты из этого документа. Лишь несколько пассажей: “я нашел Щеглова напуганным болезнью и плохо побритым (!). Он очень слаб и быстро утомляется... Говорит сухо и кратко...” И еще три страницы текста в том же духе.

Впрочем, Боку пришлось признать, что это была их единственная беседа. При том “виделись мы с 12 часов ночи до 2 часов ночи; после чего Щеглов ушел ловить контрабанду и вернулся только через сутки...”

“О себе и своей молодой жене не распространялся, но сообщил мне новые данные, что Австрия сделала ультиматум, и дал сведения о торговле оружием через румынскую границу”.

Какова недостаточность сердечной деятельности у напуганного агента! Сутки напролет “в деле”, а проверяющему, видимо, хотелось еще чего-то, помимо оперативных данных.

* * *

Я уже закончил работу над бумагами Щеглова, работал над другой темой, как неожиданно, среди документов Морского ведомства, совершенно не относящихся к разведке, нашел личное письмо Начальника Генерального Морского Штаба от 18 марта 1916 г., в котором А.И. Русин, человек прямой и честный, среди прочего заметил старому товарищу, что никак не может

поддержать ходатайство о назначении Бока на место Щеглова в Бухарест. По причинам, “которые после известной ревизии Бока к Щеглову делают его дальнейшую службу в Штабе вовсе невозможной по моральным соображениям”.

Вот так-то, фискал!

Все же в июне 1915 г. командование перевело Щеглова в Стокгольм, подальше от возможных повторений покушения на него. Бухарест они покинули вместе с Джесси. И более не расставились до конца, до 1953 года.

Таков, уважаемый читатель, был А.Н. Щеглов, бумаги, донесения, материалы которого пройдут через все страницы книги, которую Вы держите в руках.

С “противоположной”, турецкой стороны тоже действовали люди чрезвычайно достойные. Их позиция вызывает большое уважение.

2. Они так не хотели воевать

Они были дружны со времен учебы в Стамбульском военном училище — Ниязи Фахретдин-бей и Хюсейн Хильми-паша. Вместе служили в частях, дислоцированных в Европейской Турции, в Македонии, и с гордостью носили уважительное прозвище — “фракийские львы”, поскольку были среди первых участников младотурецкой революционной организации “Единение и Прогресс”. Активно участвовали в революции 1908 г., затем входили в руководящий комитет младотурецкой партии. В 1912—1913 гг. оба получили высокие назначения. Старший по возрасту и по званию Хюсейн Хильми отправился послом в Вену. Ниязи Фахретдин оказался хозяином уютного посольского особняка в Петербурге. Друзья поддерживали переписку, видимо, достаточно оживленную. До нас дошло далеко не все: черновики писем аккуратиста Ниязи Фахретдина в Вену и некоторые письма его корреспондента. Они, письма, содержали массу личного, но, как увидим, и многое такое, что в свое время привлекло к переписке внимание подтяну-

тых молодых людей из 2-го, Черноморского отделения Морского Генерального Штаба России. Искусством знать, что вышло из-под пера интересовавшего их объекта, эти люди владели безупречно. Когда я добрался до их переписки, хранящейся в Архиве Военно-Морского флота, что в нынешнем Санкт-Петербурге, мне попались в руки и копии писем, и переводы, деликатно приложенные к информации о событиях в Турции, в Восточной Европе.

Переписка “прошла” по Морскому ведомству России еще и потому, что обратить внимание на нее рекомендовал в одном из своих донесений в 1913 г. военно-морской атташе (или как тогда говорили — “агент”, что было истиной) в Турции А. Н. Щеглов.

Перед отъездом из Петербурга Ниязи Фахретдин-бей вечером 8 сентября 1914 г. просматривал и уничтожал последние бумаги, в том числе и переписку с другом и коллегой в Вене. Но! Не все сгорело. Возможно, тяга в камине была слишком слабой, тогда в Петербурге долго стояли прозрачные теплые дни. Прислуга в турецком посольстве, та, что низшего ранга — дворники, истопники, посудомойки, — как водится, нанималась на месте, в данном случае в Питере. Не берусь сказать точно, но не исключено, что за кое-какие полуобгорелые листочки с характерной вязью арабских букв усердная русская прислуга при турецком после получила “катеньку”, да не одну. А скукоженные бумажки попадали в умелые бережные руки, те же самые, что аккуратно и ласково “приголубили” не одно послание Фахретдин-бея. Так и осели бумаги в Петербурге.

Раскроем те из писем турецких послов, в которых они обменивались мнениями о расстановке сил на Балканах и Ближнем Востоке в канун и в начальный, т.е. до вступления Турции в военные действия, период войны 1914—1918 гг. Замечу, что в данной книге все материалы или цитируются, или излагаются с предельным приближением к оригиналу.

Прежде всего обращает на себя внимание один факт: кажущийся ныне общепринятым термин “османская ар-

мия” отражал не более, чем 70%-й уровень этнических турок в армии. И только в начале войны! Целые дивизии были “османскими”, т.е. они комплектовались из арабов, курдов, исламизированной части населения Европейской Турции, наконец, балканских турок. Причем подавляющая масса этих турок воспринимала армию как отчужденно “османскую”, а родиной считала не Малую Азию, а Балканы. Офицеры этих частей также были балканцами по рождению, связанными с Европейской Турцией имущественно — дома, земли, другая недвижимость. И, что еще важнее, — особенностями балканского менталитета. В понимании этих людей, а к ним относились и наши герои, сохранение за Османской империей Европейской Турции были равносильно сохранению самой империи. И наоборот.

Другое обстоятельство — это теснейшие связи политико-экономического и социокультурного характера Европейской Турции с Австро-Венгрией (на протяжении столетий) и с Германией (последние тридцать лет XIX века). Причем связи эти были более тесными, чем с турецкой метрополией — Малой Азией. Соответственно формировался типаж офицера-балканца из турок или из местных мусульман, определялись их политические пристрастия. Достаточно сказать, что в 1914 г. практически все османские офицеры-балканцы от майора и выше прошли обучение или стажировку в Германии или в Австро-Венгрии.

Опытный войсковой командир, с опытом Балканских войн и тонкий дипломат по характеру, Хюсейн Хильми-паша одним из первых понял, что своего рода местничество в среде мусульман-балканцев, их слишком большая, как он считал, заинтересованность в судьбе своих христианских земляков в Европейской Турции могут иметь нежелательные последствия для османского центра. Мусульманско-христианские Балканы, как он полагал, могут стать для этих людей более притягательной и реальной перспективой, чем Великий Туран — прародина тюрок, воспевавшаяся младотурками. Отсюда следовал его совет-рекомендация другу и кол-

леге в Петербурге подумать, как обеспечить наиболее действенным способом “азиатизацию” политики Стамбула. Примечательно, что полковник Демирхан Пертев, служивший одно время адъютантом известного германского “реформатора турецкой армии” К. фон дер Гольца, писал, что Берлин в 1913—1914 гг. настойчиво рекомендовал Стамбулу нацелить прогермански настроенных офицеров (и, вероятно, посла Хильми-пашу) ориентироваться не на Балканы, а на Арабский Восток, на Среднюю Азию и Кавказ и начать организацию там опорных баз, разумеется нелегальных.

Особенно негодовал Хильми-паша на лозунги: “Армению — армянам, арабские земли — арабам, Балканы — балканским народам”, которые звучали на всей территории Османской империи. Его негодование по этому поводу сопровождалось замечаниями: такие идеи опасны и для Российской империи, люди живут впере­мешку и пусть живут.

Не считали ли послы в Вене и Петербурге, что их обмен мнениями бесполезно знать российскому МИД? Не была ли преднамеренной некоторая небрежность в обращении с письмами у двух кадровых османских военных и опытных дипломатов, какими были Хильми-паша и Фахретдин-бей? Кто знает теперь...

Отдельная группа писем из Вены в Петербург была посвящена итогам Балканских войн 1912—1913 гг. Опуская ряд конкретных подробностей, обратим внимание на проблему беженцев в трактовке умного и тонкого наблюдателя, военного, профессионала. Турецкий посол в Вене, вероятно, одним из первых среди современников отметил, что в отношении Турции и молодых балканских государств, силой оружия утвердивших или доказавших право на свой особый курс в международных отношениях 1913—1914 гг., возник грозный при­зрак грядущих конфликтов.

Это была проблема балканских турок, бежавших из Европейской Турции в Малую Азию, “где их совсем не ждали”. “Они были исполнены отчаяния и ненависти, — писал Хюсейн Хильми-паша. — Они опасны, ибо

могут стать орудием в руках любого, кто пообещает им вернуть земли на Балканах". Турецкие беженцы, — как писал посол, — "это символ и провозвестник крушения самой Турецкой империи". Он был настоящим провидцем, этот вальяжный паша, с неизменными агатовыми четками на запястье. Он предупреждал своего петербургского корреспондента (и только ли его, а, может быть, и безымянных людей с Дворцовой, дом 6), что те из противников Турции, которые уповали бы на балканских беженцев в политических расчетах, посеяли бы смуту в своей стране и в сопредельных странах тоже.

Турецкие беженцы — это часть национального горя, справедливо считал Хюсейн Хильми-паша. Однако, если появятся на дорогах Европы и России миллионы славянских беженцев, то "рухнут многие кабинеты".

"Нет, право, — заканчивал он, — нельзя воевать на Балканах. Нельзя!"

И последнее. Так и тянет написать — из серии доверительных соображений для русских "коллег-противников". Дело в том, что инициативу младотурецкого военного лидера Энвер-паши по заключению русско-турецкого военного союза принято относить к 7—9 августа 1914 г. (см. ниже). Эта инициатива была отвергнута недалёковидными деятелями николаевской дипломатии и военных кругов России. А ведь могла бы принципиально измениться расстановка сил в первой мировой войне...

Письма Хюсейн-паши еще в июне 1914 г., т.е. задолго до сараевского убийства, содержали предположение (или, может быть, предложение?) о Юго-Восточном блоке. В основу должен был быть положен союз России, Турции и славянских стран Балканского полуострова с возможностью присоединения к нему любого другого государства. Нацеленный против вторжения Австро-Венгрии на Балканы, такой блок, сроком действия не менее 10 лет, предотвратил бы, по мнению турецкого посла в Вене, пожар на Балканах, который мог бы уничтожить, как считал он (и оказался прав), сразу три империи — Османскую, Австро-Венгерскую и...

Российскую. Трудно вообразить, что подобный план был поведен послу Турции в Петербурге просто так, для упражнений праздного ума.

Увы, Ниязи Фахретдин-бей не сумел или не смог заинтересовать своих российских конфиденентов перспективой союза России, Турции и балканских держав. Но, право, читатель, каковы прогнозы?

Мысль Хюсейна Хильми-паши о том, что нынешняя (в 1914 г.) пантюркистская и панисламистская политика младотурецкого руководства воспитывает среди мусульман ненависть к христианам и тем предельно пагубна для всех, нашла живой отклик у его петербургского корреспондента. Последний разделял взгляд своего венского коллеги на то, что младотурецкий Комитет явно ведет дело к новому конфликту. Тем, например, что “засылает в отошедшие к Болгарии области своих эмиссаров, а те всячески побуждают местных мусульман не принимать болгарского правления”. Обоих послов очевидным образом раздражала близорукость официального Стамбула в вопросе о балканских союзниках. Оба они, как следует из их переписки, исходили из принципиальной возможности союза России и Турции для предотвращения “большой войны на Балканах”. Они принадлежали к тому крылу в правительственных и дипломатических кругах Османской империи, которое в 1914—1917 гг. усиленно искало возможность выхода из войны путем сепаратного мира с Россией (или с другим членом Антанты). Об этом мы расскажем в отдельной главе нашей книги.

Но и Хюсейн Хильми-паша, и Ниязи Фахретдин-бей, при всей широте взглядов и лично мирных устремлениях (что, согласитесь, читатель, очень важно для послов), оставались, естественно, в плену служебного долга. Фахретдин-бей сообщал в августе 1914 г. в Вену, что русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов также озабочен созданием Балканского союза при участии Турции и Болгарии. Камнем преткновения явилась судьба Черноморских проливов, решающее слово в определении которой хотел играть Стамбул. И второе об-

стоятельство вырисовывается из посланий Фахретдин-бея. При полном взаимопонимании с русскими военными и дипломатами относительно того, что мир на Балканах достигим только путем взаимного согласия всех сторон, т.е. России, Турции и самих балканских стран, собеседники принципиально расходились (а я склонен думать, что идеи Балканского союза по-сезонски и Юго-Восточного блока по-турецки Фахретдин-бей все же негласно обсуждал в Петербурге), как только возникали проблемы территориальных компенсаций Турции за счет соседей, либо отдельным членам потенциального союза за счет друг друга. Это воистину суровое предостережение нам, живущим. Узкие рамки введения не позволяют показать все попытки как Турции, так и ее соседей взаимно отрезать кусочек от “чужого надела”, но переписка двух послов в Вене и Петербурге вопиет — о камень переделов границ разбились многие благие мирные намерения.

Из писем Фахретдин-бея можно извлечь массу интересных деталей, как о политике России в отношении Балкан, так и о позиции Стамбула. Например, выясняется, что у младотурецкого Комитета было настроение вести вплоть до середины 1920-х годов выжидательную политику, активизировать ее в 1930-х годах и к концу 1940-х — началу 1950-х гг. занять прочное лидирующее положение среди балканских и ближневосточных стран. Они немного ошиблись, но ведь в 1991—1992 гг. Турция оказывала гуманитарную помощь и России, и отчасти Болгарии, сыграла важную роль в войне в Персидском заливе.

Ниязи Фахретдин-бей пробыл в Петербурге не один год и стал своим человеком в здании российского МИД, что выходит и на Дворцовую площадь, д. 6, и на Певческий мост. Образованный офицер, стажировавшийся в Европе, знавший русский язык и свободно говоривший на нескольких европейских языках, он водил дружбу со многими из тех, кто служил в величественном здании на Певческом мосту. Он многое знал о России, любил при этом родную землю и размышлял о судьбах

двух стран. Посол набрасывал прощальное письмо своему коллеге и другу — турецкому посланнику в Вене Хильми-паше.

В Стамбуле летом и в начале осени многие даже не хотели и думать о войне с Россией. Посол знал об этом, но ему было хорошо известно и другое: его информаторы из среды русских генштабистов и не скрывали — Россия только-только закончит программу военно-морских и сухопутных перевооружений к середине лета 1917 г. Поэтому посол начал свое прощальное письмо в Вену с главного: “Военная программа России могла бы завершиться только в 1917 г., а потому воевать раньше этого срока не входит в планы русских”.

С другой стороны, осторожный и прагматичный посол знал, что Турция только к середине 1920-х годов сможет начать проводить в жизнь то, что в послании названо “активной политикой в отношении России и балканских стран”. Речь шла о фантастическом объединении примерно в 1930-х годах под властью Стамбула всего тюркоязычного мира, от Босфора до Алтая. Но это — на отдаленную перспективу, а тогда, летом и осенью 1914 г. турецкий посол не раз и не два зондировал у русских генштабистов и мидовцев — партнеров по прогулкам верхом в Гатчину и Детское Село — один деликатный вопрос. Не считают ли на Дворцовой турок более “удобными”, менее капризными союзниками в европейских (и азиатских, естественно) делах, чем тех, с кем Россию связывают скорее “исторические воспоминания”, чем суровые политические реалии начала XX века. И отвечает сам в своем письме:

— “Русские не доверяют болгарам; к румынам их доверие также сильно поубавилось, как, впрочем, и к грекам... Нам, — тут Фахретдин-бей вздохнул и, видимо, обмакнул перо — текст пошел жирнее, — верят менее всего”

Действительно, в России очень мало верили в благоприятные настроения Стамбула в предвоенные годы — и по причине нестабильности и непредсказуемости турецкой политики, и потому, что многие горя-

чие головы, даже те, кому седина должна была бы прибавить воинственности, зазывали Россию идти походом на Босфор.

Была еще одна причина, по которой, как становится ясно только теперь, в МИД и Генштабе не верили Фахретдин-бею.

Осторожная сдержанность и миролюбивая доброжелательность турецкого посла резко контрастировали со всеми высказываниями, устными и письменными, военно-морского атташе Турции в Петербурге некоего Али Мухтар-бея. Посол и атташе расходились по принципиальным вопросам русской политики. Посол отражал интересы тех кругов турецкого правительства, которые стремились к сохранению мира с Россией при обязательном нейтралитете Османской империи в любой общеевропейской войне.

Али Мухтар-бей был и по характеру, и по воспитанию совсем другим, — подчеркнуто правоверным, малообразованным и очень ограниченным. Он слишком долго прослужил адъютантом “беспощадного революционера”, военного министра Турции Энвер-паши. Того самого, который был среди лидеров младотурецкой революции, сражался против султана-тирана Абдул Хамида II, потом вверг Турцию в хаос первой мировой войны, а после разгрома объявился в 1920 г. в России и очаровал, правда, на время, нашего предсовнаркома своей приверженностью мировой войне с Антантой. О нем еще будет речь. Но тогда, в 1914 г., Энвер-паша был полон сил и честолюбивых замыслов возглавить всех турок мира и заражал фанатизмом своего адъютанта Али Мухтар-бея, которого и направил в Петербург — стимулировать очень уж “спокойного” посла Ниязи Фахретдин-бея, не принадлежавшего к энверовскому окружению.

Данные наружного наблюдения за 1913—1914 гг., которые мы теперь получили возможность изучить, рисуют Мухтар-бея человеком желчным и неуравновешенным. Как докладывал русский наблюдатель, турецкий атташе в обществе своих коллег — турецких воен-

ных и дипломатов — держался скованно и заносчиво. Был всеми нелюбим и избегаем, зато каждый вздох, тем более шаг сверял с австрийским посланником в Петербурге, которому доверял, по словам наблюдателя, едва ли не больше, чем собственной супруге. С той он, к досаде того же наблюдателя, “жил отдельными домами”. Своему кумиру и хозяину Энвер-паше атташе сочинял в Стамбул пространнейшие депеши. По преимуществу они содержали поношения России, ее слишком крепкой водки, свиных отбивных и черной икры (красную атташе, видно, жаловал). Особенно Мухтар-бей негодовал на массу приемов и празднеств в веселой русской столице, на которых приходилось бывать, вместо того чтобы с оружием в руках возвращать былую славу империи Османов.

Те, кто по долгу службы в российских ведомствах прочитывали скучнейшие “диваны” Мухтар-бея и со вкусом употребляли все то, что ругал “неаппетитно живший атташе” [карандашная запись на дешифровке — *В.Ш.*], емко и точно изложили его позицию:

— “Мы, турки, будем воевать! Или все совершенно погибнем, или отыграемся!”

Ну, можно ли было доверяться такому забияке, да еще трезвеннику! И впрямь — Мухтар-бей, трубивший: “Война! Война! Русские уже на Босфоре!”, в течение трех лет (1911—1913) навредил русско-турецким связям больше, чем сделал доброго его непосредственный начальник — посол Фахретдин-бей.

Вернемся, впрочем, к письму. Посол был человеком осторожным и трезво оценивал положение не только России, но и Турции. Он категорически отвергал саму возможность поднять народы Кавказа против России, да и в других районах положение Турции было не лучше.

“Можно, конечно, — писал он, — начать мобилизацию, выдавая половинное жалование. Но... Франция не сможет дать нам новых сумм. Тех же денег, что нам даст Германия, не хватит на расходы войны. ...Должны ли мы ввергать страну в гибельное состояние после того как мы пришли в напрасное отчаяние вследствие

отобрания у нас Англией острова Крит, неудач в Румелии и с Эгейскими островами?.. Не лучше ли обождать результатов начавшейся борьбы в Европе, чтобы прикнуть к более сильной стороне и обеспечить себе получение политических и... [пропуск в тексте — видимо, посол подбирал слово. — *В.Ш.*] выгод. Это подсказывает не только положение внутри нашей страны, но и соображения, вытекающие из положения дел в России, русских сил на Кавказе, отношения к нам мусульман и отсутствия среди них революционных волнений...”

Посол с полным основанием полагал, что Османская империя будет проигравшей стороной при любом исходе мировой войны. “Победа русских повлечет за собой в будущем разрешение вопроса о Проливах [т.е. о Босфоре и Дарданеллах — *В.Ш.*] и предъявление некоторых других требований. ...Естественно, — продолжал Фахретдин-бей, — что после [тут он, видимо, долго выбирал слово — поднятое перо подсохло, и на бумаге последовал сухой росчерк, затем обведенный с очевидным нажимом. — *В.Ш.*] умаления Австрии русские станут хозяевами на Балканах”.

Ниязи Фахретдин-бей призывал своего венского корреспондента и, естественно, стамбульское руководство крепко, как он выразился, призадуматься над опасностью окончательно утратить позиции на Балканах.

“Если русские и победят [Ниязи Фахретдин-бей был очень турком и отнюдь не желал видеть традиционного противника в числе победителей. — *В.Ш.*], то между Россией и Англией, которые ныне случайно объединились против общего соперника — Германии, тотчас произойдет естественное охлаждение”. В итоге нового этапа соперничества Англии и России неизбежно и очень серьезно пострадает Турция.

Фахретдин-бей был патриотом и очень трезвым политиком. “Если верх возьмет Германия, — рассматривал он второй исход войны, — то разве могут быть сомнения в том, что немцы сделают из Турции второй Египет после того как захватят в свои руки все привилегии”.

Он очень хорошо знал ситуацию, этот элегантный, подтянутый красавец-турок, победитель шуточного конкурса петербургских дам на самые красивые мужские усы. Кто еще из послов имел формуляр в Императорской Публичной Библиотеке? Фахретдин-бей имел. Из регулярно прочитываемых там газет, как и от конфиденанта в Вене он знал, что кайзер называл русских и турецких государственных деятелей, посмеявшихся без кайзера встретиться в Ливадии, “восточными негодями”. Еще бы! Если бы летом 1914 г. Россия и Турция сумели договориться, был бы вообще возможен совсем иной поворот событий.

Письмо пора было кончать. Фахретдин-бей заметно волновался. Перо дрогнуло в сильной смуглой руке, привыкшей натягивать поводья, прорвало бумагу. “Необдуманное выступление может оказаться [пропуск в тексте в полстроки — *В.Ш.*] гибельным для государства”. И снова точка, четкая и определенная, как след от пули.

“Что делать?” — спрашивает себя посол. Перо скользит быстрее. Вязь арабского письма почти сливается изящным узором в стремительном полете мысли: “Надлежит принять необходимые меры и произвести частичную мобилизацию, сохраняя при этом *нейтралитет*. В зависимости от оборота, который примет война, быть готовыми ко всякой случайности, но выступить при удобном случае...”

Тихо в опустевшем посольском особняке. Из кабинета посла видна серо-золотая Петропавловка. Взгляд скользит левее и останавливается на бирюзовом куполе и минаретах новой столичной мечети. Побывать там ему уже не доведется..

Где-то в углу заскреблась оголодавшая мышка. И это надолго. Через три года особняк реквизирует Петроградский губернский продовольственный комитет. Особняк надолго станет складом, будет разрушаться...

Печальным прощанием Османской империи с империей Российской прозвучала заключительная фраза Ниязи Фахретдин-бея.

— «Сазонов, русский министр иностранных дел, сказал мне на днях: “Если вы начнете войну, Россия вам этого никогда не простит. Я верил в вас, в турецкий нейтралитет и вел политику в соответствии с этим. Но теперь, — заключил Сазонов, — я нисколько этому не верю...” Вот и все, мой досточтимый паша. Совсем все. Я в скором времени буду иметь честь увидеться с Вами». Легкий росчерк подписи завершил письмо. Песок с золотыми блестками лег на плотную, по-старинному скатанную бумагу. Хильми-паша не получал это письмо. Оно прошло через умелые руки офицеров отдела дешифровок с Певческого моста, но задержалось при отправке адресату (не исключено, что оно и предназначалось для Певческого моста).

В ноябре 1917 г. усталые матросы из команды Николая Маркина, разбиравшие архив российского МИД, видимо с недоумением взглянули на загадочную для них вязь арабской скорописи письма Ниязи Фахретдин-бея, не стали искать дешифровку, и письмо не попало в известную публикацию мидовских материалов, осуществленную в Петрограде поздней осенью 1917 г. Через восемь десятилетий забвения в недрах архива, что на Миллионной улице Петербурга, послания неравнодушного к судьбе своего отечества турецкого офицера-дипломата дошли до нас, людей другой эпохи. Впрочем, также обеспокоенных и судьбами своего Отечества, и выбором союзников, и многим из того, что составляло предмет движений душевных наших предков. Не забудем же, как ценили мир и согласие на Балканах и Ближнем Востоке те, чьим долгом и профессией было все знать и слышать.

Глава I

ОСМАНСКИЙ ФИТИЛЬ В ПОРОХОВОМ ПОГРЕБЕ ЕВРОПЫ

Да, мы — азиаты, но наше место в Европе

Великий везир Ферид-паша

От самого возникновения Восточного вопроса в середине XVIII века и до его драматического разрешения в 1923 г. участниками его были одни и те же силы: Османская империя, великие державы Европы, включая, конечно, и Россию, и балканские народы (позднее — независимые балканские государства). Однако их взаимоотношения по этому сложнейшему комплексу экономико-политических, социокультурных, военных и многих других проблем постоянно менялись.

Первоначальное состояние Восточного вопроса (XVIII — начала XIX вв.) можно представить следующей схемой (рис. 1).*

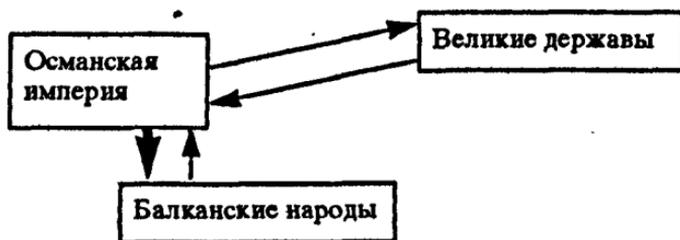

Рис. 1

Великие державы только опосредованно могли влиять на положение балканских подданных Высокой Порты.

* Широкой стрелкой на этом и следующих рисунках отмечена наибольшая интенсивность контактов; узкой стрелкой и пунктиром — соответствующее ослабление связей в рамках Восточного вопроса.

В XIX в. (1804—1878 гг.) по мере ослабления центра власти империи и нарастания национально-освободительного движения его многонациональных подданных ситуация менялась (рис. 2):

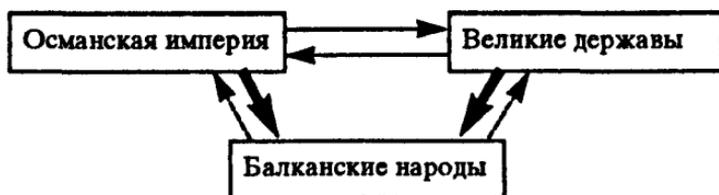

Рис. 2

Теперь великие державы вышли на непосредственный контакт с Балканами, причем среди держав шла отчетливая борьба за раздел сфер влияния в этом регионе.

Ситуация кардинально изменилась в конце XIX — начале XX вв. Четко определилась обратная связь между Балканами и Европой, тогда как Высокая Порта в значительной степени утратила свое положение, все больше и больше оказываясь в роли не субъекта, а объекта международных отношений большой политики.

При этом сложилась ситуация, когда среди не только великих держав, но и молодых балканских государств шла междоусобная борьба, которая привела к складыванию противостоявших друг другу блоков.

Накануне своего разрешения Восточный вопрос обрел невиданную ранее многомерность (рис. 3).

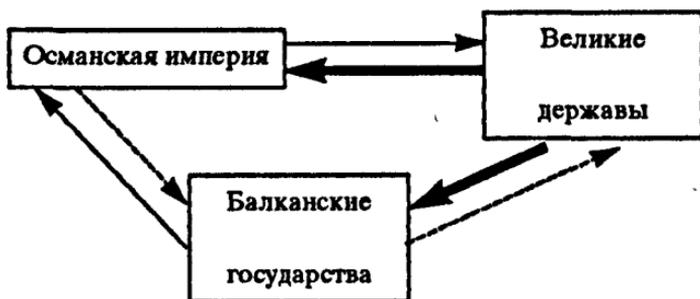

Рис. 3

Освобождаясь от 500-летнего османского правления, балканские страны долгое время сохраняли, несмотря на серию столкновений, социокультурные и экономические связи с бывшей метрополией — Турцией. Это обстоятельство проявилось и в последние годы. Особую заинтересованность Анкара проявляет в положении боснийских мусульман и мусульман албанского происхождения в Косово (те и другие — в горячих точках Балкан, в рамках бывшей Югославии). Турция успешно стимулирует создание экономической зоны стран Причерноморья, в которую должны входить все страны, ныне независимые, но в XVI — начале XX в. целиком или частично входившие в Османскую империю.

В XX веке страны Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока вступали, опутанные сетями политических и экономических противоречий. Большинство из них было порождено сочетанием таких дестабилизирующих факторов, как борьба ведущих держав Европы и США за предел мира и противодействие попыткам Турции (бывшей до 1923 г. Османской империей) сконструировать своего рода сервильную зону из добившихся свободы некогда подвластных ей территорий.

В этом регионе столкновение геополитических интересов (что составило основное содержание процессов в международных отношениях первых двух десятилетий XX в.), происходило с особенной остротой. Причиной тому было, во-первых, несоответствие темпов роста имперских владений Англии и Франции с одной стороны, а Германии и Австрии с другой, динамике их экономического развития, типу индустриального общества, который в них формировался. Во-вторых, — несовпадение прежнего, реального влияния на Османскую империю держав, определивших ее зависимое развитие, т.е. Англии, Франции, в меньшей степени России, с фактической вовлеченностью Высокой Порты в новые эконо-

номические и военно-политические отношения с Германней и Австро-Венгрией.

Формальная независимость Османской Турции и ее соседей на Балканах при большой, а в отдельных сферах экономики (например, финансовое дело) практически полной подчиненности противоположающим группировкам европейских держав — вот основное противоречие в регионе в эпоху первой мировой войны. Наиболее рельефно оно воплотилось в Восточном вопросе.

В начале XX в. Восточный вопрос осложнился, стал многомерным. В одном измерении традиционно реализовались двусторонние отношения великих держав с Османской империей, во втором — их межгосударственные отношения по поводу Турции и малых стран региона, в третьем — взаимоотношения внутрибалканского характера, включая связи балканских государств с бывшим сувереном, в четвертом — установление прямых отношений великих держав с балканскими странами, которое вскоре вылилось в фактический раздел Юго-Восточной Европы на зоны влияния.

Поражения Османской империи в период Балканских войн 1912—1913 гг. с бывшими подданными, оцениваемые в новых аспектах Восточного вопроса, оказывали существенное влияние на политический курс страны, на само существование каких-либо владений Турции в пределах крайнего юго-востока Балканского полуострова. Борьба за их сохранение любой ценой, а точнее — ценой любых политических комбинаций с великими державами, во многом определяла внешнеполитический курс турецкого правительства. Эти же обстоятельства свидетельствовали как о существенном расширении числа держав-субъектов, вовлеченных в новый виток Восточного вопроса, так и об изменениях в содержании военно-политических процессов на Балканах и на Ближнем Востоке.

Действительно, независимые государства, возродившиеся на бывших восточноевропейских территориях

Османской империи, продемонстрировали свою способность вооруженным путем бороться с бывшей мощной метрополией.

Однако судьба “османского наследия” решалась в духе крайнего национализма, “силовые приемы” в межбалканских и в более широких международных конфликтах закрепились на многие десятилетия.

Следует принять во внимание также то обстоятельство, что геополитические факторы, столь жестко воздействовавшие на позиции Османской империи и великих держав на прежних этапах развития Восточного вопроса, стали оказывать свое негативное влияние и на политику балканских держав, ожесточенно воевавших как с Турцией, так и между собой. Эта борьба (балканско-турецкая, но при этом и междоусобная) велась при полном забвении местных национальных движений и этнической структуры перераспределяемых земель. Это обстоятельство и позволило Турции более или менее удачно использовать в своих интересах третье измерение Восточного вопроса вплоть до краха империи Османа, но породило серию противоречий, в открытой или латентной форме, вошедших в современность.

Консервативность внутренней политики как османской Турции, так и молодых балканских государств, проявления национального эгоизма и экспансионизма как способа преодоления негативных сторон “османского наследия” разъединяли их как естественных союзников, как силу, объективно заинтересованную в позитивном решении проблем регионального характера, ослабляли их позиции перед мощным давлением великих держав, представленных двумя мощными противостоящими друг другу группировками — Антантой и странами Центрального договора.

В этой обстановке взаимного противостояния Османская Турция, несмотря на ряд жестоких поражений в ходе Балканских войн, сумела к 1914 г. обрести определенную надежду на то, чтобы, участвуя в блоке с наиболее активным в данный период военно-политическим

партнером — Германией и ее союзниками, обеспечить себе реванш за поражение в борьбе с бывшими вассалами и добиваться решения проблем внешнеполитического характера в направлении, устраивавшем воинственные и националистические крайне правые младотурецкие группировки.

Более того, Османская Турция имела шанс сохранить статус европейской державы только активным участием в блоковой политике. Но именно это и делало младотурецкий режим тлеющим фитилем в бочке с порохом.

Сложно и неоднозначно развивалась социально-экономическая жизнь империи. По турецким данным, до войны на долю Османской Турции, включая остатки ее балканских территорий, приходилось не более 1–1,5% общего оборота мировой торговли. В начале XX в. сумма капиталовложений в Турцию держав, между которыми развернулась основная борьба за военнополитическое вовлечение Турции в свою систему, т.е. Англии, Франции и Германии, не превышала одного процента от общей суммы их зарубежных капиталовложений. Россия в этой “гонке” фактически не участвовала, сохраняя стабильные, но мало влиявшие на “выбор пути” позиции в турецкой торговле.

В рассматриваемый период экономическое развитие Османской империи осуществлялось в рамках периферийной, аграрно-производящей зоны мирового капиталистического хозяйства. Стоимость турецкого экспорта в 1913 г. не превышала 14% от совокупного национального продукта, при этом на экспорт шло свыше четвертой части всего сельскохозяйственного производства Османской империи. Экономическая эксплуатация страны происходила не только за счет превращения сельского хозяйства в источник снабжения индустриального общества, но и за счет расширения отдельных сфер производства, в которых был заинтересован иностранный капитал.

Это относилось к добыче полезных ископаемых (рост 8–15% в год), к ковроделию, возделыванию и пер-

вичной обработке хлопка, производству табака, оливкового и хлопкового масла, сухофруктов, шелка-сырца и некоторых видов технических сельскохозяйственных культур. При этом выделились основные направления, по которым державы осуществляли контроль за отраслями турецкого производства. В горном деле и в организации производства хлопка-сырца соперничали германский и английский капитал. В экспортном ковроделии доминировал английский капитал, три четверти вывоза табака и шелка-сырца контролировалось французским капиталом.

За последнее предвоенное десятилетие в контролируемых иностранным капиталом отраслях (хлопок, уголь, табак, сухофрукты и др.) производство выросло в два-четыре раза. Однако нарушались исторические пропорции внутреннего производства и закреплялась порайонная и отраслевая зависимость производственной деятельности в Османской империи от той или иной западной державы, точнее — от представителей ее капитала. Естественно, что такая зависимость отражалась и на внешнеполитическом курсе младотурок.

Экономическая экспансия европейского капитала в Османской Турции осуществлялась преимущественно в сфере финансов, внешней торговли и железнодорожного строительства. Эти отрасли османской экономики были более других подготовлены для быстрого развития экономических связей с Западом; вложения капитала в них имели и наибольшую поддержку на правительственном уровне в своих странах. В канун войны заметно расширилось представительство различных групп европейского финансового капитала в Османской Турции за счет германских, австро-венгерских, итальянских банков.

Турция-кануна первой мировой войны стала своеобразной ареной борьбы различных типов западного индустриального общества. Если французский "ростовщический" капитал сумел удержать в своих руках наибольшую долю внешнего турецкого долга и даже повысить

ее с 1895 по 1914 г. с 46% до 60%, то английский “колониальный” капитал сократил свою долю в турецком долге за эти годы примерно с 18% до 13,7%, а германский “юнкерско-буржуазный” довел участие в турецком долге с 10% в 1895 г. до 16% в 1914 г. при тенденции к повышению.

В Турции создавалась заповедная зона гарантированных германских капиталовложений. Происходило это главным образом за счет экспансии германских банков. Крупнейший германский “Дойче Банк” открыл свое отделение в Стамбуле в 1888 г., затем последовало открытие еще двух крупных банков — Немецкого палестинского и Немецкого восточного (Стамбул). Они использовали более новую технику и приемы деловых операций по сравнению, например, со “старым” Имперским Оттоманским банком (англо-французский капитал). Германские банки охотно финансировали купцов-турок, в отличие от Имперского Оттоманского банка, связанного с инонационалами, давали в среднем высокий (5%) и устойчивый процент дивидендов, что особенно привлекало мелких и средних вкладчиков.

Англии и Франции вместе принадлежало 73,7% государственного долга Османской империи. Однако в конкурентной борьбе за контроль над турецким государственным долгом “Дойче Банк” к 1914 г. обошел английских кредиторов и потеснил всех других. 16% внешних долговых обязательств турецкого правительства в 1914 г. держали немецкие финансисты при внимании и поощрении со стороны лично кайзера Вильгельма II. Германские инвестиции в целом достигали 1,8 млрд марок, что равнялось капиталовложениям Германии в России. Если англо-французский капитал через Имперский Оттоманский банк создал своеобразный концерн “Режи” по переработке табака и некоторых других видов сельскохозяйственного сырья, то при поддержке и поощрении германского правительства “Дойче Банк” сосредоточил усилия на концессионном же-

лезнодорожном строительстве, главным образом на Багдадской железной дороге.

И в Европейской Турции, и в Малой Азии железные дороги стали основой экономической инфраструктуры колониального типа. С 1888 г. Стамбул через Вену, затем Белград был соединен с общеевропейской железнодорожной сетью. К первой мировой войне Османская империя располагала, включая линию Берлин—Белград—Стамбул—Багдад, примерно 6 тыс. км железнодорожных путей, что составляло около 3 км на каждую тысячу квадратных километров территории. Турция отставала по этому показателю от всех соседних балканских стран: например, от Греции более чем в 4 раза (13 км на 1 тыс. км²). Германии в 1914 г. принадлежало 49% вложенного в железнодорожное дело капитала, Франции — 39%, Англии — 11,4%. Поскольку турецкое правительство гарантировало иностранцам-концессионерам определенный уровень дохода с каждого километра железной дороги (“километрические гарантии” составляли 10–19 тыс. франков с одного километра), то львиную долю выплат получала Германия. С 1889 г. по 1912 г. километрические гарантии обошлись Высокой Порте в 1,3 млн золотых лир, и почти половина из них перекочевала в германские банки. Эти выплаты ухудшали состояние османского бюджета, еще крепче привязывали османскую экономику к Германии. Железные дороги, по образному выражению одного автора, “сделали больше для разрушения Восточного вопроса, нежели нарезные пушки”.

Одновременно с усилением позиций в создании сухопутной инфраструктуры в Османской империи Германия потеснила конкурентов в сфере морских перевозок. Учитывая географические особенности страны — огромное морское побережье и более низкую стоимость морских перевозок по сравнению с сухопутными, Германия приобретала решающее преимущество и на внутренних рынках Турции. Из 50 постоянно действовавших паромных линий Турция—Западная Европа—

США только шесть принадлежало прежней “владычице морей” Англии, на большинстве других господствовала Германия. Англия утратила преобладание не только в черноморских портах Турции, но и в Европейской Турции. В Салониках господствовали австро-венгерские пароходные компании, в Скутари (Шкодер) 56% торгового оборота держала в своих руках итальянская пароходная компания. Происходило падение относительной доли Англии, Франции и России во внешней торговле Турции в целом в пользу Германии, Австро-Венгрии и Италии, т.е. стран Центрального блока.

За 25 предвоенных лет объем внешней торговли Германии с Османской империей в целом вырос примерно в 9 раз, с Европейской Турцией — в 17 раз. Последняя вошла в фактически сложившуюся зону преимущественного роста внешнеторгового влияния Германии, включавшую Болгарию (рост торговли с Германией за тот же период составил 19%) и Румынию, 60% экспорта и 40% импорта которой стали приходиться на долю Германии.

Балканские войны легли тяжелым бременем на османскую экономику. Бюджет на 1914 г. сводился с дефицитом в 7 млн турецких лир (в 1913 г. дефицит составил 19,4 млн лир). Сверх того на восполнение потерь, понесенных в Балканских войнах, требовалось еще 20 млн лир при доходах империи в 29 млн лир. В 1908 г. младотурки, придя к власти, получили “в наследство” ровно 32 918 лир и немощно меди — 32 куруша. Это было все, что хранилось в казне.

Погашение долгов державам, неукоснительно следившим за процентными поступлениями, требовало на 1914 г. еще 10 млн тур. лир. “Если с нас потребуют еще контрибуций, — говорил великий везир, — страна объявит себя банкротом”. Срочно нужно было изыскать 38 млн тур. лир. “Дойче Банк” был готов помочь. Но при условиях: 1. контроля за чрезвычайным военным налогом; 2. распродажи казенных земель [с правом первой покупки — *В.Ш.*]; 3. продажи арсенала

в Топхане и военного порта со всеми строениями, помещавшегося на берегу Золотого Рога.

Германские банки, открывшие отделения в портовых городах, финансировали самые разнообразные начинания, вплоть до подъема потопленных Россией в Чесменском бою 1770 г. турецких парусных кораблей, лишь бы внедриться прочнее в османскую экономику.

Пангерманский союз в 1913 г. через свои печатные издания пропагандировал “мирное экономическое завоевание” Османской империи, политические и военные силы которой должны были служить интересам “Срединной Европы”. В связи с поражениями Турции в Балканских войнах отмечалась необходимость поддержать ее целостность с точки зрения уже сделанных и грядущих выгодных капиталовложений. Акцентировалась задача усиления ее военного потенциала, причем в объемах, с какими не справились ее прежние союзники — кредиторы Англия и Франция.

И основания для этого имелись.

С последней трети XIX в. изделия немецкой легкой промышленности, наравне с военным снаряжением, заняли ведущее место в импорте через крупные турецкие порты. С конца XIX в., как свидетельствуют документы, Германия фактически монополизировала поставки оружия как в балканские страны, так и в Турцию. Турецкая, сербская, румынская армии перевооружались главным образом оружием Круппа и Маузера. К началу XX в. Германия перехватила инициативу Англии в деле скрепления обручами военных реформ разваливавшегося османского конгломерата. Собственно для Стамбула германские усилия по реорганизации турецких вооруженных сил и повышению военного потенциала Турции достигнуты не были. Об этом писали современники — германские и австрийские участники военных реорганизаций в Турции; подтверждают это и современные исследователи.

Поражения Турции от Италии в Ливийской (Триполитанской) войне 1911—1912 гг., от Балканского Союза

в 1912—1913 гг., усугубляли внутренний кризис младотурецкого режима. Выходом из кризиса турецкие правящие круги считали дальнейшее сближение со странами Тройственного союза во главе с Германией.

Постепенная, но неуклонная экономическая переориентация Османской империи на связи с Германией и в целом с Тройственным согласием имела и четкие социальные последствия, определившие выбор Стамбула.

Хорошо известно, что балканские территории Османской империи приобрели в начале XX в. значительный внутренний потенциал капиталистической эволюции. Те районы, которые еще оставались в рамках империи, получили в предвоенный период дополнительные импульсы для своего развития, несмотря на сдерживающее воздействие “османского наследия”. Такие торгово-экономические центры, как Стамбул, Салоники, Эдирне (Адрианополь), Измир (Смирна) и др., социально-экономически далеко оторвались от Анкары, Кайсери или Айдына. Они концентрировали в себе мощные заряды политической борьбы противостоявших сил буржуазного развития с ориентацией на ведущие западные страны.

Немусульманское, в первую очередь христианское католическое и протестантское, население Европейской Турции находилось уже многие десятилетия, на протяжении жизни ряда поколений в более тесных экономических и социокультурных связях с Западной Европой по сравнению с мусульманами-турками. Европейские представители деловых кругов, равно как и дипломаты или военные, энергично использовали единоверцев и добивались для них всевозможных иммунитетных гарантий, что содействовало посреднической деятельности христианских подданных Турции. В начале XX в. они занимали привилегированное по сравнению с мусульманскими торговцами и предпринимателями положение в деловых контактах Запад—Малая Азия через Европейскую Турцию. В полном объеме сохранялся капитуляционный режим. Первоначаль-

но, в XVI в., капитуляция (от лат. “капитул” — статья) была торговым договором правительственных учреждений (или иначе — Высокой Порты) Османской империи с другой державой, по которому иностранные подданные получали *односторонние* привилегии в пределах всей империи. В XVIII—XIX вв. все державы Запада, в том числе Россия, включали в капитуляции статьи политического характера, обеспечивавшие исключительно льготные условия для проживания, экономической, культурно-миссионерской, политической деятельности. Борьбу за отмену капитуляций Высокая Порта вела непрерывно, но малоуспешно, начиная с Парижского мирного договора 1856 г.

Отдельные попытки турецкого правительства поставить перед Англией и Францией в первые годы XX века вопрос о капитуляциях игнорировались. Несколько иначе держались Германия и Австро-Венгрия. От них следовали общие рассуждения о возможных займах Высокой Порте и о готовности пересмотреть организацию почтового дела. Как следует из материалов переписки турецких послов в Вене и Петербурге, вопрос о капитуляциях, т.е. о льготах и преимуществах для иностранных предпринимателей в Турции благожелательно рассматривался в России. Однако Лондон и Париж оказали давление на русское правительство, и Россия не поддерживала турок в этом важном для них вопросе.

Нерешенность капитуляционной проблемы порождала последствия двоякого рода. Углублялись конфликтные отношения между турецким (в этническом смысле) купечеством и инонациональными балканскими компрадорами, что вызывало соответствующую реакцию в откровенно воинственном турецком правительстве по отношению к соседним странам на Балканском полуострове и к тем группам выходцев с Балкан, которые жили в Османской империи (греки, болгары, сербы, албанцы и др.).

С другой стороны, исключительные выгоды компрадорской буржуазии в Турции делали значительную ее

часть оторванной от основной этнической массы, оказавшейся уже за пределами империи, в независимых государствах. Появились своего рода группы давления и на младотурецкое правительство, и на правительства балканских государств. Поскольку традиционно инонациональные компрадоры были ориентированы на Англию и Францию, логика борьбы турка-купца с нетурком-коммерсантом приводила турецкое купечество к поискам противодействующей силы. Таковой прежде всего в его представлении выступала Германия. *Антагонизм этно-социального и конфессионально-экономического характера трансформировался в антагонизм политический, в свою очередь повлиявший на выбор ориентации Стамбула в войне 1914 г. И выбор этот определялся с учетом русского фактора. Более мощного политически, чем экономически, и скорее жесткого военного, нежели политического характера. Но какая борьба стояла за всем этим!*

Глава II

ВЫБОР СОЮЗНИКА — ВЫБОР СУДЬБЫ

Нам нет дела до куртажных амбиций Германии

Великий везир Хакы-паша

Накануне войны Османская империя имела территорию в 1,8 млн кв. км, каждый четвертый из восьми миллионов ее граждан проживал в европейской части империи. Некоторое представление о военно-политическом и экономическом потенциале Османской Турции дает следующая таблица.

Некоторые сравнительные показатели держав к 1913 году

	Территория* (млн кв. км)	Население* (млн чел)	Промыш- ленность**	Армия*** (тыс. чел)	Флот*** (тыс. чел)
Великобритания	33,8	440,0	14	252	146
Германия	3,4	77,2	16	752	79
Россия	22,8	169,4	6	1440	53
Франция	11,1	95,1	6	767	68
Турция	1,8	8,0	менее 1	50	32

* Метрополия и колонии.

** Доля (в %) в мировом промышленном производстве.

*** Численный состав без колониальных войск.

Составлено по: *Kuczyński J. Die zunehmende Ungleichmäßigkeit der ökonomischen Entwicklung des Kapitalismus // Probleme des Friedens und des Sozialismus. Nr. 10—11/1968. S. 1304; Die Wirtschaft kapitalistischer Länder in Zahlen. IPW-Forschungshefte. Nr. 4/1977. S. 28; Sachwörterbuch der Geschichte Deutschlands und der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. Berlin, 1969. S. 806—811; Otto H., Schmiedel K. Der erste Weltkrieg. Militärhistorischer Abriss. Berlin, 1977. S. 32, 43, 46f., 49; Планы войны. Известия о турецкой армии. Разведывательные сведения // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4269. Л. 92—93; Д. 4264. Л. 98; Д. 2974. Л. 22—23; *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны. М. 1966. С. 42—56.*

С точки зрения политического строя империя представляла собой конституционную монархию. Тихий старичок — преемник кровавого Абдул Хамида II султан Мехмед Решад V, такой слабый и немощный, что на его вечно трясущейся голове едва держалась феска, реальной власти не имел. Вся фактическая полнота власти была сосредоточена в руках трех лидеров младотурецкой партии “Единение и Прогресс” (“Иттихад ве теракки”): Энвер-паши — военного министра и начальника Генерального штаба, Талаат-паши — Председателя партии и министра внутренних дел и Джемаль-паши — морского министра, шефа полиции и военного губернатора Стамбула. Фактически входил в правящую группу, но предпочитал действовать как бы в тени министр финансов Джавид-бей. Их политические портреты будут даны ниже.

Младотурецкая организация находилась у власти уже шестой год после победы революции 1908 г. Остались позади надежды, которые возлагались на восстановленную младотурками конституцию 1876 г., на парламент и на основание правового государства, на отмену капиштуляций, на решение, наконец, земельного и национального вопросов.

Младотурецкая буржуазная революция 1908 г. была осуществлена армией, поднятой прогрессивным офицерством при поддержке тончайшего слоя либеральной светской служилой интеллигенции и части обуржуазившихся помещиков. Необходимой для углубления революции прочной и широкой социальной базы младотурки не имели и не искали. Как политическое движение они сформировались в условиях феодально-теократических социальных отношений, деформированных полувековой экономической и военно-политической зависимостью Османской империи от Западной Европы. Как нация турки в начале XX в. еще только складывались, отставая в этом отношении от балканских народов, ранее входивших в Османскую империю. Эти принципиальные обстоятельства, узкозаговорщический характер мировоззрения и действий руководящего Комитета партии “Единение и Прогресс” определили во мно-

гом внешнеполитическую ориентацию младотурок, а также их способы борьбы за сохранение власти. Им противостояли: сложившиеся за века феодальные структуры, потревоженные, но отнюдь не уничтоженные реформами эпохи Танзимата; высший бюрократический аппарат и, кроме того, аморфная, но феноменально живучая и злобная в своей ненависти к прогрессу придворная камарилья. Не оправдав национальных и социальных ожиданий ни турецких, ни инонациональных трудящихся масс, младотурки могли рассчитывать только на армию внутри страны и искать поддержку иностранной державы.

Противоречивость и слабость младотурецкого движения отразились весьма парадоксальным образом в политических предпочтениях младотурок. Абсолютное большинство офицеров — членов партии “Единение и Прогресс” (иттихадистов) были германскими выучениками. Больше сотни старших турецких офицеров служили в германской армии по двадцать-тридцать лет. Выпускники Берлинской военной академии, активные члены младотурецкого Комитета Рыза-паша, Пертев-паша, Иззет-паша и др., после революции 1908 г. стали во главе родов войск турецкой армии, заняли видные посты в Генштабе, были направлены на дипломатическую службу. Это были те, кого Вильгельм II любовно называл “немецкими офицерами”. “Они вполне грамотны, — с удовлетворением отмечал кайзер, — и мыслят абсолютно по-немецки”. Заметим, что некоторые из них оставили написанные по-немецки мемуары. Наиболее сильны были прогерманские настроения в дислоцировавшемся в Македонии III корпусе Махмуда Шевкет-паша, мощной ударной силе турецкой армии.

Через штаб этого корпуса на Балканах широко распространялась газета “Нойе фрайе Прессе”, содержащая весьма одобрительные статьи старого наставника турецких военных фон дер Гольца и печатавшая взаимные заверения верхушки младотурецкого Комитета и авторитетных представителей германского генералитета в неразрывности уз военного сотрудничества Германии и Турции.

Однако среднее, низшее офицерство и тем более городское население Салоник, Стамбула, Адрианополя, Измира, решительно поддержавшие младотурок в июле 1908 г., отнюдь не щелкали каблуками перед германскими учителями. Посланник России А.И. Нелидов писал из турецкой столицы в 1908 г., что “на улицах Стамбула широко возглашают — долой всякое (разрядка — в депеше. — *В.Ш.*) иностранное вмешательство, долой капитуляции”.

Русские наблюдатели сообщали из Стамбула о падении германского влияния на военном флоте. При подготовке серии проектов реорганизации торгового флота, таможенного дела, преобразования юстиции и народного образования младотурки первое время после революции старались обойтись без Германии. Без участия немецких специалистов началась также работа по ирригации в Ираке и телефонизация Стамбула.

Без иностранных специалистов младотурки обойтись не могли. Во всех этих проектах активно участвовали специалисты из Англии и Франции. Более того, развитие Багдадской железной дороги в направлениях к Красному морю, Персидскому заливу и в районе Хомс—Бандырма предполагалось осуществлять с помощью англо-французского и даже русского капитала (зона Персидского залива), но только не германского. Многолетняя дружба кайзера Вильгельма II с кровавым султаном Абдул Хамидом II, которого ненавидела вся империя, не могла не принести свои плоды в виде распространения антигерманских настроений в турецком обществе. Не учитывать этого младотурки, даже те из них, кто был тесными и давними узами связан с Берлином, не могли.

Однако последовавшие в 1909—1913 г. события не только не позволили реализоваться антигерманским настроениям в турецком обществе, но и существенно укрепили германское влияние на младотурецкое руководство. Краткий анализ этих событий позволит нам лучше понять, почему младотурки так отчаянно метались между Антантой и Тройственным союзом в 1913 г.,

прежде чем сделали свой фатальный выбор в пользу Союза.

Осенью 1908 г. Дунайская монархия аннексировала Боснию и Герцеговину. Италия нацелилась на Триполитанию и Киренаику. Вслед за аннексией исламизированных балканских провинций, что особенно болезненно воспринималось влиятельными мусульманскими кругами на Босфоре, разразился Боснийский кризис (октябрь 1908 — март 1909 г.). Германия поддержала свою союзницу Австро-Венгрию, и это еще на некоторое время отшатнуло младотурок от Берлина.

Знатоки турецких дел в Германии учли это и заставили зазвучать две сокровенные струны в душах младотурецкого руководства.

Первая, деликатнейшая струна — это “азиатизация” политики Стамбула. Этот курс настойчиво рекомендовал проводить “старый друг Турции”, многолетний военный советник Высокой Порты фон дер Гольц. И делал это, как хорошо понимали младотурки, с одобрения кайзера. Младотурецких лидеров отчетливо переацеливали с “мелких” — как утверждали немецкие дипломаты и военные — балканских вопросов (под которыми понималось согласие Высокой Порты на коронацию болгарского царя в Тырново и на утрату Боснии и Герцеговины в обмен на Новобазарский санджак в качестве утешительного приза) на Азию. Так писал в своих мемуарах близкий к К. фон дер Гольцу полковник Демирхан Пертев.

Под Азией имелись в виду прежде всего сопредельные с Россией территории в Закавказье, а кроме них — подвластные Стамбулу курдские и армянские земли, находившиеся в состоянии перманентного антитурецкого движения*. Младотуркам прозрачно намекали из Бер-

* Заметим, что беспокойство Германии вызвали не столько хлесткие по форме, но пустые по сути антигерманские статьи в стамбульских газетах “Саббах” и “Икдам”, сколько деловитые разгромы армянами ряда германских торговых объектов в Адане и других городах южной Турции, равно как и выступления стамбульских студентов и рабочих против германских оружейных концернов. Это было для Берлина намного опаснее, чем упреки газетчиков в засорении древнего языка Великого Турана германизмами.

лина, что кратчайшие пути из русского Закавказья к Персидскому заливу и Красному морю идут через Восточную Анатолию. Тем более, что России нужен реванш в Азии за поражение в войне с Японией, а не отдалившиеся Балканы. Весьма вольно излагалось также и англо-русское соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния на Среднем Востоке, вблизи азиатских границ Турции.

Эти идеи совпадали с собственными взглядами Стамбула. В конце 1912 г. турецкий посланник в Лондоне, который вел переговоры с английскими фирмами о постройке дредноутов для Османской империи, прямо заявил, что программа морских вооружений нацелена на охрану азиатских владений империи и что центр тяжести османской внешней политики перенесен в Азию.

Как свидетельствовал в своих мемуарах член руководящего ядра младотурок Джемаль-паша, в канун войны, взаимно пересекаясь и осложняя друг друга, действовали балканский и арабский факторы политики младотурок. Балканский фактор прослежен в соответствующих разделах данной книги.

Несколько слов о мало известном читателям арабском факторе. Как отмечают современные арабские авторы, потеря балканских владений и сокрушительные удары от бывших подданных заставили младотурок и Высокую Порту осознать, что Османская империя осталась, собственно говоря, исламским государством турок, курдов, евреев и арабов, причем арабы составляли в 1914 г. едва ли не две трети населения империи. В арабских вилайетах первоначальное воодушевление от победы младотурецкой революции и установления конституционного режима уже к 1911–1912 гг. сменилось разочарованием. Младотурки не решали задач национального возрождения арабов, но спекулировали на принципах османизма, объединяющего всех подданных. Кроме того, в торгово-промышленных кругах Сирии и Египта, более тесно связанных с Западом, в первую очередь с Англией, Францией, Италией, чем со Стамбулом, предпочитали сохранить эти связи, а не

испытывать на себе неустойчивые экономические модели младотурок. Ливийская (Триполитанская) война 1910—1911 гг. и Балканские войны 1912—1913 гг., в которых арабские территории практически не оказывали помощи Стамбулу, окончательно убедили националистов и в Египте, и в Сирии в неспособности иттихадистов управлять Османской империей, защитить отставшие провинции от европейской политической и экономической экспансии. В арабоязычных провинциях туранизм, пантюркизм младотурок, резко усилившийся после Балканских войн, вызывал полное неприятие.

Широкое распространение получили лозунги: "...Балканские страны — балканским народам", "Арабские страны — арабам", "Армения — армянам". Освобождение греческого, славянского, албанского населения воспринималось в демократических арабских кругах как непосредственный пример. В исламских кругах недовольство вызывал секуляризм Комитета "Единение и Прогресс". Раздавались призывы возродить халифат с центрами в Мекке и Медине, без турецкого султана — халифа, не забывая, что мусульмане из Европейской Турции скорее потянутся к аравийским исламским святыням, чем будут следовать за многовековыми угнетателями — турками. Все эти настроения крепили, как пишут арабские авторы, по мере сползания младотурок в сторону Германии при одновременном усилении связей арабских националистов с Великобританией и Францией.

Учтем также, что Анатолию в 1910—1914 гг. сотрясали курдские восстания. Ряд курдских вождей готовы были сотрудничать с любым врагом младотурок. И ближайшим союзником (естественно, в собственных интересах) оказывалась Англия. Если Франция использовала все неудачи младотурок для укрепления своего влияния в Сирии и Ливане, отчасти в Киликии, то Англия активизировалась после поражений младотурок в 1912—1913 гг. на востоке Османской империи. Еще в апреле 1908 г. британский поверенный в Стамбуле Л. Барли оправдывался перед Комитетом в отношении

английского десанта в Кувейте: “В переговорах с шейхом Мубарек ас-Сабахом необходимы некоторые принудительные меры”.

Весной 1914 г. объяснения с младотурками уже были излишни. Англичане укрепились в Египте, в Кувейте, Адене и, в расчете на военные действия против турок в Ираке и Сирии, согласовывали действия с эмиром Неджда Ибн Саудом как с будущим повелителем святынь ислама и всех аравийских владений Высокой Порты. Не поддержав младотурок в Ливийской и Балканских войнах, твердо нацелившись на Персидский залив, Аравию и Месопотамию, Англия, естественно, не могла вызывать доверие младотурок в критический момент выбора летом 1914 г.

Накануне войны обострилось положение в Турецкой Армении. Младотурки предали поддерживавших их армян, как, впрочем, и других нетурецких подданных империи.

Поражения в Триполитании и на Балканах повлекли усиление репрессий против освободительного армянского движения, которое увидело в победе балканских стран пример и надежду, как и арабы. В рамках пантюркизма и объединения тюркских народов Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии идеологи Великого Турана просто не замечали армянского народа или видели в нем помеху своим замыслам.

Балканские войны имели и другое осложнение для армянского населения Восточной Анатолии. Мусульманское, преимущественно турецкое население Балкан через Стамбул, где они были опасны для младотурок и потому отсылались подальше, многими тысячами семейств потянулось в Малую Азию. Современник-очевидец так описывал трагедию балканских беженцев-турок. “Турецкое беженство в результате балканской войны возвращалось “домой” — окровавленное, пешком, с тяжелой ношей и сгорбившейся спиной. Возвращались со злобой и жаждой мести... Против всего мира, против христианства. Прибыли в Константинополь, их

выгнали, прибыли в Смирну — выгнали. И вот они в Армении...”

Национально-территориальный вопрос сплетался со столь же сложным и нерешенным земельным. Лишенные родины, земли, имущества балканские переселенцы — мухаджире — были вместе с курдами использованы младотурками как орудие расправы в братоубийственной резне в Турецкой Армении в 1915 г.

С июля 1913 г. по январь 1914 г. в Стамбуле заседала комиссия европейских держав и Турции по вопросу о реформах в Турецкой Армении. И снова державы Антанты и Тройственного Союза в полемике утратили предмет спора. И снова германское правительство оказало услугу младотуркам, поддержав вариант реформ в тех рамках, которые турецкое правительство “сочтет крайне необходимыми”. Было выработано русско-турецкое соглашение относительно реформ в Армении. Оно не вошло в жизнь, но германская поддержка младотурками оценивалась как политика поддержки неделимости Турции, противопоставлялась политике стран Антанты.

Мусульманские земли надо сохранять в первую очередь во имя и под флагом османизма и исламизма! Этот тезис из набора младотурецких доктрин удачно эксплуатировали германские военные и дипломаты в 1913 — начале 1914 г. Такова была одна из струн, на которых Берлин сыграл турецкий марш.

Другая струна младотурецкой души звучала пронзительно, как рассветный призыв муэдзина: сильная армия, мощный флот! Годы абдулхамидовского террора, когда из армии изгонялись мало-мальски способные и патриотически настроенные офицеры, а флот — краса и гордость Танзимата — ржавел и разваливался на приколе, привели к тому, что турецкая армия к 1908—1910 г. оказалась слабейшей в Юго-Восточной Европе. Балканские войны это подтвердили. Германия обещала содействие быстрое и эффективное. “Немецкие офицеры” из младотурок жаждали большой власти, влиятель-

ных постов, надежного современного оружия, приятных стажировок в Европе. И в Берлине их так хорошо понимали.

В апреле 1909 г. сторонники Абдул Хамида II, опираясь на старую султанскую гвардию и стамбульский люмпен, ненавидевший революцию в любой ее форме, совершили контрмладотурецкий переворот. “Фракийские львы” — 3-й армейский корпус — быстро восстановил у власти младотурок. Вокруг “соломенной куклы” Решада V сгруппировались те, кто требовал концентрации власти в руках узкого круга Комитета партии “Единение и Прогресс”, усиления прямого влияния армии. Вялая, по мнению младотурок, позиция русского и французского представителей в период аннексии Боснии и Герцеговины и Боснийского кризиса, косвенная поддержка попытки реставрации режима Абдул Хамида II со стороны Франции, России и Англии послужили поводом для резкой критики турецкой политики этих держав прогермански настроенными офицерами из Генштаба и военного министерства.

Все больше склоняясь к режиму сильной военной власти, младотурки, как сообщали русские дипломаты и разведка из Стамбула, с “величайшим подозрением” относились к собраниям радикальных фракций своей партии в Лондоне и Париже, например, к созданию в Англии турецкой либеральной организации, требовавшей отказа от деспотического централизма государственного управления страной и выдвигавшей принципы национально-территориальной автономии для нетурецких народов. Особое беспокойство вызвало в Комитете сообщение, что в Париже радикально настроенные болгары готовятся блокироваться с армянами, чтобы подвинуть младотурок на пути углубления преобразований. Выводы были по-солдатски прямолинейны, впрочем, не лишены здравого смысла: державы Антанты хотят раздела Османской империи, Центральные державы — ее целостности. При этом идеологические поиски младотурок оказались, условно говоря, ориенти-

рованы в одном направлении с расистскими идеями пангерманцев.

В конце XIX в. Вильгельм II поддерживал панисламистскую направленность абдулхамидовского режима в целях ослабления позиций Англии, Франции и России в их населенных мусульманами колониях. Панисламисты уже после 1908 г. высказывали признательность кайзеру от имени “мира ислама”, в частности, за поддержку в македонском и марокканском вопросах. В рамках османизации всех разнородных этнических элементов империи младотурки трансформировали этно-религиозные общины — миллеты в чисто религиозные институты посредством уничтожения их традиционных прав в области гражданского управления, школьного дела и судопроизводства. В политике османизации подданных большую роль должен был сыграть закон о рекрутском наборе (1909), по которому христиане и евреи не могли откупаться особым налогом “бедел-и аскерийе”, а призывались на военную службу наравне с мусульманами. Этот акт был особенно горячо поддержан германскими офицерами в Турции и в прогерманских кругах турецкой армии. Идея “общей прародины”, активно пропагандируемая пангерманцами, поддерживалась уже в младотурецком варианте через германские консульства и в Восточной Анатолии, и в Европейской Турции.

Однако попытки младотурок с помощью османизма обеспечить прочность империи были обречены на неудачу. Младотурецкий режим эволюционировал по нисходящей линии в сторону тоталитаризма, а османизм стремительно вырождался в открытый шовинизм.

После поражения в Триполитанской и Балканских войнах, потери Албании и Македонии (1912 г.) младотурки отказываются от османизма, который обявывал их хоть какими-то законодательными актами оформлять “равенство и братство” всех подданных. Оценивая политическую обстановку в стране после Балканских войн и крах попыток младотурок поднять знамя осма-

низма, идеолог пантюркизма Зия Гекальп заметил, что империя к 1914 г. превратилась в общественную харчевню, где каждый наедается в своем углу.

Нужны были новые знамена, новые лозунги. Реанимируется панисламизм и быстро становится государственной доктриной пантюркизм, еще более близкий концептуально “пангерманской идее” своими воинствующими поисками единого центра тюрков — Великого Турана от скал Адриатики до пустынь Синцзяна.

Кемаль Карпат, турецкий историк, работающий ныне в США, пишет, что под влиянием Балканских войн и общей обстановки напряженности на Балканах и на Ближнем Востоке значительная часть османской бюрократии и некоторые представители общественно-политической мысли стали идентифицировать старый османизм и “новый” пантюркизм. Рассматривать османское государство как определенную национальную (читай — турецкую) структуру, оценивать его историю через призму турецкого вклада. Османская государственность, признает К. Карпат, в эти годы (1913—1914) стала идентифицироваться с господством турецкой нации. Подразумевались при этом и Малая Азия, и утраченные, но в перспективе достижимые для турок земли Юго-Восточной Европы.

Второй после османизма более или менее систематической политической доктриной эпохи первой мировой войны назвал пантюркизм другой современный турецкий историк Шериф Мардин. Эта доктрина была, как он отмечает, ориентирована на распространение вширь — и на сопредельные балканские земли, и на самые отдаленные от Турции, как, например, Восточная Сибирь или северо-западные районы Китая — лишь бы там имелось этнически тюркское население. Примечательно, что наиболее последовательных приверженцев пантюркисты нашли среди эмигрантов — тюрков из России и переселенцев с Балкан, осевших в Турецкой Армении.

Идеологическое обоснование внешнеполитического экспансионизма младотурок, следовательно, отчетливо совпало с самым кануном первой мировой войны.

Следует отметить, что воинственные идеи, замешанные на панисламизме и пантюркизме, которыми в преддверии войны широко пользовались младотурки, разделялись далеко не всей турецкой общественностью. Пресса, сообщения дипломатов и сотрудников военного атташата России в Стамбуле полны сообщений за 1909—1914 гг. (начало года) о политических репрессиях и казнях открытых противников иттихадистов, о выступлениях неподцензурной печати против внутренней и внешней политики младотурецких лидеров. “Необходимо констатировать, что общее недовольство против младотурецкого режима далеко не улеглось, — сообщал в 1914 г. сухопутный атташе России в Стамбуле генерал-майор М.Н. Леонтьев. — Оно постепенно прогрессирует под влиянием все растущих политической самонадеянности и идейной нетерпимости младотурецких заправил, забравших в свои руки всю полноту власти”. Он приводит примеры расправы с командующим группой войск в Чаталджи Абуки-пашой, с сыном шейх уль-ислама Мухтар-беем, со штабным офицером Мустафой Каваклы (последнего арестовали на русском корабле, где он искал убежища). Вина этих людей состояла в сомнениях в правильности курса Комитета на всемерное усиление армии в политической жизни страны и в курсе на воссоединение “балканских османских” земель. Свою докладную записку опытный и компетентный М.Н. Леонтьев завершает предупреждением о возможности авантюристического шага со стороны Комитета. “Совершенная неизбежность для младотурецкого правительства вести активную повышенную [так в тексте. — В.Ш.] линию, не останавливаясь при случае и перед искусственным созданием спасительных для него чрезвычайных обстоятельств, совершенно независимо от истинных интересов государства”.

Прогрессирующую оторванность младотурок от политических реалий на Балканах и от сложнейшего внутреннего положения* в последний мирный год, их беспринципную (и неудачную) спекуляцию панисламизмом и пантюркизмом отмечала в одном из июльских номеров за 1913 г. оппозиционная газета “Мешверет” (“Обсуждение”), издававшаяся в Париже. В редакционной статье «Панисламистская политика Комитета “Единение и Прогресс”» говорилось следующее: «Последняя турецко-балканская война, принявшая характер крестового похода, стоила Турции столь большого урона человеческих жизней только потому, что она явилась следствием панисламистских происков Комитета “Единение и Прогресс”. Этот последний ради достижения своего положения стремится спекулировать на самых низменных инстинктах».

Отметив, что пять лет младотурки усиленно обрабатывали общественное мнение в духе “этой фальшивой пропаганды” и получили под нее немало “народных денег и самих жизней”, газета писала: “Комитет воспитывает среди мусульман ненависть к христианам потому, что такая политика сулит Комитету быстрые выгоды, но он мало заботится о том, что она принесет государству”.

“Мешверет” обращала внимание читателей в Турции и за рубежом на откровенный срыв младотурками условий Константинопольского договора, поскольку они “засылают в отошедшие к Болгарии города своих эмиссаров” и “всячески побуждают местных мусульман не принимать болгарского правления”. Тем самым,

* “Затруднительность внутреннего положения усиливается денежным кризисом, — писал М.Н. Леонтьев в январе 1914 г. — Финансовый бойкот [со стороны Антанты — В.Ш.] оказывает свое влияние, и нужда в деньгах принимает для правительства крайне острый характер, все наличные ресурсы использованы, все займы внутреннего характера, как-то из вакуфных, городских и других специальных капиталов произведены и остается лишь прибегать к новым выпускам *bons de Trésor*, размещая их на невыгодных условиях в различных частных банках”. По словам М.Н. Леонтьева, турецкая экономика была “похожа на туго натянутую струну, готовую лопнуть от одного неловкого прикосновения”.

по словам газеты, лидеры младотурок предстают перед Европой как нарушители мирного договора и “рано или поздно своим безрассудством навлекут на Османскую империю репрессии со стороны великих держав... Они могут занять недружественную позицию по отношению к Османской империи именно тогда, когда она больше всего в них нуждается. Сама же Османская империя не может взять под свое покровительство и присоединить к себе тех мусульман, которых сегодня она толкает на возмущение против европейских держав”.

Оппозиционная турецкая газета делала вывод, по существу совпадавший с приводившейся выше оценкой российского военного атташе: “апостолы панисламизма основывают свои надежды на будущую европейскую войну, ... чтобы воспользоваться случаем и вернуть знаменам ислама славу, принадлежавшую им в течение веков... Мы боимся, — заключали авторы статьи, — что бы Османская империя сама не была принесена в жертву ради преступной агитации ее руководителей”.

Трезвый и критический голос оппозиции Комитетом не воспринимался. Маховик военных приготовлений набирал обороты. Младотурки готовились решать свои проблемы вооруженным путем. Но в коалиции с какими державами?

Важным аспектом влияния Балканских войн на общественно-политические сдвиги в Османской империи была новая волна модернизаторских идей. Накануне первой мировой войны среди балканских турок широко распространялась книга одного из пантюркистски настроенных сподвижников Зии Гекальпа некоего Ибрахима Хильми под названием “Европеизироваться!” В ней содержалась популярно изложенная идея европеизации Турции через скорейшее заимствование экономического и научно-технического опыта сильнейших держав Европы. Напомним, что таковыми в части младотурецких кругов считали Германию и ее союзников по Центральному договору, но другие склонялись к сближению с Антантой. Однако ориентация на мили-

таризацию промышленности по германскому типу определена полностью. Приоритетным направлением была модернизация флота и артиллерии: закупались или строились мощные броненосцы и быстроходные контрминоносцы, артиллерийский парк пополнялся в первую очередь горными орудиями. Это были изделия разных стран. Кстати, как упоминалось выше, только низкое качество отделочных работ и отсутствие удобных помещений для команды заставили турецких экспертов отказаться от закупки военных кораблей в России. Гонка вооружений съедала все ресурсы страны, заставляла Комитет лихорадочно искать новые займы за рубежом, а главное — заглушала трезвые голоса, призывавшие к нейтралитету в европейских конфликтах.

Закупались и строились в Европе подводные лодки, военные дирижабли, быстроходные корабли — новейшая техника, с которой, как показали Балканские войны, турецкий солдат, наспех обученный, справиться не мог. В соперничестве за выгодные поставки дорогостоящего вооружения для Турецкой армии в канун войны победили оружейные короли Франции и Англии. Ответный ход Германии мог быть только еще более весомым и только политическим — вовлечением Османской империи в военный союз, с опорой на тех иттихадистов, которые сделали свой выбор. Впрочем, в начале 1914 г. и в самом Комитете, и в правительстве до окончательного выбора было еще далеко, хотя идея войны уже овладела ими.

В турецкой историографии сложилась традиция говорить о насильном вовлечении Турции в первую мировую войну. Современная турецкая историография деликатно опускает две детали. Во-первых, многие функционеры Комитета, напомним, были выходцами из Европейской Турции и утратили земельную собственность в Салониках, Монастыре, вообще в Македонии. Пантюркистские призывы, например, председателя меджлиса Халиль-бея “вернуться в Салоники” звучали скорее как

воплъ души разоренного Балканскими войнами земле-
владельца, чем идейного тураниста.

*Во-вторых, "азиатская модель" внешней поли-
тики младотурок идеально совпадала с устрем-
лениями пантюркистов: от десяти миллионов
османских турок к шестидесяти—семидесяти
миллионам турок, проживающих в Сибири,
на Кавказе, в Крыму, в долине Волги и Камы,
в Афганистане и далее на Восток. Для создания
Великого Турана — цивилизации, которая могла
бы сравниться с германской и в некотором отно-
шении превзойти французскую и английскую,
по мнению идеологов пантюркизма, которые, на-
помним, входили в Комитет "Единение и Про-
гресс", единственным препятствием представ-
лялся "московский исполин". Впрочем, их не по-
кидала надежда, что "русский деспотизм... будет
уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-
Венгрии, Турции". До заключения германо-турец-
кого военного союза оставалось более двух лет, когда
писались эти строки.*

Младотурки как система политической власти про-
должали выжидать и выбирать — к какому блоку при-
мкнуть. Характерно, что закупки оружия производи-
лись с максимальной выгодой и в странах Антанты,
и в Германии, и у ее союзников. Военно-морские силы
оснащались за счет современных кораблей, строивших-
ся или закупувавшихся у Англии и Аргентины, у Чили
и Китая.

Политике баланса между противостоящими блока-
ми отвечал "План коренных преобразований Осман-
ской империи", выдвинутый в январе 1913 г. прогерман-
ски настроенными, правоверными османами старой за-
калки — бывшим послом в Берлине Мюнир-пашой
и великим везиром в отставке Хакы-пашой. План был
согласован с младотурецкими лидерами Энвер-пашой
и Талаат-пашой. Джемаль-паша был страшно "занят"

и до плана “великих реформ” так и не добрался, во всяком случае официально.

По плану, в котором совместились старые представления танзиматского периода об обновлении опор Османской империи и новые расчеты прогерманского лобби и посла Германии в Стамбуле Вагенгейма, предполагалось поставить иностранных специалистов с исполнительной властью во главе отдельных ведомств. Таможенное дело, торговый и военный флот должен был возглавить советник из Англии, финансовое ведомство и средства связи — советник из Франции, всю систему гражданской администрации — специалист из Австро-Венгрии, как наиболее близкой страны по традиционности связей и общности ряда наций, входивших ранее в обе державы. Сухопутную армию и создаваемый поспешно военно-воздушный флот должен был возглавить советник из Германии. На последнего возлагались, как бы между делом, и вопросы реформы образования в Турции. Очередной взрыв военных действий на Балканах весной 1913 г. и потеря турками Янины и Адрианополя внесли коррективы в “План великих реформ”. Англия и Германия вводились великим везиром и начальником Генерального штаба (до Энвер-паши) в число главных гарантов реформ в Османской империи. В Стамбуле считали соперничество этих держав наилучшим залогом интегритета и нейтралитета Османской империи, еще не готовой к “общевропейской войне”.

Вторая Балканская война между противниками Османской империи и очередной контртрихадистский заговор в Стамбуле, в ходе которого 29 мая 1913 г. около полудня взрывом бомбы был убит великий везир Махмуд Шеквет-паша (о котором поговаривали, что он даже во сне бормотал по-немецки), имело двойной исход. Младотурецкий триумвират окончательно сбросил паранджу чисто идейного руководства и открыто возглавил все ключевые посты в армии и государстве. Великим везиром и главой ведомства иностранных дел был назначен сын египетского хедива (правителя) Саид Ха-

лим-паша. Он формально не входил в партию “Единение и Прогресс”, но был к ней вполне лоялен, а с триумвиратом — “весьма близок”. С назначением Саида Халим-паши, получившего как традиционное, так и блестящее европейское образование и поддерживавшего тесные личные контакты с британскими дипломатами и финансистами в Египте и в Европе, расширялись возможности для политического маневра младотурок на европейском континенте. Кроме того, становились более реальными надежды Комитета получить давно обещанные субсидии от хедива Египта. Хедив — правитель Египта — неоднократно повторял, что отдаст в пользу младотурецкого Комитета половину своего состояния, если ему помогут освободиться от англичан. Заметим, что в Стамбуле вплоть до окончательного разгрома считали Египет неотъемлемой частью Османской империи, временно находившейся под управлением Англии. Это обстоятельство следует учитывать при выяснении причин прогерманского выбора младотурок.

Немаловажно было и заручиться поддержкой полуофициальной лиги арабских политических деятелей. 27 июня 1913 г. по инициативе брата нового великого везира, при участии последнего, а также в присутствии влиятельных в исламских кругах представителей от Египта, Туниса, от шейхов Мекки и Медины, от воинственного Йемена и некоего “инкогнито от мусульман Индии”, состоялось заседание этой лиги. Речь шла о необходимости сохранить распадающуюся империю, опираясь на ислам и уклоняясь от конкретных обязательств перед какой бы то ни было европейской державой. Сообщая об этом собрании “ужасных мегаломанов”, А.Н. Щеглов, передавший эти сведения, не преминул уточнить, что “иттихадисты хотят взорвать Магрибинскую бомбу в тылу у западных держав”.

Младотурок беспокоило многое: выгодное участие в европейских комбинациях, судьба потерянных Балкан, перспектива утраты всех нетурецких земель. Как решить эти проблемы? Кто посоветует? Число иност-

ранных миссий в Стамбуле умножалось, пожалуй, быстрее, чем количество поездов иттихадистов в западные столицы.

К началу ноября 1913 г. были согласованы и обнародованы в Османской империи условия появления во главе военной миссии Германии Лимана фон Сандерса, известного специалиста по турецким делам. Был сделан широкий и уверенный шаг Германии на Ближний Восток, к Проливам, в Малую Азию. “Роковой час Турции, — как сказал М.Н. Леонтьев, — приблизился”.

Однако на какое-то время Комитет обеспечил себе кредит доверия в собственной стране. Многочисленная и весьма деятельная германская миссия воспринималась в Османской империи как признак прочности позиций Комитета в Османской империи и за рубежом. Вместе с тем Энвер-паша, “коварность и холодную беспощадность” которого, возможно, первым понял кайзер, заметивший однажды, что Энвер-пашу, несмотря на заслуги перед Германией, в скором времени все же следует повесить, добился еще одного последствия присутствия миссии Лимана фон Сандерса.

В начале 1914 г. германо-русские отношения обострились до предела, и основной причиной тому было опасение Петербурга, что Стамбул готов плясать, как писал М.Н. Леонтьев, под немецкую дудку фон Сандерса. “Столкновения с Турцией при ее подчиненности Германии нам не избежать”, — прогнозировал в ноябре 1913 г. ситуацию посланник России в Черногории А.А. Гирс. Два Особых совещания по поводу положения на Балканах и в Турции, которые состоялись в Петербурге 31 декабря 1913 г. и 8 февраля 1914 г., в качестве основного вопроса рассматривали меры по предотвращению окончательного перехода Турции, ее армии и как следствие — Босфора под контроль Германии. Однако с выводами о Турции несколько спешили и А.А. Гирс, и начальник Черноморской оперативной части Морского генерального штаба, старший преподаватель кафедры стратегии Николаевской Морской Академии А.Н. Немитц, автор двух докладных записок,

которые позже лягут в основу решения Петрограда о неизбежности войны с Османской империей и о желательности занятия Стамбула*.

Ни младотурецкий Комитет, ни сами его лидеры, фактически правившие страной, т.е. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша, окончательного выбора не сделали вплоть до 2 августа 1914 г. Основные усилия Комитета были направлены на укрепление своих позиций в распадавшейся империи. "Во главе армии и флота Комитет поставил людей решительных, молодых и неутомимых, — сообщала русская разведка 11 марта 1914 г. — Можно оспаривать стратегические и военные таланты Энвер-паши, но нельзя отнять у него того мужества и того пыла, которые даются ему его 32-летним возрастом".

В отечественной и зарубежной историографии сложился стереотипный портрет младотурецких лидеров как беспринципных авантюристов, наймитов германского империализма, продававших родину. Стоит обратиться к свидетельствам современников, — и возникают психологически сложные, противоречивые и очень неординарные личности.

Таким был Энвер-паша. Именно он после падения османского государства был приговорен судом Антанты к смертной казни, бежал из тюрьмы, уехал в советскую Россию, страну бывшего противника. Был участником революционных съездов народов Востока в Баку в 1920 г. Пламенно призывал к разгрому Антанты и к мировой исламской революции. По некоторым данным, встречался с Предсовнаркома Советской России В.И. Ульяновым (Лениным) и получил лично от него поручение содействовать установлению советской власти в Бухаре. Однако вскоре изменил новым хозяевам

* "Босфорская операция 25 ноября (7 декабря) 1912 г. Предварительные соображения Константинопольской операции 1(14) декабря 1914 г. Стратегическая записка по Морскому Генеральному Штабу". Подлинник хранится в Российском Государственном Архиве ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Дело 2974. О публикациях см. Библиографию.

и во главе группы бывших сподвижников по младотурецкой революции и местных басмачей с присущей ему неукротимой энергией сражался за великую идею пантюркистов — Туранскую республику. В схватке с отрядом чекистов под Деннау, близ Бухары, 4 августа 1922 г. сложил голову этот незаурядный политический деятель. Тогда, в 1914 г., ему еще оставалось восемь лет жизни.

“Все признают за Энвер-пашой бесспорно удивительные способности не только в смысле энергии, но и в смысле администраторских дарований”. Так характеризовал Энвер-пашу лично знакомый с ним военно-морской атташе в Стамбуле А.Н. Щеглов. “Это человек стремительный, скорый и непосредственный в своих решениях, для достижения намеченного им результата он ни перед чем не отступит, — отмечал атташе. — Он способен на всякий дерзкий шаг и на всякий обман...” Отметив внешние проявления прогерманских симпатий Энвер-паши и его личную дружбу с Л. фон Сандерсом со времени службы в составе посольства в Берлине в 1909—1911 гг., А.Н. Щеглов писал, что ориентация на Германию — лишь “политическое средство” для Энвер-паши. Цели его — не победа Германии на Балканах и на Ближнем Востоке, а возвращение Турции утраченных позиций в Европе и в Азии. “Он не сомневается, что его появление в составе правительства Турции знаменует собой остановку, конец падения его страны и начало восстановления ее могущества, которое он желает видеть безмерным...”

Ближайшим его сподвижником был Джемаль-паша, несколько уравновешивавший избыток темперамента военного министра. “Самым спокойным, самым интеллигентным, самым удивительно энергичным, самым патриотически настроенным солдатом, каких мне только приходилось видеть в Турции”, назвал Джемаль-пашу глава военной миссии России в Стамбуле М.Н. Леонтьев. Общеизвестные профранцузские симпатии Джемаль-паши, как писал М.Н. Леонтьев, отнюдь не меша-

ли им с Энвером прекрасно ладить и дополнять друг друга*. Вместе с Джавид-беем**, министром финансов, “которому состояние турецкого казначейства ближе политических амбиций, а связи с банками по обе стороны Ла-Манша важнее других предпочтений, создали трю, способное на многое”.

Вместе с председателем Комитета партии Талаат-пашой***, не слишком ярким сторонником ориентации на страны Центрального договора, занятым скорее партийными, чем государственными делами, в 1914 г. сложилась правящая группа, члены которой, по словам М.Н. Леонтьева, почти ежедневно с ними общавшегося, — “молоды и действительно являются людьми ценными и энергичными, понимающими, что судьба Турции в их руках”.

* 26 июля 1922 г. “Нью-Йорк таймс” сообщала: “Тифлис. Грузия. 25 июля. Сегодня убит Джемаль-паша, бывший министр военно-морских сил младотурецкого правительства. Обвинение в преступлении предъявлено двум армянам. Джемаль-паша шел в сопровождении двух помощников, которых тоже убили. Он направлялся в Кабул из Берлина, где делал важные закупки для афганской армии”.

** “Джавид-бей — 35-летний молодой человек, сын салоникского еврея-мевялы, выпускник Стамбульского Политехнического института (среднее между училищем правоведения и Александровским лицеем), где читает курс политэкономии, весьма представительной наружности и выдающегося дара слова, сопровождаемым не меньшими финансовыми способностями”. По сообщению “Нью-Йорк Таймс” от 13 июля 1919 г., был приговорен в Стамбуле судом союзников (Англии и Франции) к 15 годам каторги, которую частично отбыл вместе с шейх уль-исламом при младотурках Ильясом Казимом. Долгие годы успешно трудился в составе британской колониальной службы на Ближнем Востоке. Мемуары его были изданы в Стамбуле в 1944 г.

*** “Нью-Йорк Таймс” 16 марта 1921 г. сообщила: “Берлин. 15 марта. Сегодня был убит Талаат-паша, один из трех лидеров младотурецкого движения.

Он шел с женой по улице на западной окраине города. Следовавший за ними молодой человек остановил их и похлопал Талаата по плечу. Потом, вытащив пистолет, он выстрелил Талаату в голову, вторым выстрелом ранил жену.

Прохожие схватили убийцу, избили его, и чуть было не довели дело до линчевания, но вмешалась полиция. На ломаном немецком убийца сказал полицейским: Мы оба иностранцы. Это не имеет никакого отношения к вам. Он оказался армянским студентом и, очевидно, его поступок являлся актом мщениия за резню его соотечественников.

Талаат, чье имя было вторым в списке турецких военных преступников, покинул Константинополь два года назад и жил под вымышленными именами сначала в Швейцарии, а потом в Германии”.

Глава III

НЕНУЖНАЯ ВОЙНА, ИЛИ КАК ВАЖНО ВЫСЛУШАТЬ РАЗВЕДЧИКА И ФИНАНСИСТА

Наше участие в мировой войне оправдано нашей национальной идеей

Военный министр Энвер-паша

Так с кем же мы в конце концов будем воевать?

Министр финансов Джавид-бей

Весной 1914 г. в 95-ти избирательных округах по выборам в палату депутатов парламента прошли, за небольшим исключением, кандидаты от партии “Единение и Прогресс”. Младотурки после выборов чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы заняться экономическими вопросами. Джавид-бей и его французский советник А. Лоран предполагали свести 1913/1914 финансовый год с минимальным дефицитом (доход 33,7 млн турецких лир, расход — не свыше 35 млн лир), т.е. сократить дефицит бюджета примерно в 4—5 раз по сравнению с 1911 г. К 1917/1918 гг. предполагалось добиться сбалансированного бюджета (примерно по 35 млн турецких лир доходов и расходов) за счет улучшения, как надеялся Джавид-бей, фискальной системы, и “прихода на службу добросовестных чиновников новой формации”.

Как сообщал из Стамбула в своем очередном аналитическом обзоре А.Н. Щеглов, “старых волокит-чиновников нет. Люди, помнящие старый режим Абдул Хамида II и привыкшие при нем устраивать разные дела, теперь терпят неудачу...” В обзоре констатировалось, “что при всех издержках, в Турции складывается основа правового государства... Турецкий чиновник ныне опирается так или иначе на власть, которая требует от него личной деятельности, а значит, и решения вопросов... турки слабее себя считают, чем есть на самом деле”.

Годовые, на не слишком тяжелых условиях, займы за рубежом должны были обеспечивать прирост доход-

ной части бюджета по 0,2 млн лир в год. Для этого стране нужен был прежде всего мир. Займы из-за рубежа поступали, но они отнюдь не содействовали сохранению нейтралитета, как настаивали Джавид-бей и его сторонники в турецких торгово-промышленных кругах. Проблема займов стала в начале 1914 г. вопросом жизни для младотурецкого режима. Ведя параллельные переговоры с банками противостоявших группировок держав, Комитет пытался сохранить определенное равноудаление от великих держав (или по крайней мере оттянуть окончательный выбор). Однако при этом ускорить модернизацию армии и флота, причем в целях сугубо собственных. Таковыми были: решение национально-территориальных проблем в отношении с готовыми восстать повсеместно арабскими, армянскими, курдскими подданными, обеспечение реванша на Балканах и начало реализации обширных пантюркистских планов.

Удавалось это плохо. Неоднократные попытки Джавид-бея примирить французских держателей пакета акций Оттоманского банка с "Дойче Банком" по спорным вопросам финансирования новых линий Багдадской железной дороги оказались не только безуспешными, но и опасными для турецкого суверенитета. 15 февраля 1914 г. банки и представители правительств Германии и Франции в принципе договорились по главному для них вопросу. Центральная, Южная Анатолия и Месопотамия стали зоной деятельности германских железнодорожных компаний, а Северная Анатолия и Сирия — французских.

Деятельно включились в обсуждение технических моментов займов и территориальных гарантий под них США. Это в свою очередь вызвало к жизни совместное решение Англии и России любым способом, вплоть до морской демонстрации у берегов Турции оставить Стамбул вертеться в прежнем заколдованном кругу "союзников—противников".

Буквально в те же дни шли и англо-германские согласования в отношении Турции. 23 февраля 1914 г.

банковские нефтяные и железнодорожные магнаты Германии и Англии окончательно согласовали зоны влияния в Кувейте, Персидском заливе, Месопотамии. Россия вошла в состав распорядителей Администрации Османского Публичного Долга и совместно с Германией взялась быть гарантом реформ в Турецкой Армении. Австро-Венгрия и Италия настойчиво требовали концессии в Западной Анатолии, причем вне какого-либо контроля со стороны местных турецких властей.

Осознание близкой катастрофы прозвучало в это время в донесениях посла Турции в Берлине: державы готовятся расчленить Турцию. Талаат-паша трезво сравнивал весной 1914 г. положение своей страны с путешественником, на которого в глухом лесу напали разбойники: он готов отдать им все, лишь бы спасти свою жизнь.

Все было тщетно. Нейтралитет Османской Турции уже никого не устраивал. Тройственный Союз вложил слишком много средств в турецкую армию, чтобы она использовалась для решения только внутрисманских проблем.

Берлину нужен был в данный момент турецкий солдат. Его не волновало отвлеченное призрачное будущее младотурецкого режима. В то же время экономические позиции Антанты были столь сильны в Турции, зоны влияния очерчены столь определенно, что нейтральная Турция была Антанте попросту "неудобна" в качестве союзника: проблема ее раздела выглядела в глазах Европы несколько неприлично и неудобноисполнимо. Антигерманские высказывания Энвер-паши, Талаат-паши, других деятелей Комитета весной 1914 г. не убеждали дипломатов Антанты. Однако они настораживали Берлин и пугали те круги в балканских странах, которые боялись турецкого марш-броска на Балканы.

Оценим последние предвоенные политические маневры младотурецкого правительства в отношении стран Антанты, опираясь на свидетельства турецких политических деятелей тех лет.

Можно считать документом принципиальной важности мартовскую (1914 г.) резолюцию Комитета иттихадистов о том, что в случае общеевропейской войны Османская империя “должна не поддерживать Германию, как рекомендуют некоторые члены Комитета” (заметьте, что такая формулировка была предложена никем иным, как Энвер-пашой), а “занять строго нейтральную позицию и не осложнять отношения с Францией и особенно с Россией”.

Комитетом тогда же была принята к сведению официальная позиция османского Генерального штаба, фактически — Энвер-паши: “Мы испытываем настоятельную потребность в мире, в сохранении выдержки и спокойствия”. Нейтралитет Турции признавался политикой вынужденной, продиктованной слабостью армии и флота и рассчитанной, как следует из мемуаров Мухтар-паши, Джемаль-паши и документов военноморского атташе Турции в Петрограде, не более чем на два года. В течение двух лет должны были поступить средства по военным займам из Франции и Германии, а также оружие и пополнение флота, в том числе подводного, артиллерии и вновь создаваемых турецких ВВС из Франции, Англии и Германии, должно было закончиться переформирование всей турецкой армии. Наконец, в Стамбуле предполагали, что двух-трех лет будет достаточно, чтобы разрешить проблему обновления режима Проливов и добиться отмены капитуляций. Полагая, что война начнется во второй половине 1914 г. (до ноября), триумвират считал наиболее выгодной тактикой на 1914 г. сближение с Антантой, не исключая, впрочем, перспективу союза с Германией.

Были и другие мнения. В пользу решительного сближения с Антантой, вплоть до отказа от нейтралитета и от военного союза с Германией выступали те деятели Комитета, которые считали, что Антанта “оплатит турецкий чек” возвращением под власть Стамбула оккупированных Грецией Эгейских островов, реставрацией османского правления в Египте, согласием на отмену

капитуляций, а главное — предоставлением твердых гарантий Антанты от того, что Комитет называл вмешательством России во внутренние дела Турции (имелись в виду в первую очередь Проливы и реформы в Турецкой Армении).

После упомянутого выше заседания младотурецкого руководства были предприняты две попытки достигнуть взаимодействия с членами Антанты: В мае 1914 г. — с Россией и в июле, в разгар сараевского кризиса — с Францией. Обе попытки осуществлялись на уровне чрезвычайных посольств, персонально — на самом высоком уровне. В Россию ездил Талаат-паша, известный своим умеренным равноудалением от всех западных держав. Во Францию — франкофил Джемаль-паша. В обоих случаях речь шла о военном двустороннем союзе Османской империи с Россией или с Францией. Оба раза — безрезультатно: и Петербург, и Париж уклонились от обсуждения турецких предложений о союзе, хотя Талаат-паша в России был принят исключительно торжественно, а Джемаль-паша получил во Франции орден Почетного Легиона.

Следует подчеркнуть, что речь шла именно о двусторонних союзных договорах, а не о непосредственном вступлении Турции в Антанту.

Важно учесть и второе обстоятельство. Оно касается взаимоотношений Османской Турции с балканскими соседями. Талаат-паша был хорошо осведомлен о намерениях Российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова создать Балканский союз при участии Турции и Болгарии, которых следовало еще примирить и сблизить. В Стамбуле учитывали также, что Россия, признававшая в принципе права Греции на занятые ею в ходе Второй Балканской войны Эгейские острова, из стратегических соображений была готова, помимо Имброса и Тенедоса, оставить ключевую для судьбы Черноморских Проливов проблему — а именно о Лемнос — в руках Османской империи до окончательного решения вопроса о режиме Босфора и Дарданелл.

Союз с Турцией Россия должна была бы оплатить поддержкой Стамбула и в болгаро-турецких, и в греко-турецких отношениях.

Проблему Имброса, Тенедоса, Хиоса, Лесбоса и Лемноса держал в центре внимания и Джемаль-паша во время своего визита в Париж. Он подчеркивал при этом большую выгоду для Франции и Англии от поддержки Турции, чем Греции, акцентировал необходимость гарантий турецкого интегритета от России.

В ходе переговоров и в России, и во Франции глухим, печальным звуком одинокого удара в барабан прозвучали призывы Талаат-паши и Джемаль-паши рассмотреть вопрос о капитуляциях. Ни в Петербурге, ни в Париже об этом и слышать не захотели.

Обобщенное представление о позиции младотурок по Восточному вопросу и о русско-турецких отношениях в тот момент, когда все стороны фактически определили свои места, дает памятная записка Ниязи Фахретдин-бея — турецкого посланника в Петербурге, на имя посла Турции в Вене Хусейна Хильми-паши. Документ датирован 8 сентября 1914 г. Это было последнее письмо последнего дипломата распавшейся вскоре Османской империи в России. Во введении подробно говорится об этом документе. Еще раз подчеркнем, что общий настрой документов — призыв к осторожности в выборе военных союзников, к учету особой важности межбалканских, русско-турецких и турецко-балканских отношений.

Итак, выжидать или решаться. С кем? 18 июля 1914 г. Джемаль-паша выехал из Парижа с пустым портфелем — Франция отказалась от сближения с Турцией. У вагона “Восточного экспресса”, того самого, о котором писала Агата Кристи, в Стамбуле его встретили двое. Столь же неудачливый соискатель понимания в России Талаат-паша и полный надежд и решимости Энвер-паша. Военный министр несколькими днями раньше вернулся все тем же “Восточным экспрессом” из Берлина, где успешно совещался с начальником Генерального штаба Германии Мольтке-младшим, и привез основные принципы будущего договора Турции

с Германией. Еще через пять дней, 23 июля, в день предъявления Австрией ультиматума Сербии, германский посол в Турции Вагенгейм говорил с Джемаль-пашой о будущем договоре, как о деле решенном.

31 июля 1914 г. текст германо-турецкого договора был парафирован. 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. На следующий день, это было воскресенье, около 16 часов Вагенгейм и великий везир Саид Халим-паша в присутствии членов триумvirата, председателя парламента и нескольких особо доверенных членов кабинета подписали германо-турецкую конвенцию. В тот же день, 2 августа, вечером, была подписана и на следующий день опубликована в стамбульской прессе декларация о турецком нейтралитете.

В понедельник 3 августа объявили мобилизацию военнообязанных 1889 и 1890 годов рождения: как говорилось в официальной прессе, в качестве меры предосторожности ввиду войны в Европе. Маяки в Проливах были погашены, бакены сняты. На иностранные корабли поднялись турецкие лоцманы.

В отечественной (А.Д. Новичев, А.Ф. Миллер, Г.З. Алиев, Б.М. Поцхверия) и зарубежной (М. Ларшер, Ахмед Эмин, В. Готлиб и др.) историографии* сложилась тенденция, восходящая к первому публикатору Военной конвенции от 2 августа 1914 г. Карлу Каутскому (1919 г.), представлять этот документ как свидетельство полного и окончательного подчинения Стамбула берлинскому диктату и прямого вовлечения Турции в мировую войну. Я, однако, полагаю, что при этом были опущены такие немаловажные для оценки расстановки сил на Балканах и дальнейшего развития событий в регионе в целом материалы, как сопутствовавшие военной конвенции разъяснения посла Вагенгейма Энвер-паше и Джемаль-паше, не вошедшие в общий пакет до-

* См. Библиографию.

кументов, но зафиксированные в мемуарах главных действующих лиц с турецкой и немецкой сторон, а также болгаро-турецкое соглашение от 6 августа 1914 г., подписанное в один день с положением о функциях германской военной миссии в Османской империи. Наконец, оставалась неизученной взаимосвязь претворения в жизнь германо-турецкой военной конвенции с вопросом о капитуляциях и участии немусульманских подданных Стамбула в большой войне, перспектива которой, как сказал Джемаль-паша, обрисовалась для Турции после 2 августа 1914 г. грозно, но не окончательно.

Сама турецко-германская конвенция от 2 августа 1914 г., ее предельная краткость и обобщенность формулировок давали основание уже современникам, например, адъютанту Л. фон Сандерса Карлу Мюльманну и турецкому посланнику в Берлине М. Мухтар-паше, называть документ именно конвенцией, вслед за которой ожидался дополнительно развернутый договор между Германией и Турцией.

Конвенция содержала восемь пунктов. Один из них (ст. 8) предусматривал секретный характер соглашения, которое могло быть оглашено не иначе, как по взаимной договоренности. Строго говоря, эта секретность звучала несколько надуманно, поскольку статьей 1 предусматривался нейтралитет и Германии, и Турции "в австро-сербском конфликте". Статья 2 все ставила на свои места. В случае вмешательства в конфликт России и появления тем самым у Германии необходимости выполнить свой союзный долг перед Австро-Венгрией, таковая необходимость приобрела бы равным образом силу и для Турции.

Две следующие статьи (3 и 4) формально должны были смягчить фатальную бескомпромиссность ст. 2. Напомним, что телеграф уже принес в Стамбул известие о том, что еще вчера, т.е. 1 августа 1914 г., Германия объявила войну России. Последняя не вмешалась в то, что именовалось "австро-сербским конфликтом" и, следовательно, не было формального повода вступления Турции в войну с Россией.

В случае военных действий Германия обязывалась предоставить в распоряжение Турции военную миссию, причем поставить ее в прямое подчинение турецкого военного министра (с оговоркой — и в подчинение главы упомянутой германской миссии). Германия обязывалась силой оружия защищать целостность османских земель (ст. 4). Хотя это столь желанное для турок обязательство было высказано в самой общей форме, воистину — “сквозь зубы”, но даже этого не смогли добиться турецкие руководители ни от России, ни от других стран Антанты накануне войны. Срок действия конвенции определялся до 31 декабря 1918 г., с автоматическим продолжением на следующие пять лет, если одна из договаривающихся сторон не заявила бы о ее денонсации за шесть месяцев до истечения срока действия (ст. 5 и 6).

Конвенция не носила “следов поспешности”, как полагал в свое время А.Ф. Миллер. Скорее наоборот. Энвер-паша — главный архитектор военного союза вложил в него те примерно десять лет действия, до середины 1920-х гг., которые нужны были, как говорилось выше, младотуркам для решения своих внешне- и внутриполитических проблем. Однако в более выигрышной ситуации оказывалась Германия. Пролиты, ресурсы, плацдармы в Юго-Восточной Европе, в Африке (Египет), в Восточной Анатолии и к тому же миллионная армия с советниками-немцами — все это в нужный момент должно было оказаться после подписания германо-турецкой конвенции под рукой у германского Генерального штаба.

В понедельник 3 августа 1914 г. Германия объявила войну Франции, а Турция обнародовала во всей европейской прессе декларацию о нейтралитете. 4 августа Англия объявила войну Германии. Соглашение Турции с Германией оставалось тайной для Антанты по крайней мере еще неделю. Внимание держав было отвлечено от турецких проблем. Выигрыш времени, как писал Ахмед Джемаль-паша, был получен. И использован, на первый взгляд, весьма эффективно.

В три дня были активизированы переговоры с Болгарией относительно совместных действий в перспективе получения Турцией населенных мусульманами районов Западной Фракии, Болгарией — земель в Македонии. Обе стороны подчеркивали свой нейтралитет в разгоравшейся войне, что не соответствовало фактическому положению дел. Во всяком случае, для Турции, поскольку 4 августа 1914 г. Австро-Венгрия объявила о своем присоединении к турецко-германской конвенции со всеми вытекающими последствиями.

Весь комплекс противоречий между Австро-Венгрией и балканскими государствами обязаны были если не разделить целиком, то принимать во внимание младотурецкие лидеры. Подтверждением тому явилось “мертворожденное дитя”, по оценке турецкого историка Ахмеда Эмина, а именно турецко-болгарский договор о союзе, подписанный 19 августа 1914 г. Направленный против Греции, но обусловленный нейтралитетом Румынии договор с Болгарией должен был учитывать столь многочисленные и непредсказуемые факторы австрийской, германской и антантовской политик на Балканах, что так и остался на бумаге. Турецкие историки высказывают по этому поводу массу догадок, полагая, впрочем безосновательно, следующее. Поскольку договор изначально содержал захватнические планы, то союз малых балканских государств мог предотвратить разрастание войны, по крайней мере в балканском регионе, и уберечь от разгрома Османскую империю.

Младотурки, или иначе иттихадисты, своим нетерпимым отношением к арабскому национальному возрождению, к курдскому национальному движению изолировали себя от единственных реальных военных союзников, подорвали доверие к себе во влиятельных исламских кругах. Ненависть же к иттихадистам в армянских, греческих, славянских селениях была известна Стамбулу. Триумвират буквально бросался в безнадежную авантюру турецко-болгарско-румынского сближения, чтобы любой ценой вырвать несколько тысяч

квадратных километров фракийских земель, населенных мусульманами, чтобы поставить под ружье воинственное и привычное к оружию местное население, декларировать борьбу за ставшее мифом османское единство. И, наконец, чтобы оказать давление на великие державы в отмене режима капитуляций.

Капитуляции и мусульманские земли — две действительно популярные в турецких низах проблемы — могли либо сплотить при удачном их разрешении распадавшееся османское общество вокруг иттихадистов, либо стать двумя концами шелкового шнура на горле триумvirата. Вряд ли поэтому можно или нужно восстанавливать степень искренности Энвер-паши, когда одновременно с консультациями в Софии и Бухаресте он предложил 5 августа 1914 г. военному атташе России в Стамбуле генерал-майору Генерального штаба М.Н. Леонтьеву начать переговоры о русско-турецком военном союзе.

Они были неуловимо похожи друг на друга. Энергичные, подтянутые, с любовно ухоженными усами, в отлично пригнанной военной форме, перетянутой мягчайшими, не издававшими ни малейшего скрипа даже при движении портупелями. Генерал-майор Генерального Штаба России и несостоявшийся эмир Великого Турана. Вот они — почти бок о бок на старой-старой архивной фотографии. Лег в папку пожелтевший отпечаток, уходили в небытие империи, которым служили эти незаурядные люди...

По сообщениям генерала М.Н. Леонтьева, Энвер-паша 5 августа заверил его, что проводимая в Османской империи мобилизация резервистов не направлена против России, а кавказский корпус может быть отодвинут от русской границы.

Благожелательный нейтралитет Османской империи вполне достигим, если: 1. Россия даст согласие на отмену капитуляций; 2. гарантирует интегритет всех османских территорий; 3. поддержит требование турецкой стороны о возвращении Эгейских островов и Западной Фракии, населенной мусульманами.

Энвер-паша подвел своего собеседника к мысли о чрезвычайной перспективности сближения Турции и России как основы серии территориальных компенсаций на Балканах. Все — в рамках, намеченных турецко-болгаро-румынскими соглашениями. Энвер-паша был нетороплив, деликатен и ненавязчив; он говорил, что понимает — России нужно время для обдумывания столь далеко идущего союза, и не торопил генерала Леонтьева с ответом. Он знал, что через несколько часов в Петрограде уже будет обсуждаться его предложение. В действительности же, под ногами Энвер-паши горела земля, а точнее — море. Каждый час адъютанты приносили ему очередное сообщение — мощные германские крейсера “Гёбен” и “Бреслау” на предельной скорости приближаются к Дарданеллам, стремясь укрыться от преследования британской эскадры. Об этом же, как о не подлежащем обсуждению факте, сообщили Энвер-паше также из германского посольства в Стамбуле.

День 6 августа 1914 г., наверное, был звездным днем в биографии Энвер-паши. Утром он собрал членов Комитета, нескольких министров, которым лично доверял, изложил ситуацию и при поддержке великого везира Халим-паши добился одобрения своего плана действий.

Переговоры с Россией продолжать и развивать, германские боевые корабли пропустить в Проливы, а взамен добиться от Германии пересмотра конвенции от 2 августа. Новыми турецкими требованиями были:

1. четкая и недвусмысленная гарантия Германией османского интегритета;
2. поддержка Германией действий Турции по отмене капитуляций;
3. определение размеров турецкой доли в будущей контрибуции.

Наконец, что было рефреном всех бесед Энвер-паши с Западом, —

4. возвращение Эгейских островов и мусульманских земель на Балканах в том случае, если будет

иметь место какой-либо территориальный передел на Балканах. В последнем пункте тон турецких государственных деятелей становился застенчивым, фразы осторожными — в том случае, если..., может быть... Но ведь Энвер-паша сам готовил такие переделы и в Софии, и в Бухаресте, и, со вчерашнего дня, т.е. с 5 августа, — в Петрограде!

Во второй половине дня 6 августа 1914 г. все эти новые предложения были изложены им послу Вагенгейму в германском посольстве. Там, “свой среди своих”, Энвер-паша скромничал меньше. Требование балканских “османских”, по его терминологии, земель, Энвер-паша дополнил требованием “исконных османских крепостей” — Карса, Ардагана и Батума. Их надлежало “получить” (!) от России.

В отличие от беседы с М.Н. Леонтьевым, на встрече с Вагенгеймом Энвер-паша был нетерпелив, упруго настойчив. “Гёбен” и “Бреслау” уже в зоне дарданелльских маяков, а за ними, всего на расстоянии четырех часов хода, идут британские корабли преследования*. Ответ посла должен последовать незамедлительно. Еще до исхода дня не расходившийся Комитет иттихадистов получил личное послание Вагенгейма на имя Халим-паши. Посол от своего имени обещал поддержку Германии в отмене капитуляций, при переговорах по территориальным приобретениям с Болгарией и Румынией; Турция также могла рассчитывать на греческие Эгейские острова и на туманно сформулированное “исправление ее восточной границы, которое даст Турции возможность соприкосновения с мусульманскими элементами в России”. Прямого приращения за счет России гарантировано не было, но каков намек!

Энвер-паша, казалось, приближался к заветной цели — возвращению балканских земель — и делал шаг к Великому Турану.

* Сейчас достоверно известно, что британская эскадра сделала все возможное, чтобы действительно загнать германские крейсера в турецкие воды и сделать необратимым выбор Турции в пользу Германии.

Нет, не зря так боялся телеграфа незабвенный султан Абдул Хамид II. Триумф триумvirата был безнадежно испорчен. Пришла срочная телеграмма из Лондона. Уинстон Черчилль добился секвестра на построенные в Англии два дредноута и два миноносца, предназначенные для турецкого флота.

Это был двойной удар. Турецкий флот оказывался вдвое слабее даже греческого. Самое главное — собранные по курушу, по всенародной подписке деньги (7 млн фунт. ст.) пропадали вместе с широковещательными обращениями Энвера и Джемалея к народу воссоздать силами всего народа морское могущество Османской империи.

В Стамбуле 7—8 августа 1914 г. прокатилась мощная волна выступлений антибританского характера. Звучали требования привлечь к ответу иттихадистов. 9 августа 1914 г. Энвер-паша продолжил беседы с М.Н. Леонтьевым. Русский генерал изложил “благожелательную заинтересованность” России в переговорах, не делая, как и предписывал министр иностранных дел С.Д. Сазонов, никаких “связывающих заявлений”.

Энвер-паша развернул захватывающую перспективу созданию Юго-Восточного и Средне-Восточного блока — против и за счет Австро-Венгрии, — в составе и центром которого были бы Россия и Турция. Оборонительный союз предполагался сроком на те же 5—10 лет (с последующим продлением), которые нужны были Стамбулу для реализации общей программы возрождения империи. Энвер-паша предусматривал также создание единого общевосточного союза держав против Австрии, причем турецкая армия явилась бы гарантом союза и выступала бы против того из балканских государств, которое позволило бы себе высказываться против политики России (подразумевалось: и Турции).

Столь же недвусмысленно в пользу русско-турецкого союза как основы решения всего балканского узла противоречий высказывался в Петербурге (Петрограде) турецкий посланник в России Ниязи Фахретдин-бей. С соответствующими инструкциями и полномочиями

для оформления союза в Петроград срочно отбыл сам Ахмед Джемаль-паша. Анализ упущенных возможностей выходит за пределы моего исследования. Остается только констатировать, что, ошибочно полагая, будто бы можно бесконечно долго затягивать переговоры с Турцией о военном союзе, в России взяли курс не на создание Балканского союза, в состав которого вошла бы Турция, а на блок балканских государств, которой бы сдерживал Турцию. Однако турецкой стороне в Петрограде и в Стамбуле удалось добиться от России гарантий неприкосновенности османских владений и согласия на переход в руки Турции всех германских концессий в Малой Азии, включая Багдадскую железную дорогу. В вопросе о приобретениях на Балканах Россия подтвердила готовность передать туркам о. Лемнос. В качестве ответного шага Стамбул должен совершить нечто несбыточное — демобилизовать армию и еще раз подтвердить нейтралитет. Разочаровывающей была позиция России и в вопросе о капитуляциях.

Пока Энвер-паша вел продолжительные беседы с Леонтьевым о выгодах для России от военного союза с Турцией, Мехмед Джавид-бей не менее интенсивно доказывал российскому советнику по коммерческим вопросам Гюлькевичу, что с отменой капитуляций России, имеющая в них наименьшую из стран Антанты долю, приобретет не только “вечную признательность турецкого народа”, но и преимущества на рынках Османской империи: на немногих, но важных балканских рынках и на всех малоазиатских. Здесь Джавид-бей действовал в рамках решения военного кабинета иттихадистов добиваться союза с Болгарией и Румынией и, сохраняя нейтралитет, развивать с ними и с Россией интенсивные торговые связи. Джавид-бею не удалось, однако, привлечь внимание российских рутинеров к очевидным выгодам торговли на принципах наибольшего благоприятствования, причем одновременно и на балканском, и на малоазиатском рынках в тот неповторимый момент, когда Германия и Австро-Венгрия как главные конкуренты России были нейтрализованы.

Столь же неудачны оказались и политические демарши Энвер-паши в сфере военно-политического союза с Россией. Тщетно зывали М.Н. Леонтьев и сам российский посол М.Н. Гирс к благоразумию Петрограда, призывая к немедленному соглашению с турками, иначе “завтра будет уже, может быть, поздно”. Союз России с Турцией столь же не соответствовал интересам Англии и Франции, как и отмена капитуляций. А без согласия Лондона и Парижа в Петрограде не решались предпринять ни одного шага в турецкой политике.

Максимум, чего добился Джавид-бей, это устного заявления послов Антанты в 20-х числах августа о том, что их правительства согласны на частичную ликвидацию капитуляционного режима в сфере экономических связей, но что для перемен в правовой области, закреплявшей капитуляцию, “время еще не настало”. Когда Джавид-бей 31 августа попытался получить по этому поводу письменное заявление, послы Антанты дружно отказались, оказавшись намного позади решительного Вагенгейма с его обязательствами от 6 августа.

Двумя днями раньше послы Антанты заявили, что в обмен на строгий нейтралитет Высокой Порты державы готовы гарантировать османский интегритет, но... только в ходе самой войны.

Таким образом, к октябрю 1914 г. Стамбулом не были фактически решены ни вопросы о Балканском союзе, ни территориальные вопросы, ни проблема капитуляций. На рейде в Мраморном море покачивались на легкой волне могучие крейсера “Султан Селим Грозный” и “Мидилли”, бывшие “Гёбен” и “Бреслау”. После утреннего намаза 15 августа 1914 г. на них был поднят турецкий флаг, на борт вступило с десятков робко озиравшихся турок — палубных уборщиков; немецкие экипажи остались на кораблях, щеголяя новенькими фесками. Офицеры поигрывали четками (подарки нового хозяина — морского министра Джемаль-паши). Гордость германского флота была фиктивно, как признавал сам Джемаль-паша, куплена турецким правительством. Фактическим главой военно-морских сил Османской импе-

рии стал старший морской начальник “Гёбена” и “Бреслау” опытный, энергичный адмирал В. Сушон* .

К середине сентября все члены английской военно-морской миссии покинули Турцию. Их места заняли немецкие офицеры. Начали свертываться торгово-банковские операции стран Антанты в Османской империи. Прекратила свою деятельность английская пароходная компания, осуществлявшая рейсы к Месопотамии и в Индийский океан. Османская Турция как бы отсекалась от сложившихся экономических связей с Европой и остальным миром. В то же время присутствие германских крейсеров под флагом со звездой и полумесяцем в Проливах изменило в пользу Германии и ее союзников соотношение сил на Черном море. Босфор оказался закупоренным. Для связей России с Антантой оставалась Балтика и морской путь вокруг Скандинавии. Взаимные экономические связи России и Турции также оказались парализованы, т.к. реализовывались большей частью через Проливы. В октябре 1914 г. Высокая Порта и Антанта обменялись резкими нотами по поводу упоминавшихся выше крейсеров. Впрочем, это был свершившийся факт. Несравненно большее значение имела нота Высокой Порты от 9 сентября 1914 г. об упразднении с 1 октября 1914 г. режима капитуляций как несовместимого с честью и достоинством империи и об отмене всех основанных на нем привилегий для иностранцев. Соответственно повышались таможенные тарифы. Султанскими указами-праде от 13 и 17 октября 1914 г. было объявлено об упразднении юридических обоснований режима капитуляций.

Борьба за балканскую гегемонию отошла на задний план. Турция оказалась перед неожиданным фактом: и страны Антанты, и Германия с Австро-Венгрией, вопреки обещаниям, протестовали против отмены капитуляций. Как отметил, опираясь на новые документы султанского архива, турецкий историк З. Топрак, Высо-

* “Мидилли” еще в начале войны подорвался на mine. “Султан Селим Грозный” (при кемалистах — крейсер “Грозный”, или “Явуз”) был в строю до 1973 г., после чего он был продан на металлолом.

кая Порты предложила всем державам, включая балканских соседей, заключить договоры, урегулировать экономические обязательства, учесть взаимные интересы и определить статус всех иностранцев в Османской Турции. За исключением Германии, все западные державы отказались от любых переговоров по этому поводу. Балканские страны и Австро-Венгрия отмалчивались.

Тяжелое впечатление в Стамбуле произвело ставшее достоянием столичной прессы требование американского посланника прислать в Турцию эскадру военных кораблей США в связи с несоблюдением турками режима капитуляций. Окончательная отмена капитуляций растянулась на три года, вплоть до января 1917 г. Все эти годы Турция в этом вопросе оставалась в полной изоляции, несмотря на ряд обращений к Центральным державам и к соседним балканским странам.

Со второй половины октября 1914 г., когда стали известны донесения турецких послов из Лондона, Вены, Берлина и Петрограда о нежелании стран Антанты гарантировать османский интегритет и о нараставшем раздражении Германии и Австро-Венгрии в связи с “двусмысленной и явно несоюзнической позицией триумвирата” (так заявил Вагенгейм Джавид-бею в середине октября), умеренные силы в турецком правительстве быстро теряли свое влияние. “Ввиду захвата всей власти в Стамбуле немцами, — сообщал А.Н. Щеголов, — Энвер стал полным диктатором. Во главе правительственных учреждений поставлены немцы. Почта и телеграф — под немецкой цензурой. Фирманы на проход судов через Проливы визируются, несмотря на протесты. Грузы захватываются без расписок. Фактически капитуляции отменены. На иностранных пароходах, кроме русских, разобзаются радиотелеграфы”.

21 октября 1914 г. Энвер-паша был утвержден главнокомандующим и первым же распоряжением приказал В. Сушону готовить нападение на русский черноморский флот. Стратегические планы военно-морского ведомства Османской империи на случай войны с Рос-

сией строились на двух отпавных, весьма противоречивых, позициях. Они известны нам из уникального документа. Автор его — Рыза Шакир-бей, лейтенант флота Османской империи 1-го класса, офицер 8-го Русского отдела Морского Штаба Османской империи. “Записка на случай войны с Россией. 1914 г.” ныне хранится в Российском государственном архиве ВМФ.

Во-первых, предполагалось обеспечивать долговременную оборону Стамбула и Проливов созданием системы минных заграждений на подступах к Босфору, организовать систему баз ВМФ на всем черноморском побережье Турции от Босфора до Трабзона, сосредоточив там до 50—60 тыс. наиболее подготовленных войск. Планировалось возможно шире использовать подводные лодки для рейдов в Черном море на предельном отдалении от Стамбула и Проливов и обеспечивать оборонительный характер защиты Проливов за счет тесного взаимодействия флота и армии.

Во-вторых, и это была другая концепция, — исходить из прецедента внезапного нападения на Севастополь и Порт-Артур преимущественно силами флота и десанта. Следовало навязать русским подводную войну, ускоренно строить и закупать именно субмарины, миноносцы и эсминцы вместо легко уязвимых плавучих батарей — дредноутов. Вести против России морскую наступательную войну силами быстроходного надводного и новейшего подводного флотов. Тщательно изучить и претворить опыт войны Японии против России. Таков был план Али Риза-бея, фрегат-капитана, офицера 3-го Черноморского отдела Морского Штаба Османской империи. “Записка о наступательной стратегии в войне с Россией. 1914 г.”

В конце концов было принято компромиссное решение — план действий, согласованных между Энвер-пашой и В. Сушоном. Довооружить босфорские форты, под прикрытием флота организовать десант на Одессу или на один из пунктов России на Черноморском побережье Кавказа. При достижении союза с Румынией считать наи-

более перспективным соединенный румыно-турецкий десант через румынскую территорию на Одессу. Удачная операция по затоплению английской подводной лодки в Дарданеллах поощрила турецкое командование на разработку серии рейдов подводных лодок к берегам России. Лодки должны были быть получены из Болгарии и Румынии, в дополнение к двум новейшим, доставленным в октябре 1914 г. из Германии. Немецкие советники раскритиковали идею одесского десанта и предложили сосредоточить основные усилия на плотной обороне Проливов и на действиях на Кавказе. Однако Энвер-паша настоял на своем.

Турецкая эскадра, в составе которой были упомянутые германские тяжелые крейсера, 28 октября 1914 г. встретила в нейтральных водах к северу от Босфора отряд в составе русского минного заградителя и трех миноносцев. В ходе скоротечного огневого контакта один русский корабль был затоплен. Команда попала в плен, и турки узнали, что отряд шел ставить мины у входа в Босфор. Тогда же были "причинены некоторые повреждения одному из русских портов". Так описал нападение турецкого флота на русские корабли и обстрел Одесской гавани, Севастополя, Феодосии и Новороссийска 28—30 октября 1914 г. турецкий посол в Париже Рифаат-паша французскому МИДу. Посол сделал неловкую попытку придать пиратскому рейду без объявления войны некоторую благовидность. "Турецкое правительство, — заявил Рифаат-паша, — считает, что русский командир корабля ставил мины у Босфора без одобрения своего начальства, и готово пленных русских моряков возвратить".

Рифаат-паша был очень удивлен, что французский министр Делькассе выслушал его "совершенно рассеянно и любезно с ним простился, не дав никакого ответа".

В состав экипажей турецких кораблей, совершивших пиратский рейд в Черном море, как и на кораблях, обстрелявших английский миноносец вблизи Дарданелл, входили моряки германского флота. Совместная агрессия Османской империи и Германии против России и,

следовательно, ее союзников стала свершившимся фактом. “Война началась в 5.30 ночи 29 октября”, — телеграфировал А.Н. Щеглов. Фахретдин-бей в Петрограде попытался заручиться обещанием России не посылать свои корабли к турецким берегам в обмен на заверение, что османский флот вообще больше не появится в Черном море. С.Д. Сазонов в ультимативной форме потребовал заведомо невозможного — немедленного удаления всех немцев из армии и флота в качестве предварительного условия переговоров о компенсации за “вероломное нападение на наши берега и причиненный от этого ущерб”.

Послы Антанты поддержали требование России. Великий везир Саид Халим-паша, председатель меджлиса Халиль-бей, даже ряд высших офицеров на экстренном заседании военного кабинета и Комитета иттихадистов 1 ноября 1914 г. высказались за аннулирование союза с Германией и за удаление всех германских военных советников.

Поздно... Слишком поздно. Губернатор Стамбула Мехмед Талаат-паша после краткого обмена мнениями с членами триумвирата напомнил собравшимся о том, что город под прицелом орудий германских (под турецким флагом!) крейсеров. Вокруг особняка, где шло заседание, стояли караулы германских моряков. Джавид-бей “добил” колеблющихся: заем в 100 млн фр. золотом утвержден в Берлине; через Болгарию уже поступили первые 2 млн в пересчете на турецкие лиры золотом в счет займа. К тому же, заметил прижимистый и рачительный министр финансов, Турция начала подкармливать Германию, отправив в Берлин на 300 тыс. немецких марок муки и консервов местного турецкого производства. “Сейчас мы их накормим, — сказал он. — Не проглотят ли они нас целиком, когда съедят наши продукты. У нас самих — крохи”, — предупредил он.

Последний довод был, естественно, неотразим. Заседавшие заколебались. Энвер-паша перевел разговор из опасной сферы и предложил подготовить воззвания к армии, флоту, ко всем мусульманам империи с призы-

вом к джихаду — “священной войне” против неверных держав Антанты. Россия отдельно не упоминалась.

11 ноября 1914 г. султанскими ираде было объявлено о войне с Россией, Англией и Францией. Война с Антантой в целом была провозглашена в тот же день фетвами (воззваниями) шейх уль-ислама. 18—19 ноября Англия и Франция объявили войну Османской империи. Сербия и Бельгия в тот момент объявили лишь о разрыве дипломатических отношений с Османской Турцией. Выбор был сделан. Дрожащими руками испуганный старичок-султан принял национальную реликвию — боевой меч султана Османа, основателя империи. Да так и застыл на фотографии в неловкой позе, не зная, что делать.

— А нам действительно нужна война? — растерянно спрашивал султан у своего окружения.

— Аллах велик, — отвечали ему. — Мудрость Всемогущего безгранична...

Глава IV

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ГОРЯЩЕГО ДОМА

“Мы удержимся год-два, по милости Аллаха, но падение наше предопределено. Кисмет — судьба...”

*Джанбулат-бей
(Посланник в Стокгольме)*

Первые мобилизационные мероприятия турецкого правительства 2—5 сентября 1914 г. позволили набрать до конца года 23 призывных возраста, с 23-х до 45-ти лет. Это дало возможность укомплектовать армию примерно в 780 тыс. человек. Запас и ополчение, кроме того, достигали 1 млн человек. В Османской империи процент мобилизованных в 1914 г. не превышал 7,5%, что было самым низким показателем по сравнению с другими участниками войны. Например, в Германии процент мобилизованных составлял 19,7%, в России до 10,5%, а во Франции — до 20%.

Общий план военных действий прояснился в середине сентября 1914 г. и первоначально предусматривал два основных направления: египетское и кавказское. Оба они были продиктованы прежде всего собственными интересами Османской империи. На первом направлении надлежало форсировать Суэц и, вытеснив Англию из Египта, восстановить турецкое господство в Северной Африке. Кавказское (русское) оперативное направление было для Турции главным и решающим. Оно было принято в оперативную разработку еще летом 1914 г. Кроме противодействия России в Закавказье и на Черном море, что рассматривалось как защита жизненных интересов Турции, кавказское направление наступления турецких войск, по замыслам Энвер-паши, должно было содействовать поднятию “духа нации”. Предполагалось, что на помощь наступающим турец-

ким войскам поднимутся тюркские народы не только Кавказа, но и Поволжья и Средней Азии.

План не был таким уж бесшабашным и авантюристическим, как его оценивали некоторые исследователи. Энвер-паше, видимо, отнюдь не хотелось участвовать в настоятельно рекомендованной Лиманом фон Сандерсом масштабной, но мало реальной и технически слабо подготовленной десантной операции в Бессарабии или под Одессой.

На очевидное и крайне раздражавшее немецких советников нежелание Стамбула предпринимать *самостоятельные* [выделено мною. — В.Ш.] десантные операции против Одессы или иных портов российского Причерноморья Энвер-паша выдвигал вполне резонные аргументы. Во-первых, имелся почти двукратный перевес турецких сил над русскими на кавказском направлении при очень больших сомнениях в том, что до черноморских берегов России турецкий десант вообще доберется. Соответствующих десантных средств и необходимых для столь сложной операции сил прикрытия на море, по признанию Энвер-паши, поддержанного морским министром Джемаль-пашой, у Турции не было. Во-вторых, и здесь Энвер-паша еще раз показал себя более дальновидным политиком, чем военным: следовало бы подумать, говорил он, о балканском отзвуке такого десанта. Он соглашался рискнуть на десантную операцию при следующих условиях:

1. получив дополнительные суммы в счет военного займа из Германии;

2. укрепив с помощью военных специалистов из Германии босфорские форты и некоторые опорные пункты на границах с балканскими соседями;

3. и главное — при гарантии решительного поворота Румынии к турецко-румынскому боевому сотрудничеству и к организации объединенного турецко-румынского наступления на Одессу через румынскую территорию.

Никаких реальных гарантий в пользу румынско-турецкого военного сближения Берлин не дал и вряд ли

мог дать. Однако и позднее, в 1915 г., Энвер-паша обращал внимание германских советников на перспективность наступления австро-германских войск в направлении Бессарабии, чтобы покончить, как он выражался, с “навязчивым нейтралитетом Румынии” и, возможно, осуществить марш-бросок на русское Причерноморье, но — только в составе объединенных сил. В Стамбуле принимали в расчет также весьма грозные для Турции перспективы совместных действий Англии и России на Среднем Востоке, где помощь Германии и потенциальных союзников из числа балканских стран была и вовсе сомнительна.

В турецком Генштабе получили определенные сведения о перспективе русского наступления через Западную Армению на соединение с английскими войсками, которые должны были действовать в Месопотамии. Если на Балканах для Турции сколько-нибудь угрожающего военного положения в 1914 г. не складывалось, то там, в Малой Азии, могла образоваться в случае единых действий Англии и России непрерывная линия фронта от Черноморского побережья до Басры.

Впрочем, в Стамбуле хорошо понимали, что Проливы в любом случае будут в зоне повышенного внимания противника. Изложенные выше планы турецкого военно-морского командования в отношении баз русского флота на Черном море утверждены не были. Предполагалось, что русский флот не сможет эффективно действовать на всей акватории Черного моря, но надлежало все же обезопасить Стамбул и Босфор. Самые большие опасения Энвер-паши и сераскерата, т.е. военного министерства, вызывали русские минные заграждения у Босфора, на которых подорвался 26 декабря 1914 г. крейсер “Гёбен”. Однако предполагалось, что с помощью германских специалистов их можно будет обезвредить. Не исключалось, что при неблагоприятном развитии событий на балканском театре военных действий или в случае враждебных действий одной или нескольких балканских стран (уроки Балканских войск учитывались, а доверия к соседям в Стамбуле не было ника-

кого) эти минные поля могли бы сослужить заградительную службу. Самостоятельные, вне контакта с основными германскими морскими силами, действия турецкого флота на Черном море не планировались. Рейд "Гёбена", "Бреслау" и двух миноносцев против русской эскадры, ставившей мины к северу от Босфора, бомбардировка ими Севастополя, Феодосии и Новороссийска и постановка мин в Керченском проливе (все это 27—29 октября 1914 г.) были скорее символом германотурецкого военного сотрудничества на море, нежели самостоятельными боевыми операциями турецкой армии и флота.

Первая турецкая армия под командованием Л. фон Сандерса прикрывала столицу, Проливы и Северную Фракию. В тылу у нее разворачивалась Вторая Армия под командованием (первоначально) морского министра Ахмеда Джемаль-паши. Обе армии насчитывали 9 армейских корпусов, т.е. до 250—254 тыс. человек. Третья, наиболее многочисленная и хорошо оснащенная армия должна была сосредоточиться в историческом опорном пункте османских войск — Эрзеруме. В ней было до 180 тыс. человек под командованием опытного и храброго генерала Хасана Иззет-паши. Назначение командующим вооруженными силами на Кавказе Мехмеда Фазыл-паши Дагестани, неформального представителя мусульман Кавказа в Стамбуле, известного своим участием во многих антироссийских акциях среди коренного населения Северного Кавказа и Закавказья, должно было вдохновить на массовое восстание и кавказских горцев, и курдов. Во всяком случае, так полагал Энвер-паша, лично отправившийся на Кавказ (15—21 декабря 1914 г.) для общего руководства военными действиями в Восточной Анатолии.

В течение ноября 1914 г. турецкие войска успешно развивали наступление на Батумском направлении. Сказывались хорошая физическая подготовка солдат Третьей армии, их достаточно высокая воинская подготовка применительно к местным условиям. К тому же Третьей армии противостояли незначительные и ра-

зобщеные русские части, располагавшиеся в сравнительно удаленных друг от друга гарнизонах.

К началу декабря 1914 г. русские части оставили всю южную часть Батумской области. В Южной Аджарии складывался плацдарм для действий и на Кавказе, и в направлении русского Причерноморья.

Военные и дипломатические усилия младотурок были в это время сосредоточены не на европейском, а на азиатском направлении. Если источники не содержат упоминания о сколько-нибудь значительных военно-дипломатических акциях Порты на Балканах в конце 1914 г., то сообщения из Ирана (Персии) и Иранского Курдистана полны сообщений об активной политике Стамбула на Востоке.

Недоверие, которое питали в Стамбуле к перспективе военного сотрудничества с Болгарией и тем более с Румынией (о чем неоднократно упоминали в своих мемуарах Джемаль-паша и Талаат-паша), а также то подчиненное положение среди участников Центрального договора, которое изначально было отведено Берлином и Веней турецкому союзнику, заставляли иттихадистов искать военно-политические решения, если и в контексте общей линии союза с Германией и Австро-Венгрией, то с вполне самостоятельными акцентами. Среди них, помимо кавказского оперативного направления, были еще два политических направления.

Во-первых, создание в Северо-Западном Иране мощного и постоянного очага антирусских выступлений курдских вождей. Во-вторых, вовлечение Ирана в военный договор с Османской империей. Естественно, что, если бы Иран попадал в блок Центральных держав, то союзником он стал бы (как надеялись младотурки) в первую очередь для Стамбула, а затем уже был бы союзником Берлина и Вены. С октября 1914 г. начались, а в ноябре—декабре 1914 г. были интенсифицированы переговоры в Стамбуле о военном союзе с Ираном. Помимо обещаний со стороны Энвер-паши и великого везира Халим-паши сформировать с помощью германского оружия и турецких офицеров 100-ты-

сячную современную армию Ирана, упоминались немаловажные для нашей темы обстоятельства.

Энвер-паша не раз говорил, что война заставит пересмотреть многие границы на Западе и на Востоке, и для Турции важно не упустить своего часа. Поэтому Ирану предлагалось в счет “дружбы и военного союза” уступить в пользу Турции спорную часть Урмийского округа, договориться совместно “умиротворять курдов”, живших по обе стороны турецко-иранской границы, а в будущем, при заключении мира (естественно, победоносного для Центральных держав), иметь “свой голос”, т.е., надо понимать, в пользу Турции, при восстановлении “османских пределов” в Европейской Турции. Пока же — в 1914 г. Иран должен был добиться вывода со своей территории русских войск, находившихся там по согласованию с Тегераном. Дипломаты Стамбула недвусмысленно заявляли Тегерану, что в противном случае его участие в послевоенном переустройстве мира вряд ли состоится, а сейчас “уважение иранского нейтралитета” будет для Турции невозможно.

Триумвирату младотурок нельзя отказать в умении масштабно мыслить. Примечательно и то, что нестабильность в отношениях с европейскими партнерами по военному блоку и очевидная неуверенность относительно места и роли своей страны в будущем европейском мире иттихадисты пытались скорректировать определенным противовесом союза на Среднем Востоке. Однако реального развития ни один из этих планов не получил. Союз с Ираном не состоялся. Тегеран не выступил против России. Курдское движение развивалось по внутренней логике, а не по турецкому сценарию. Восточно-анатолийского противовеса балканскому грузу Стамбул создать не смог.

Более того. Со второй половины декабря 1914 г. русские войска начали постепенно вытеснять турок из Южной Аджарии. В качестве решительной меры 19 декабря 1914 г. — 10 января 1915 г. по инициативе и под командованием Энвер-паши осуществлялось наступление в направлении Сарыкамыш, Карса и Александропо-

поля с конечной целью занять Батум и разгромить русскую Кавказскую армию. Сарыкамышская операция кончилась полным разгромом Третьей армии. По оценке Лимана фон Сандерса, ее потери достигли 78 тыс. человек из 90 тыс. участников боев, а к весне потери только от болезней превысили еще 17 тыс. человек. Одна из самых боеспособных армий практически перестала существовать. Когда позднее, в конце 1915—1916 гг. потребовалась помощь болгарскому союзнику, в Софии в первую очередь вспомнили об ударных частях Третьей армии, но к тому времени ее практически не существовало. Сарыкамышская катастрофа отозвалась и на европейском участке боев — Дарданелльском.

Идея мощной демонстрации военно-морского могущества Антанты в Проливах принадлежала Первому лорду Адмиралтейства Великобритании У. Черчиллю. Босфор был в зоне военных действий русского Черноморского флота, и всесторонне просматривались политические и военные аспекты русской экспедиции на Босфор. Черчилль предложил морской десант в Дарданеллы, что должно было либо парализовать, либо приостановить турецкое наступление на Суэце. Не исключалось, что антимадотурецкие силы воспользуются ситуацией и свергнут триумvirат. Просматривалась перспектива соединения сил Антанты на берегах Проливов и поход через Месопотамию и Кавказ. Лишенная жизненных артерий Османская империя вышла бы из игры, Болгария неизбежно была бы вовлечена в “Сердечное согласие”, ослабло бы давление Центральных держав на Сербию и Черногорию.

Принципиальное в самой общей форме решение Высшего военного совета Великобритании об операции в Проливах было принято в начале января 1915 г., когда европейскую прессу еще наводняли сообщения турецких и германских корреспондентов о турецких победах над русскими войсками на Кавказе.

Сарыкамышский разгром Третьей турецкой армии создал благоприятный для союзников стран Антанты

военно-политический фон для боевых действий в зоне Проливов. 25 февраля 1915 г. Дарданеллы были подвергнуты мощной бомбардировке англо-французской эскадрой. Существенного значения она не имела, поскольку турецкое командование получило через агентуру сведения о предстоящей операции. Пятая армия (до 60 тыс. чел.) под командованием Лимана фон Сандерса, в состав которой были включены наиболее боеспособные части Первой и Второй (Фракийской) армий, была сосредоточена на обороне Дарданелл. Предпринималась попытка перебросить в Западную Анатолию часть войск Третьей армии, но они оказались настолько измотаны боями на Кавказе и деморализованы, что Энвер-паша отказался от своего первоначального плана нанести в Дарданеллах сокрушительное поражение Антанте. Техническая обеспеченность войск на Галлиполийском полуострове, а главное — воинский дух в войсках, единодушно отмечали турецкие авторы, были как нигде высоки. Однако все это позволило вести только оборонительные бои.

Первая попытка англичан прорваться с боем в Дарданеллы 18 марта 1915 г. была отбита точным огнем турецких береговых батарей. Только к исходу апреля 1915 г. ценой больших потерь англичане захватили плацдарм на европейском, а французы — на азиатском берегу Дарданелл. Тяжелые позиционные бои развернулись с июня и продолжались до конца декабря 1915 г. Создание “болгарского коридора”, по которому были доставлены из Германии и Австро-Венгрии новая военная техника, боеприпасы, а главное, постепенное, но неуклонное накопление турецкой стороной сил для решающих действий против англо-французского десанта решили судьбу операции. В ночь на 9 января 1915 г. союзники покинули турецкие берега. Потери турецкой армии по официальным данным составили 101 тыс. только убитыми, общие потери превысили четверть миллиона из 300-тысячной армейской группы в зоне Проливов.

Это была одна из самых кровопролитных боевых операций в новой истории Османской империи. Значение ее невелико для истории первой мировой войны, но она занимает важное место в национальной истории Турции. Здесь формировался костяк будущей национальной армии республиканской Турции. В боях под местечком Анафарты стойко оборонялся XVI армейский корпус под командованием полковника Мустафы Кемаль-бея, ставшего лидером турецкой революции под именем Ататюрка.

Отличительными особенностями военных действий на Кавказском фронте были отсутствие непрерывной линии фронта как следствие англо-русских тактических разногласий, а не турецких побед, и длительные промежутки полного или частичного затишья, перемежавшегося несколькими столкновениями крупных сил с обеих сторон. Опосредованно, через дипломатию они, естественно, оказывали влияние на положение дел (расстановку сил, сроки боевых операций и т.д.) на европейском театре военных действий, но весьма относительно. Прежде чем рассмотреть наиболее значимые операции в Европе, сделаем несколько общих замечаний.

Уже с осени 1914 года стремительно нарастал развал Османской империи. Он происходил именно изнутри, а не под ударами внешнего противника, и проявлялся в значительной обособленности, скорее — разобщенности действий отдельных армий и армейских группировок. Как правило, каждая из них руководствовалась не столько общими указаниями Стамбула, сколько конкретной ситуацией. Исключительно велика была роль личности командующего, степень его подготовленности, популярность в войсках и среди местного турецкого (и нетурецкого) населения, амбициозность и личные связи с политическими и военными деятелями на Западе. В этой обстановке сформировался будущий национальный лидер Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк); вокруг него сложилось ядро сподвижников по национально-буржуазной революции: Мустафа Исмет-паша (Инёню), Каваклы Мустафа Февзи-паша (Чак-

мак), Кязым-паша (Карабекир) и другие. Большинство из них прошло сражения в Европе в зоне Проливов.

Современники — военные наблюдатели отмечали, что среди турецкого офицерства отправка на фронты в Европу: Галицию, Добруджу, Валахию, Македонию — вызвала крайнее недовольство. Иное дело — действия в пределах Проливов, Европейской Турции, которые воспринимались как османские земли, отчужденные. Эти чувства владели душами мобилизуемых турецких крестьян и жителей Западной Анатолии. Они первыми, благодаря близости к столице, попали под знамена младотурок. Энвер-паша и его германские советники как будто задались целью поставить под ружье всю Турцию. По мере того, как в мировую войну втягивались балканские страны, в Турции призывались все новые контингенты из все более отдаленных районов и увеличивался возрастной ценз призывников (в феврале 1916 г. — до 50 лет).

Во многом это определялось балканским союзом, или, точнее, аморфным военным союзом абсолютно непримиримых партнеров. Дело в том, что в течение 1914—1915 гг. Болгария сохраняла нейтралитет. Галлиполийское сражение и победа турок задержали выступление Болгарии, и болгаро-турецкий участок границы прикрывался незначительными турецкими силами, поскольку Стамбул, несмотря на обычную напряженность в отношении позиции Софии, доверился разведывательной информации (осень 1914 г.) о том, что Болгария по крайней мере в течение года не выступит против Турции. Это обстоятельство учитывалось сераскератом (военным министерством), принявшим решения об активных наступательных действиях против России на Кавказе, Франции и Англии — на Суэце и в Дарданеллах в конце 1914—1915 гг.

14 октября 1915 г. Болгария вошла в состав государств Центрального договора. 15 октября началась болгаро-сербская война. Через четыре дня вся Антанта оказалась в состоянии войны с Болгарией. Турция получила своеобразный “болгарский коридор” для прямых

связей с германским союзником. Впрочем, это обстоятельство — обретение воюющего союзника и болгаро-сербская война — в большей степени настораживало, чем воодушевляло турецкое командование. В приграничные с Болгарией районы были выдвинуты снятые с других фронтов подразделения регулярной армии и подтянуты отряды курдской конницы.

“Болгарский коридор” превратил, наконец, в реальность многомесячные обещания Берлина направить в Стамбул по крайней мере 30 млн фр. золотом из 100 млн фр. военного займа. Кроме того, через Болгарию были доставлены в Турцию и укрепили силы береговой обороны две германские подводные лодки. Это было весьма существенно для Порты, так как при равенстве дивизионов крейсеров России и Турции по огневой мощи Россия обладала преимуществом в семь миноносцев. В обратную сторону — в Германию через болгарский коридор шли поставки продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Оппозиционные турецкие издания поместили карикатуру: упитанный немец в форме отнимает у тощего оборванного кёйлю-крестьянина кусок лепешки и говорит: как не стыдно объедать союзника.

Болгарский союзник мог, по мнению младотурецкого триумvirата, сыграть весьма важную для Стамбула роль при послевоенных (или даже до окончания войны) переделах карты Юго-Восточной Европы.

В Софию неоднократно наведывался личный представитель Энвер-паши, офицер из его ближайшего окружения Фетхи-бей. “Болгар и турок сближает нескрываемое чувство мести к своим балканским соседям, — сообщал русский военный наблюдатель из Стамбула. — Турция договаривается заполучить свою [так в тексте шифровки — *В.Ш.*] Фракию. Болгария хочет получить от Греции Македонию, а так же Драмму, Серрес и Кавалу”.

Непосредственное военное сотрудничество Софии и Стамбула было незначительным. По русским агентурным данным, когда к октябрю 1915 г. на Босфоре

сложилась опасная для турок ситуация — оголились из-за переброски войск в Дарданеллы несколько участков береговой обороны, — в Стамбул прибыли два болгарских батальона. Под командованием немецких офицеров они заняли боевые позиции на Босфоре. В очередном донесении из Стамбуле говорилось: “Болгары подавлены такой честью, боятся шевельнуться, подумывают о сдаче в плен”.

В помощь болгарскому союзнику сераскерат в середине октября 1915 г. направил в Демотику три дивизии из Смирны и еще до 70 тыс. из числа запасных второй категории, т.е. в возрасте 40—50 лет. Эти части, наоборот, “были воодушевлены и горделиво повторяли — еще восстанет империя Османа”.

После выхода из состава участников Тройственного Союза и вступления в Антанту Италии, объявившей 21 августа 1915 г. войну Турции, Стамбул начал срочно рассматривать новую стратегическую задачу — оборону не только Фракии и Проливов, но всего турецкого средиземноморского побережья. Болгаро-сербская война подстегнула принятие двух взаимосвязанных решений. Вновь образованная Пятая турецкая армия выдвинулась, да так и осталась до конца войны прикрывать участок болгаро-турецкой границы от устья р. Марицы до г. Ананьи (Алайе). В ней числилось около 60 тыс. человек, переведенных преимущественно из состава потрепанных на Кавказе и в Месопотамии войск (из двухмиллионного списочного состава Действующей армии Османской Турции на конец 1915 г.).

Второе решение было связано с намерением правительства максимально вовлечь в Действующую армию переселенцев из районов Европейской Турции, близких к зоне боевых действий, а так же босняков, болгар-мусульман и выходцев из Добруджи, Македонии, в первую очередь мусульман. Их набирали в армию под предлогом “священной войны” за возрождение османского могущества и возвращение утраченных территорий. Отдельные полки и даже целая дивизия были сформированы из мусульман, сражавшихся в армиях

Антанты и попавших в плен к союзным Стамбулу державам. Впрочем, выходцы из бывших европейских владений Порты неохотно шли в армию. Исламские призывы на них явно не действовали, отблески османской славы отнюдь не согревали, и они, по крайней мере многие, предпочитали уйти подальше от театра военных действий — через всю Малую Азию, на восток и юго-восток Анатолии. Поток турецких и вообще мусульманских переселенцев из районов военных действий на европейском театре сталкивался со встречным потоком беженцев.

После взятия русскими войсками Вана (май 1915 г.) младотурецкое руководство приняло закон о депортации населения из районов, которые могли оказаться в зоне боевых действий. Закон был нацелен прежде всего против армян (см. ниже)*. Закон этот тяжело отозвался и на положении местного турецкого населения, обострил национальные и социальные конфликты. Переселенцы же из Европы оказались и жертвами, и палачами одновременно. Они потеряли все на родине, в Европейской Турции. Здесь, в Анатолии, они пополняли ряды насильников и гонителей армян; лишь отчасти они шли в армию, отнюдь не прибавляя стойкости имевшимся формированиям. Геноцид армян и террор ужаснули мир и подорвали и без того крайне непрочные позиции младотурок.

Присоединение к Антанте Греции и объявление войны младотурецкому режиму в июле—августе 1917 г. повлекло за собой распространение закона о депортациях на греческое население Малой Азии, несмотря на то, что Греция фактически воздерживалась от активных боевых действий против Турции. Террор и насилие ширились, как пламя пожара в деревянном доме. В домах греков рассеялись беженцы из балканской Турции, греки бежали, погибали, затаивались... Мира и согласия та-

* Специальное секретное решение младотурецкого Комитета о депортации армян и фактически об их уничтожении в пути было принято Портой и Комитетом "Единение и Прогресс" 15 апреля 1915 г., т.е. до падения Вана.

кая тактика стамбульского руководства не принесла ни для азиатского, ни для территориально быстро уменьшавшегося европейского региона империи.

Стены "дома Османа" начали гореть тогда, когда младотурецкое руководство приняло самоубийственное решение вступить в войну. Каждый новый военно-политический акт этой трагедии подвигал народы империи к новым лишениям, страну — к развалу.

Лидеры младотурок, люди отнюдь не лишённые здравого смысла (по крайней мере, часть Комитета) понимали, что надо искать выход из назревающей катастрофы. Однако делалось это крайне непоследовательно, часто — неуклюже.

* * *

Дарданелльская (Галлиполийская) экспедиция англо-французских войск, их бесславная эвакуация стимулировали среди прочих два обстоятельства, имевшие непосредственное значение для предмета нашего изложения. Во-первых, в Стамбуле окрепла уверенность в возможности нанести Антанте поражение или чувствительный удар путем укрепления балканского фронта в первую очередь за счет турецко-болгарского сближения и угрозы Греции и Румынии. Это обстоятельство отмечал, опираясь на донесения от балканских информаторов, еще руководитель российского МИД С.Д. Сазонов в своих "Воспоминаниях" (Париж. 1927).

Во-вторых, Проливы, формально будучи в зоне боевых действий лишь с апреля 1915 г., оказались в эпицентре дипломатического внимания Центральных держав и Антанты еще с ноября 1914 г. Турция и Германия после разрыва Порты с Россией продолжали совершенствовать и возводить укрепления в зоне Проливов, начатые еще в период Балканских войн. Укреплялись старые и возводились под руководством германских специалистов новые форты и батарейные позиции, причем на всем протяжении зоны — от входа в Босфор до вы-

хода из Дарданелльского пролива. Поэтому нельзя сказать, что укреплялась преимущественно южная дарданелльская часть Проливов. По данным турецких авторов, основного удара, как считали тогда в Стамбуле, следовало ожидать со стороны Черного моря, через Босфор, со стороны России. Однако удар был нанесен со стороны Дарданелл и был отбит.

Младотурецкое правительство получило в османском обществе и за рубежом определенный кредит доверия после Галлиполийского сражения. Отто Лимана фон Сандерса, командовавшего турецкими силами в Галлиполи, отныне величали не иначе как “Гинденбург Востока”, а ветхий султан Мехмед Решад V, имевший весьма смутные представления о событиях за глухими стенами сераля, получил почетный титул великих султанов прошлого — “Гази” (“Победоносный”). “Отчего ужасно возгордился и дважды (!) проехался верхом по улицам Стамбула и сетовал, что народ не падает на колени”, — лукаво донес “наблюдатель”.

Однако за огромными потерями в четверть миллиона человек на Галлиполи последовали не приносящие реальных результатов, но крайне изнурительные для турецких войск операции в Иранском Азербайджане, на Кавказе, в Египте и в Месопотамии. К 1916 г., помимо потерь еще почти в полмиллиона боеспособных обученных солдат из первых военных призывов, все это означало крайне болезненный для младотурецкого руководства провал “священной войны” — джихада против стран Антанты. Турецкие войска не получали нигде сколько-нибудь значительной поддержки местного мусульманского населения, приток новобранцев из Европейской Турции уже иссяк.

Между тем германские советники настаивали на активизации военных действий, причем особенно настойчиво на балканском направлении, вблизи столицы и Проливов, едва избежавших англо-французской оккупации. Фракийская турецкая армия продолжала выполнять роль своеобразного заслона и от Болгарии, “совершенно ненадежного и скорее опасного, чем по-

лезного”, по словам Энвер-паши, союзника, и от Греции, ждавшей своего часа, а, кроме того, от фантома нового антантовского десанта на Стамбул. Наконец, фракцийские части считались последней надеждой триумvirата в крайне сложной внутривластической борьбе, развернувшейся в Османской Турции в послегаллиполийский период.

“В народе нарастало чувство безнадежности и озлобленности”, — констатировал в своих записках Талаат-паша. И сторонники, и противники триумvirата сосредоточили свои усилия на поисках выхода из затяжной войны на четырех фронтах, не считая внутренних боев с собственными подданными.

Деликатный вопрос о турецких поисках мира в 1915—1916 гг. может быть всесторонне освещен лишь после того, как откроются национальные архивы Турции. Однако сейчас можно с достоверностью утверждать, что из стран Центрального договора именно Османская империя первой начала зондаж в отношении выхода из войны. Форма этого выхода — секретное перемирие с одним или несколькими участниками Антанты, сепаратный мир либо иной способ решения проблемы представлялись Стамбулу делом техники. Главным было — выбрать среди стран Антанты партнера для первых контактов и овладеть инициативой в ключевых для Антанты вопросах. Таковыми, как писал турецкий историк И. Сиври (1981), были Проливы и армянский вопрос, шире — судьба обширной территории в восточной части Малой Азии и рассеянного по всей империи от зоны Проливов до Кавказского хребта армянского населения.

Взаимосвязь этих проблем в политических комбинациях триумvirата и его противников, равно как и первый случай геноцида в международной политике новейшего времени заставляет нас коснуться этой проблемы, в целом выходящей за рамки проблематики нашего исследования. Впрочем, так ли далеко, если трагическую участь 1,5 млн западных армян могли разделить, а отчасти и разделили более 600 тыс. греков Черноморского

побережья и берегов Проливов. Триумвират не знал пощады и к единоверцам — более миллиона мусульман из Восточной Анатолии было, как говорилось выше, депортировано в те же кровавые 1915—1916 гг., среди них масса переселенцев из Европейской Турции.

Война дала основание турецкому правительству считать расторгнутыми соглашения с Россией от 26 января 1914 г. о реформах в Турецкой Армении, но проблема оставалась и приобрела новые аспекты. Царь Николай II в ноябре 1914 г. во время поездки в Закавказье громогласно объявил в Тифлисе о намерении предоставить всему краю “после победы над общим врагом” либеральные реформы и автономию по типу Финляндии и Польши. В 1915 г. наместником на Кавказе стал великий князь Николай Николаевич Романов, умница и труженик, хороший организатор и тонкий политик, поощрявший создание местных добровольческих дружин самообороны. Особенно активно и слаженно формировались дружины в “русской” Армении, среди них немало было эмигрантов из Турции. Турецкие и немецкие эмиссары по-существу не нашли поддержки среди азербайджанского мусульманского и грузинского населения, тогда как в дружинах русского великого князя недостатка в добровольцах не было.

Необходимость привлечь население Закавказья и Восточной Анатолии на свою сторону заставила младотурок выдвинуть некоторые предложения по национально-территориальному урегулированию в этом районе. Они могли рассматриваться в общем контексте мирных поисков иттихадистов.

В конце 1914 — начале 1915 гг. в Стамбуле между германским посольством и младотурецким Комитетом дискутировался вопрос о создании на Кавказе трех государственных образований:

- грузинский конституционной монархии;
- армяно-татарского Кантона;
- федерации горских народов.

В переговорах принимали активное участие Комитет независимости из числа грузин, в разное время эми-

грировавших из России, а так же из представителей османских подданных грузин-мусульман Лазистана (Восточная Анатолия). С помощью немецкого командования и на средства Германии в составе турецкой армии был создан "грузинский легион" для борьбы за отделение Кавказа от России. Ни по численности, ни по уровню поддержки среди местного населения Закавказья "легион" (всего 400—500 человек) не мог сравниться с национальными формированиями в составе русского Кавказского корпуса. Легион раздирали противоречия, он был малобоеспособен и уже вскоре после своего создания представлял скорее угрозу турецким тылам, чем поддержку. Большая его часть была перебросена в Европейскую Турцию.

Однако порожденные войной идеи государственного возрождения в Восточной Анатолии и в Закавказье под общим турецким суверенитетом остались и, как увидим позднее, сыграли негативную роль. Пока же было ясно, что турки выпустили на волю джина.

Еще большую опасность Энвер-паша, Талаат-паша и их окружение видели в армянском населении Восточной Анатолии, что документально зафиксировано в материалах судебного процесса по делу Талаат-паши в послевоенном Берлине. (Протоколы опубликованы в Берлине в 1921 г.)

Мало кому сейчас известно, что армянские части в составе турецко-германских войск показали высокие боевые качества в сражениях на Галлиполийском полуострове при разгроме дарданелльского десанта Антанты, а также в Месопотамии, сражаясь против войск Антанты. Они выполняли решение своей партии Дашнакцутюн, гласившее: "каждый армянин обязан выполнить свой долг османского подданного; следовательно, мы [армяне — *В.Ш.*] имеем право на то, чтобы турецкое правительство признало наше прямодушие и искренность. Мы готовы защитить целостность Османской империи и нашу родину"*.

* Цит. по книге современного армянского историка Мэри Кочар (1988).

Руководство Дашнакцутюн уведомило в начале войны лично Талаат-пашу как министра внутренних дел и члена триумvirата об изложенной выше позиции партии и заверило Талаат-пашу в своей лояльности к властям. Речь шла, однако, об армянах в Западной Армении, находившейся под турецкой властью. Население в восточной части Армении оставалось законопослушным русским властям, но, что вполне естественно, питало надежду на полное освобождение своей родины.

В младотурецком Комитете обращали внимание не столько на лояльное поведение мобилизованных в армию армян (их высокая боеспособность на Галлиполи скорее напугала Энвера и Талаата), сколько на недвусмысленное заявление армянской газеты "Азатамарт", издававшейся в Стамбуле в качестве печатного органа партии Дашнакцутюн: "Мы против захвата чужеземцами населенных армянами областей. Армянский народ — не предмет купли и продажи и не объект корыстолюбивых интересов для чужого государства. Армянский солдат должен воевать на всех фронтах, которые враг попытается перейти". Армяне готовы были защищать земли, уже предназначенные младотурками к большому размену. Однако во имя спасения Османской империи и сохранения за собой Проливов, Европейской Турции, Малой Азии и по крайней мере части арабских земель, триумvirат, по признанию Энвер-пашы, был готов осуществить кайзеровскую идею — "оставить Армению без армян".

Через два дня после начала высадки галлиполийского десанта, т.е. 15 апреля 1915 г. Энвер-паша и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии секретный приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша, надлежало "покончить со всеми армянами и всячески стараться уничтожить само название "Армения" в Турции".

Гибель целого народа в Западной Армении не изменила ни военного, ни политического хода событий. Од-

нако дьявольский план триумvirата, по которому местное мусульманское население от Трабзона до Мосула было обязано помогать властям следить за пещими колоннами женщин, стариков и детей (мужчин-армян отделили и депортировали либо ликвидировали), все же осуществился. В тех местностях, по которым прошли и где погибли эти 1,5 млн несчастных, пожалуй, не было турецкой или курдской семьи, где не появилось бы колечко или платок, или другая вещица обреченных на голодную смерть людей, а то и рабыня или раб-ребенок из числа депортируемых армян. Триумvirат сделал сообщников преступления из своих подданных, не пожелавших добровольно подняться на джихад. Теперь появление войск любого члена Антанты в Восточной Анатолии от Эрзерума до Киликии должно было рассматриваться местным населением как месть со стороны христиан всем мусульманам. Соответствующую реакцию можно предполагать.

Вероятно, первыми подобный вариант развития событий оценили германские советники в Стамбуле. Германия заняла позицию умолчания, считая массовые убийства мирного и в целом лояльного населения сугубо внутренним делом союзного государства. На цинизм Берлина и фактическую беспомощность Антанты перед лицом этого массового террора обратил внимание всей Европы еще сэр Арнольд Тойнби (1916 г.). Он же предупреждал о возможности рецидива геноцида в оттошении населения Европейской Турции.

Расселение оставшихся в живых армян в областях Месопотамии, населенных арабами и являвшихся объектом английского продвижения, должно было дополнительно осложнить ситуацию для Антанты. По замыслам Стамбула, утратив надежду на помощь России и оказавшись среди арабов, враждебных и армянам, и самим туркам, новые поселенцы сыграли бы роль живого щита либо послужили бы яблоком раздора среди членов Антанты. *Эта был воистину дьявольский план и Бог покарал его инициаторов. Однако отдельные части плана реализовались. Угли тлеют.*

Деморализованное террором христианское население Турции затихло. Мусульманское — давало по 90 тыс. новобранцев на каждый набор и было обескровлено. Сепаратный мир с одним из членов Антанты дал бы возможность триумvirату решить в свою пользу и проблему Проливов, притом исключить возврат к вопросу о реформах в Турецкой Армении или в любой другой части империи.

Поиски мира осуществлялись независимо друг от друга двумя соперничавшими группировками. Одна из них, проэнверовская, официальная и правительственная действовала по европейским каналам — в расчете прежде всего на Париж и Лондон.

Оппозиционная, антимладотурецкая группировка представляла интересы компрадорской и той части национальной турецкой буржуазии, которая была связана деловыми узами не только с Англией и Францией, но и с Россией. Большинство в этой группировке составляли те, кого русские дипломатические документы называли “старотурки”. Они объединились в запрещенную, но тайно действующую в Турции и в Европе партию “Хюрриет ве итиляф” (“Свобода и гражданское согласие”). Негласную поддержку этой группировке оказывали “на всякий случай” Талаат-паша (за спиной Энвера) и председатель парламента Халиль-бей, отвечавший за издание влиятельного младотурецкого органа печати “Танин”. Проливы и территориальные размены с балканскими соседями были общим местом у обеих группировок в их соперничестве за переговоры с Антантой.

Однако были и разночтения, на которых кратко остановимся, чтобы полнее охарактеризовать внешнеполитическую деятельность Турции как члена Центрального договора.

Активные поиски сепаратного мира велись как на правительственном уровне, так и по неформальным каналам оппозиции, но влияние на позиции европейских кабинетов со стороны “Хюрриет ве итиляф” оказалось

значительным. Дело, видимо, в решительности оппозиционеров и в том, что Антанта весьма рассчитывала на скорое свержение энверовского режима. Итак, какие же шаги предпринимали эмиссары правительства?

По сообщениям посла Австро-Венгрии в Стамбуле Паллавичини, в начале марта 1915 г. в турецкой столице в окружении Энвер-паши пришли к выводу, что "война достигла своей высшей точки, так как на очереди стоит Восточный вопрос". Энвер-паша затребовал мнения членов правительства, по традиции еще называвшегося Портой. Великий везир Санд Халим-паша видел выход в оккупации Сербии и в серьезном военном и дипломатическом давлении на Румынию. Тем самым, как считал великий везир, и Болгария, и Греция оказались бы "под угрозой удара". Во всяком случае — и это для великого везира было главным — можно было помешать малым балканским государствам вмешаться в решение Восточного вопроса. Нейтрализовав соседей в Юго-Восточной Европе, в отношении которых после Балканских войн он питал неискоренимый страх, великий везир считал, что можно было приступить к мирному зондажу среди стран Антанты. Реакция Энвер-паши на эти идеи неизвестна. Он старательно уходил в тень при документальной выработке курса на сепаратные соглашения, но постоянно требовал предусмотреть меры (и в этом были с ним вполне согласны Талаат-паша и Джемаль-паша) по нейтрализации военно-морского флота Греции.

Особое опасение триумвирата вызывала перспектива выступления Греции на стороне Антанты в начале 1915 г. В связи с этим Халиль-бей как председатель парламента в конце февраля 1915 г. посетил Болгарию, чтобы не допустить даже в перспективе совместного болгаро-греческого демарша против Турции. Вознаграждением для Софии должен был служить о. Родосто и "какая-то часть Восточной Фракии". Вслед за Софией Халиль-бей посетил Берлин и Вену, где заручился заверением своих союзников в том, что они удержат Болгарию от выступления вместе с Грецией. В этих поездках

вопросы сепаратного мира, насколько можно проследить по документам и по турецкой литературе, открыто не ставились. Однако тщательно изучались положение на фронтах в Западной Европе и персоналии — дипломаты и офицеры в русских и французских миссиях в нейтральных странах.

Баланс сил в правительстве был сложным. Военный министр Энвер-паша, реальный глава триумvirата, был откровенным германофилом. Министр флота Талаат-паша был более склонен к умеренности. Он не доверял Энвер-паше, тщательно следил за ним и был негласным свидетелем нескольких заговоров против него. В то же время Талаат-паша был тесно связан со “старотурками”. Будучи членом правительства, Талаат-паша тайно был близок к взглядам оппозиции.

Джемаль-паша по-прежнему придерживался узкой профранцузской ориентации, но реальных выходов на Париж в это время не имел.

Наиболее приемлемой фигурой в глазах Европы оказался министр финансов Джавид-бей, державшийся независимо благодаря многочисленным связям с банкирами Запада. К нему стекалась информация по каналам наиболее закрытым — финансовым. Не позже начала марта 1915 г. именно Джавид-бей через нейтральных финансистов из Европы, с которыми он и после начала войны поддерживал контакты вне зависимости от того, к какой из противоборствовавших групп великих держав они формально принадлежали, добился приглашения от имени Т. Делькассе встретиться с представителями французских кругов, заинтересованных в мире.

Встреча состоялась в середине марта 1915 г. в Женеве и Лозанне. В ней приняли участие, однако, не представители французского МИД, как ожидал Джавид-бей, а председатель сената Франции, два сенатора и главный редактор “Le Petit Parisien”. “Парламентский уровень” встречи с Джавид-беем поддержал член военной и морской миссий палаты депутатов Франции Ж. Буссно. Встречи проходили в два тура, в марте и в мае 1915 г. На второй тур был приглашен также начальник отдела

Военного министерства Османской империи Ферид-паша*.

Итоги контактов, обставленных с подобающей сепаратным переговорам деликатной таинственностью, были для Стамбула откровенно разочаровывающими. Джавид-бей надеялся и просил о встрече с ответственным сотрудником МИД Франции, а на встречу пришли всего лишь люди, заявившие о себе как о противниках “шовинистического курса Делькассе” и представителях “благоразумных кругов Франции”.

Во-вторых, Джавид-бея интересовала широкая постановка вопроса — заключение не перемирия, а мира между Антантой и Центральным договором при посредничестве Стамбула и с учетом всех его интересов, включая послевоенное устройство Юго-Восточной Европы. Французских парламентариев занимала сугубо узкая проблема — внушить турецкому министру финансов, человеку, известному на Западе своей дальновидностью и осторожностью, что Франция может не пережить второй военной зимы 1915/1916 г. и тогда “навверняка развалится”. Турция в таком случае утратит надежного и веками проверенного торгового партнера и друга, останется без поддержки в этом “новом ужасном мире Центральной Европы, где будут править жестокие и расчетливые пруссаки”. От Стамбула требовалось “немножко мира и чуть-чуть приоткрыть Проливы”, чтобы к середине апреля 1915 г. начать транзит русского хлеба из Одессы в Южную Францию.

Собеседники обращали внимание Джавид-бея между прочим и на тот факт, что Банковский дом Перье, которому французское правительство доверило операции с русским хлебом, имел немалые интересы в самой Турции, поддерживался правительством Франции и пользовался его полным доверием.

* С.Д. Сазонов знал в общих чертах об этих вопросах, но тщетно пытался узнать состав участников. (См.: С.Д. Сазонов — А.П. Извольскому 8(21) мая 1915. // Сб. документов Константинополь и Проливы. М., 1925. Т. II. С. 316.) Русский посол в Париже не только не знал этого, но и саму встречу считал выдумкой. (Там же. С. 316.) Военная разведка в Париже тоже “прохлопала” эту встречу, как и поездку финансиста в целом.

Джавид-бей попытался вернуть беседу в общее русло мира в Европе при посредничестве Стамбула, обсуждения вопроса о займе во Франции и главное — о признании Парижем отмены капитуляций. Тщетно. Его собеседники всего лишь пили чай и зондировали позицию Стамбула.

Однако и эта малозначившая беседа, этот полуофициальный контакт позволили Джавид-бею оказать давление на Берлин, где, конечно, скоро узнали о его встречах в Швейцарии, и добиться дополнительных германских субсидий для продолжения военных действий. Один из путей к миру привел лишь к “смазыванию” немецкой финансовой смазкой турецкого военного механизма.

Другим важным центром европейской дипломатии, на который уповали младотурки, был Стокгольм. Здесь в мае 1915 г. встретились два давних знакомых. А.Н. Щеглов, переведенный с должности военно-морского атташе в Стамбуле сначала в Бухарест, а затем на аналогичную должность в шведской столице, и новый посол Турции в Стокгольме Джанбулат-бей, бывший министр внутренних дел в бытность Щеглова в Стамбуле в 1909—1914 гг.

Старым знакомцам было что вспомнить. Например, спасение Щегловым, с подачи Джанбулат-бея, нескольких лиц, оказавшихся неугодными триумvirату, появление на Дворцовой, 6 данных о военном бюджете Турции, о состоянии флота при младотурках и кое-что еще... Кстати, оба предпочитали кальяну другим невинным забавам, а Джанбулат-бей собрал изумительную коллекцию изделий из русского янтаря; кажется, оба не раз приветствовали (деликатно, разумеется) ее пополнение. Я не берусь с уверенностью судить об иных совместных действиях двух интеллигентных людей, много путешествовавших по Европе, хорошо образованных, кстати, недурно музицировавших, причем не только на фортепиано, но и на зурне и на ребабе.

Во всяком случае, османский посол привез свою любимую коллекцию янтаря в Стокгольм, а у Щеглова,

по случаю, конечно, оказалось несколько новых дивных приобретений, вскоре перекочевавших в посольское собрание.

Военно-морской атташе России и посол Турции, разумеется, придерживались "отношений самых холодных и учтиво безразличных", по словам самого А.Н. Щеглова. Но взаимное безразличие, как оказалось, делу вовсе не вредило. После приезда Джанбулат-бея из Стокгольма в Петроград потекла любопытнейшая информация.

Петрограду стали известны некоторые аспекты деятельности министра иностранных дел Швеции Кнута Валленберга, активно посредничавшего в организации встреч послов Турции и Японии в Стокгольме. Джанбулат-бея при этом интересовало, насколько сепаратный мир Турции с каким-либо из членов Антанты мог уравновесить секретную договоренность Японии с Германией. Посла Японии в Стокгольме Усиду интересовала перспектива сближения Японии со странами Центрального договора, возможно, с помощью именно турецкой дипломатии. Стало также известно, что Джанбулат-бей возлагал определенные надежды на помощь германских дипломатических представителей в Стокгольме, поскольку личных успехов в контактах с Усидой он не добился.

Дело в том, что в середине июля 1915 г. в Стокгольм прибыл влиятельный представитель деловых кругов Германии К. Монкевиц, директор "Дойче Банка". Не прошло и недели, как берлинский финансист сумел выйти на негласный контакт с посланником России в Стокгольме А.В. Неклюдовым. Недвусмысленные соображения К. Монкевица о сепаратном мире между Россией и Германией строились на идее экономического и политического сотрудничества Петрограда и Берлина в Европе и на Востоке.

В отношении турецких Черноморских проливов говорилось, что их следует сделать "русско-германо-турецкой территорией при совершенно скрытых укреплениях". Выдавая за действительное то, к чему, в частности, только стремилась Германия в Юго-Восточной Ев-

ропе и на Ближнем Востоке, К. Монкевиц заверял русских дипломатов, что Турция горячо желает ни более ни менее как “соглашения с Россией через Германию”.

Однако эта идея принципиально расходилась с информацией А.Н. Щеглова. Прямые и достоверные сведения русского атташе свидетельствовали: Турция действительно ищет сепаратного мира с Россией, но не через Германию, а только напрямую. Эти данные позволили послу России в Стокгольме А.В. Неклюдову избежать немецкой ловушки.

Несмотря на тщательно охранявшуюся конфиденциальность контактов (директор “Дойче Банка” и российский посол ни разу не встретились лично), в стокгольмской печати германским предложениям была обеспечена весьма широкая огласка, чему особо содействовал Джанбулат-бей. Обращает на себя внимание тот факт, что хорошо организованная утечка информации шла не только через него, но также через греческих и болгарских представителей в Петрограде и в столицах европейских держав, включая и Швецию. А.Н. Щеглову стало известно, что они с большой тревогой сообщали по своим ведомствам, что германская дипломатия ищет путей к сепаратному миру с Россией “за счет Проливов и Константинополя”. Таким образом, как мы видим, в расстановке ловушки участвовала турецкая дипломатия, для которой утечка информации о возможном мире с Россией стала одним из средств давления на Болгарию в пользу союза с Турцией и на Грецию — для удержания Афин от весьма опасного для Турции выступления против нее. Таким был тихий и мирный Стокгольм летом 1915 г. Профессионалы работали...

* * *

Таковы были разнообразные, но в целом не выходившие за рамки зондирования “мирные авизы” правительственных кругов младотурок.

Антимладотурецкие круги в свою очередь поддерживали связи с русскими представителями в Стамбуле

еще перед войной. Не прерывались их “весьма доверительные и негласные” контакты с сотрудником российского посольства Б. Серафимовым, причисленным к итальянской миссии в Стамбуле, и после отъезда российского посольства. По его данным, поступавшим в Петроград с помощью румынского посольства, в Стамбуле гораздо активнее, чем до войны, шли на неофициальные контакты с ним антиэнверовские элементы. Уже в январе 1915 г. Б. Серафимов, имея предписание “в политические переговоры с Константинополем не вступать”, и “строго” его выполняя, докладывал на Дворцовую, 6: “Наиболее чуткие из членов младотурецкого комитета, еще до начала военных действий стремившиеся найти какой-либо выход из создавшегося положения, теперь... особенно усердно предаются изысканию способов, могущих, по их мнению, спасти Османскую империю, хотя бы путем крупных уступок и жертв”. Собеседники касались — “очень легко”, как сказал Б. Серафимов, — проблемы общих интересов России и Турции по сохранению мира на Балканах, где “все стали такие нервные и такие ненадежные и уж, конечно, подведут русских, если представится выгода”. Турки же получили урок в войнах 1911—1913 гг. и должны задуматься над сохранением империи, в чем видят и общую судьбу с Россией. Имена этих турок пусть остаются пока неизвестными, но их идеи чрезвычайно тесно перекликаются с приведенными мною выше выдержками из “Танин” и бесед посланника Турции в Петербурге Ниязи Фахретдин-бея...

Большой интерес Серафимова вызывали люди Талаата и председателя парламента Халиля, т.е. те, кого русские наблюдатели называли “партией мира”. Их главной задачей было отеснить проэнверовскую группировку. При чем они обращали взоры к Неве и к Темзе. В тайных контактах с Серафимовым и в призывах к правительству через издававшуюся за пределами Турции прессу “партия мира” возлагала на Энвер-пашу и младотурок вину за развязывание войны, в том числе с северным соседом, с которым начали было склады-

ваться вполне дружественные отношения. “Партия мира” призывала приступить к мирным переговорам с Антантой для восстановления мира и согласия. Они не исключали занятия Стамбула русскими войсками и временного контроля над регионом Проливов, как и над обстановкой в столице вообще, чтобы избежать гражданской войны и соблюсти интересы как мусульман, так и христиан.

В Петрограде с очевидным интересом воспринимали информацию такого рода, тем более что английский посол в России Дж. Бьюкенен заверил С.Д. Сазонова, что Англия вполне учтет интересы России в Проливах, если к власти придет партия “Свобода и гражданское согласие”, пользовавшаяся доверием Лондона. В самом конце февраля 1915 г., зная о готовящейся десантной операции союзников в Дарданеллы и хорошо понимая физическую невозможность для России реально в ней участвовать, С.Д. Сазонов озаботился краткими инструкциями российским представителям в Лондоне и Париже “на случай обращения Порты с предложениями о мире”. Они были согласованы с французским послом в России М. Палеологом и Дж. Бьюкененом и предусматривали: заключение не мира, но перемирия — до тех пор, пока Германия и Австро-Венгрия не сложат оружие; сдачу и интернирование всех германских военных кораблей и их экипажей, находящихся в Турции, а также военных и гражданских служб Германии; демилитаризацию всех фортов, траление мин и открытие Проливов; ввод союзных эскадр на рейд Стамбула. Спустя сутки, т.е. 1 марта 1915 г., для сведения, но не для обсуждения Извольскому и Бенкендорфу было сообщено, что Россия хочет вывода всех османских войск из Европейской Турции, а на азиатском берегу отвода их на линию, подлежащую уточнению.

Заметим здесь, что в этот же день, 1 марта (16 февраля ст. ст.) 1915 г., в России было принято решение готовиться к экспедиции на Босфор силами Черноморского флота и, возможно, ополченческих бригад, поскольку других сил просто не было. Идея переброски

сил к Проливам из Владивостока морем вызвала у тогда еще верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича саркастическую усмешку: эдакая муха на рогах у вола, и тут же последовало его здоровое письмо Николаю II с предложением поскорее заключить с турками *мир* [подчеркнуто мною. — В.Ш.] и перебросить Кавказскую армию для операций через Сербию или Адриатику против Германии и Австро-Венгрии. Подчеркивая, что окончательный мир должен быть подписан совместно с союзниками, главным заметил, что мир с турками приблизил бы победу.

С.Д. Сазонов был осторожен, как и подобает руководителю МИД. Его знаменитая формула “между нами и турками стоит вопрос о Проливах”, предписывавшая Серафимову воздержаться от контактов с членами младотурецкого Комитета, имела, видимо, значение не столько для продолжавшего контакты Б. Серафимова, сколько для Лондона и Парижа. И Сазонов добился своего. Там было принято во внимание, “что русское правительство никогда не скрывало своего предпочтения сохранения над ними (Проливами) турецкого владычества”.

В Петроград, Лондон и Париж поступала разведывательная информация из Стамбула о том, что “старотурки” активизировались и возлагают большие надежды на десант в Галлиполи.

Вот что об этом сообщал Б. Серафимов: “Партия мира” не едина. Одна группа питает “надежду на возможность для Турции удержаться на берегах Босфора путем признания над собой европейского контроля и создания соответствующей администрации”. Эта группа из числа “мирных турок” ориентировалась на коллективный контроль Антанты над Проливами. Другая часть “мирной партии” “твердо ориентировалась на сдачу города англо-французским войскам, предпочитала избежать появления России на Босфоре и полагала, что Проливы останутся по-прежнему яблоком раздора среди великих держав, что и позволит, свалив младотурок, укрепиться в прежних границах, хотя бы и признав в ка-

кой-либо форме англо-французский контроль". Была и еще одна группа, довольно многочисленная, по оценкам Серафимова, которая считала победу России предопределенной и искала прямых контактов с русскими дипломатами, "чтобы заранее установить условия перехода Константинополя во власть России с наименьшими для себя жертвами".

Наиболее активной в поисках контактов с Лондоном была вторая группа, в число которой входила или к которой примыкала значительная часть финансистов из еврейских кругов османского делового мира. Встретив прохладное отношение со стороны столь же неофициальных, но менее деятельных и заинтересованных, чем Б. Серафимов, сотрудников английских дипломатических служб в Стамбуле, вторая, т.е. проанглийская мирная, группировка также обратила свои взоры на Россию.

В свою очередь командование Первого армейского корпуса искало контактов с Антантой через греческое посольство и греков-коммерсантов, благо дислокация корпуса вблизи Проливов позволяла его командованию надеяться на то, что подобная инициатива будет Антантой учтена при подписании мира. Впрочем, подобные настроения в армейской среде были редкими и не определяли общую реальную расстановку. Это и было принято во внимание главой французского МИД Т. Делькассе и его британским коллегой Эд. Греем, когда незадолго до начала галлиполийского десанта они обсудили перспективы контактов с теми лицами из стамбульских политических кругов, которые искали сепаратного мира; Т. Делькассе и Эд. Грей сочли, что сил и решимости для свержения Энвер-паши у "партии мира" маловато, но интерес к мирным поискам турок они проявили. Основное условие, согласованное Т. Делькассе и Эд. Греем, к которому предполагалось привлечь и Россию, состояло в том, чтобы исключить даже временное закрытие Проливов. Не отвергая идею будущих переговоров с турками в принципе, английская сторона особенно подчеркивала необходимость согласовать действия Антанты по обеспечению ее интересов в Малой Азии.

Турецкая историография весьма неодобрительно оценивает деятельность тогдашних османских политиков по отысканию "отдельного выхода из общей катастрофы" и полагает, что эти контакты усугубляли сложности внутривосточной жизни Стамбула и провоцировали несбыточные надежды. Действительно, ориентировавшиеся на военную помощь Антанты антиэнверовские силы сообщили русским наблюдателям о своих планах, на первый взгляд весьма решительных. "Лишь только прорыв англо-французов через Дарданеллы станет очевидным, создать Совет из 210 человек под председательством наследника престола. Сто членов (младотурецкого) Комитета, сто наиболее выдающихся людей Турции различных лагерей и десять принцев крови решат судьбу империи. Большинство членов предполагаемого собрания уже предупреждено, равно как и Юсуф Изетдин (наследник престола), давший свое согласие".

Это согласие дорого обошлось крепкому и энергичному молодому претенденту на османский престол. Юсуф Изетдин скоропостижно скончался 2 февраля 1916 г. Современники единодушно возложили вину на Энвер-пашу. Дело остается нераскрытым и поныне.

Глава V

ПОТУХШИЙ КАЛЬЯН

“Согласие на Балканах должно устанавливаться по общему соглашению и с полной добросовестностью. С одной стороны политическими деятелями, а с другой — заинтересованными нациями”.

Газета “Танин” . 27 марта 1916 г.

Итак, многочисленные и, надо признать, весьма энергично предпринятые османским правительством демарши в пользу сепаратного мира окончились безрезультатно. Впрочем, усилия оппозиции были столь же бесплодны. Расхожденья дипломатического и военно-стратегического характера, раздиравшие великие державы всякий раз, когда возникал вопрос о Черноморских проливах, проявились в полной мере и сейчас, в разгар первой мировой войны.

В самой общей форме страны Антанты декларировали невозможность сепаратных соглашений с Османской Турцией, но готовность принять во внимание “особые интересы” Петрограда в Проливах. На практике разнос мнений, оценок и вариантов развития событий на Балканах был столь велик, что многоопытной турецкой дипломатии не удалось просочиться в зазор между валунами раздора великих держав. Россия была ближе других членов Антанты к сепаратному соглашению с Османской Турцией. Неудача галлиполийского десанта породила в Ставке русского главного командования определенный оптимизм в отношении сепаратного перемирия с турками во имя переброски сильной Кавказской армии России на Балканы. Присоединение Болгарии к странам Центрального договора превратило начальника Генерального штаба М.В. Алексева, начальника (директора) дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашева, а также и.о. генерал-квар-

тирмейстера Генерального Штаба, нашего знакомого по Стамбулу Леонтьева и ряд других высших чинов русской армии, знавших подлинную картину дел в Действующей армии и обстановку на фронтах, в активных и деятельных (если судить по переписке) сторонников скорейшего сепаратного мира с турками. Планы, вырабатывавшиеся в Ставке и у Сазонова, т.е. в МИДе, были очень близки. Они заключались в сохранении Стамбула и зоны Проливов в руках турок и введении коллективной опеки держав, т.е. Англии, Франции и России над Проливами “во имя свободы судоходства”.

Однако это был всего лишь обмен мнениями между профессионалами-единомышленниками, которые согласились, что приобретение Стамбула с Проливами как цель войны “должна быть отложена на далекое будущее”. В Царском Селе лично Николай II и его окружение упрямо не признавали того, что было так очевидно и для Ставки, и для Певческого моста — с укреплением балканского фланга за счет Болгарии позиция Стамбула в борьбе с Россией и Антантой в целом окрепла, и “Турция дает то, — писал современник, — что постепенно в Германии истощалось — пищевые продукты, сырье и людской материал. Борьба с Германией может затянуться надолго при весьма для нас — России — тяжелых условиях”. Так обобщал ситуацию и взгляды Ставки директор ее дипломатической канцелярии, и ему нельзя отказать в проницательности.

С заключением сепаратного мира с Турцией для Петрограда практически безболезненно могли решаться наряду с Проливами балканские планы. И это была другая сторона проблемы.

Как известно, еще в ходе серии бесед, официальных и не вполне официальных, Эд. Грея с российским послом в Лондоне А.К. Бенкендорфом в английских материалах постоянно, начиная с сентября 1914 г., присутствовал мотив Черноморских проливов. До середины ноября 1914 г. он звучал в контексте будущего переустройства Европы и раздела сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В Лондоне в начале осени 1914 г.

детально прорабатывалось предложение С.Д. Сазонова от 14 сентября относительно послевоенных территориальных изменений в Европе, определяемых по национальному признаку. Изменения на Балканах касались (гипотетически, естественно, поскольку Германию и Австро-Венгрию еще следовало сокрушить) Сербии, Болгарии и Греции.

К Белграду должны были бы отойти Босния, Герцеговина, Далмация и Северная Албания; к Софии — Сербская Македония, к Афинам — Южная Албания. Все это никак не затрагивало собственно владений Османской Турции в Европе или Азии.

Только 26 сентября 1914 г. из Петербурга последовало дополнение — Россия должна получить гарантию свободного прохода через Проливы своих военных кораблей. Никаких других притязаний не выдвигалось. Однако и эта идея воспринималась в Лондоне как возврат к 1833 г., к Ункяр-Искелесийскому договору, открывшему Босфор и Дарданеллы для русского военного флота. Британской дипломатии тогда потребовалось долгих семь лет, чтобы закрыть Проливы для русских военных кораблей, но только в 1856 г. лорд Пальмерстон вздохнул спокойно, когда перестал существовать Черноморский флот России. Правда, Россия сбросила в 1871 г. оковы нейтрализации Черного моря, но режим Черноморских проливов уже сложился и в целом удовлетворял интересам Великобритании.

Предложение С.Д. Сазонова в Лондоне предпочли сначала растворить в общем заверении о том, что Османская империя должна будет прекратить свое существование, если присоединится к Берлину и Вене. Однако 9 и 14 ноября 1914 г., т.е. после объявления Россией войны Турции Бенкендорфу было объявлено, что судьба Проливов и Константинополя (напомним, что Сазонов о турецкой столице вообще не упоминал) будет решена после войны в “согласии с Россией”. При встречах российского посла с королем Георгом V и с Эд. Греем не было недостатка в заверениях, что Проливы будут у России, если она приложит максимум усилий на За-

падном фронте, а на Востоке не будет в качестве операционной базы военных действий против Османской Турции использовать территорию Персии, являвшейся зоной реальных и перспективных интересов Великобритании.

Окончательное уточнение и размежевание позиций стран Антанты относительно Проливов и Стамбула, произошло, как мы видели, уже после Дарданелльской операции, и изучать эту проблему, как представляется, следует с учетом того, как шли активные поиски турецкой официальной дипломатией и параллельно — оппозицией сепаратного мира.

При всей значительности расхождений взглядов Антанты на судьбу Турции и Проливов, ее участники были связаны соглашением от 28 февраля 1915 г. о том, что до полного разгрома Германии и Австро-Венгрии со Стамбулом может быть заключено только перемирие и только относительно зоны Стамбул—Проливы. Об этом по дипломатическим каналам третьих стран стало известно в Турции уже в начале марта 1915 г. Еще более сузило поле маневра турецкой дипломатии полученное через турецкого посла в Вене сообщение о серьезных намерениях Англии и Франции предоставить автономию всем арабским подданным Стамбула.

Османская дипломатия не прекращала поисков сепаратного мира на протяжении всего 1916 г., несмотря на неудачу первых шагов, предпринятых в 1915 г. Однако теперь ей приходилось сталкиваться с новыми взглядами Антанты на будущее Проливов. Отличительной особенностью политической оценки этой проблемы в кабинетах Антанты со второй половины 1915 г. и вплоть до осени 1918 г. было постоянное расширение той части владений Турции, которая включалась в зоны раздела между державами. Чем настойчивее были младотурки в поисках выхода из западни, тем меньшую долю владений им оставляли те, от кого они ждали спасения. Практически незаметно из перечня обсуждаемых турецких владений выпали европейские территории Османской Турции.

Весной—летом 1915 г. судьба Стамбула и Проливов дискутировалась в Петрограде, Лондоне и Париже самым деятельным образом, но в документах не удается найти и намека на какие-либо консультации (неформального, конечно, характера, как это имело место с арабскими деятелями) с турками — т.е. с теми про- или антимладотурецкими кругами, которым предстояло реально существовать в предлагавшихся им, без их согласия, зонах раздела.

Вопрос о разделе Турции на зоны влияния подробно освещен в литературе. Остановимся на некоторых проблемах — преимущественно тех, которые живо интересовали турецкую дипломатию.

Туркам было известно через Германию, что в планах Антанты относительно судьбы Проливов одно из центральных мест заняло восстановление в полном объеме капитуляционного режима. В памятной записке М. Палеолога, французского посла в Петрограде, С.Д. Сазонову от 12 марта 1915 г. эта идея, облаченная в заботу об обществах, основанных французами, и о трех “миллиардах французских капиталов, помещенных в Турции”, играла ключевую роль. Три антантовских *гражданских комиссара* [выделено мной — В.Ш.] должны были по соглашению с военными властями “озаботиться восстановлением в их довоенных должностях чиновников, советников, министров и офицеров своей национальности, поставленных во главе государственных учреждений, как-то: Оттоманского долга (с немедленным включением одного русского представителя), Оттоманского банка, таможни, жандармерии и т.п.”

Днем позже, т.е. 13 марта 1915 г., и независимо от памятной записки от 12 марта 1915 г. в Париж и Лондон была направлена памятная записка российского МИД. В основу ее были положены предположения Генерального Штаба России о перспективе занятия союзными войсками Стамбула. Изложим их кратко.

В документе за подписью и.о. Начальника Генерального Штаба М.А. Беляева предполагалось:

1. что часть босфорских берегов будет занята русскими войсками, включая районы, лежащие к югу от бухты Золотого Рога, т.е. район Св. Софьи и, кроме того, квартал Фанар, включая резиденцию Вселенского патриарха;

2. войска Франции займут Таксим, Перу, Галату и Хаскёй, а также Принцевы острова;

3. войска Англии — Скутари (Ускюдар), район Хайдар-паши (порт и вокзал Анатолийской железной дороги), Кадикёй и далее вплоть до местечка Анадолухисары.

С.Д. Сазонов, направляя эту записку союзникам, особо отметил приоритет должности военного коменданта Стамбула, которым, по мнению Ставки и МИД России, должен был бы стать старший в чине из командующих оккупационными армиями трех держав.

Т. Делькассе 21 марта 1915 г. не без раздражения отверг идею “генерального мандата” на Стамбул. Поскольку в воздухе носилась идея водворения русского “белого генерала на Босфоре”, Делькассе уточнил позицию Франции — временное управление Стамбулом должно было распространяться на управление всей Османской империей. Надлежало также восстановить капитуляционный режим, причем тоже на всей территории империи. Это положение рассматривалось французской стороной в качестве обязательного условия всех дальнейших согласований. Спихватившись в связи с перспективой перехода резиденции Вселенского патриарха в русскую зону, Делькассе потребовал также восстановления всех прав католических миссионерских, учебных, благотворительных и иных учреждений в Османской империи.

Лондон реагировал на несколько взвинченный обмен мнениями между Петроградом и Парижем довольно спокойно. Эд. Грей в сдержанном ответе на записку С.Д. Сазонова вскользь заметил, что и Греции надо бы выделить особую зону — а именно Смирну (Измир). Тогда уже Делькассе обеспокоенно повторил, что столь сложные вопросы малоперспективно решать по

телеграфу. Если об этих зонах узнают в Бухаресте, опасно заметили он, то Румыния качнется в сторону Германии.

Сдержанная линия Эд. Грея в этот момент вполне понятна. Во-первых, предварительная договоренность с Петроградом уже была достигнута. Во-вторых, Лондон занимала первоочередная задача “создания вне Стамбула независимой мусульманской власти в качестве политического центра ислама”. В центре такого нового исламского государства или, по словам Эд. Грея, “мусульманской, но не обязательно турецкой власти” могли бы стать священные для мусульман г. Мекка и г. Медина.

Эд. Грей посчитал это дело решенным и задавал, собственно, один вопрос С.Д. Сазонову — войдет ли в новое государство вся Малая Азия или только часть ее?

Вопрос, надо полагать, носил отвлекающий характер, поскольку еще 4 марта 1915 г. С.Д. Сазонов сообщил в Лондон, что, в случае “сочувственного отношения” союзников к планам Петрограда в отношении Проливов, Лондон и Париж “могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие к осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Османской империи и иным местам”.

Реакция Лондона на идею “иных мест” была мгновенной. Уже 12 марта 1915 г. в Петроград был направлен проект превращения Стамбула в вольный город и порт-франко, а также введения полной свободы торгового судоходства в Проливах. Весьма бегло в проекте упоминалось о том, что Россия должна содействовать некоему сотрудничеству балканских стран (Болгарии и Румынии) между собой для придания ему (сотрудничеству) “заманчивого для них характера”. Следовательно, России предоставлялось абсолютно бесперспективное дело — вести переговоры о статусе Проливов и притом убедить Бухарест и Софию в наличии каких-то мифических их интересов. Задачу использовать военноморские силы Греции Англия брала на себя.

В 20-х числах марта 1915 г. Франция и Россия определили свое отношение к этим деликатным, но столь всеохватным планам Лондона. Париж потребовал возврата капитуляций, места среди трех комиссаров Антанты в Стамбуле, оккупационной зоны в Проливах, но одновременно (или в компенсацию такой “малости”) еще и передачи Франции всей Сирии и Киликии вплоть до хребта Тавр. России оставалось принять английские и французские предложения в отношении разделов Ближнего Востока и подтвердить, что Петроград “может только сочувствовать исполнению желаний турецких армян” о воссоединении всего армянского народа.

Следовательно, вопрос о Проливах был еще в стадии самого предварительного обсуждения. Роль России в судьбе Проливов и будущего Османской империи была подернута серой и тусклой пеленой, как фигура ангела на Петропавловском шпиле в сырую мартовскую погоду, тогда как Лондон и Париж уже получали обширные зоны влияния в Азиатской Турции.

Судьба Босфора и Дарданелл, усиленные комбинации Петрограда вокруг них стимулировали ускорение формирования зон влияния Антанты за пределами этого взрывоопасного района, как бы в тылу и на флангах возможной обороны турками зоны Босфора и Стамбула.

Вероятно, осознав, что уступок союзникам сделано неоправданно много, С.Д. Сазонов уточнил, что следует отделить проблему будущего арабского халифата от проблемы турецкого государства и обсудить (вот это было уже верхом кощунства и неуважения к правам миллионов мусульман и политически авантюристично), оставлять ли за турецким султаном права верховного духовного владыки — халифа всех правоверных.

Вонистину, то ли босфорские ветры, то ли питерские холода плохо действовали на хозяина здания на Дворцовой, 6, но С.Д. Сазонов явно заразился обменной лихорадкой. Тотчас за вопросом о халифате, на обсуждение которого он, как, впрочем, и его коллеги на Западе, не имел ни этического морального, ни политического

международного права, российский дипломат перешел к следующему этапу сделки — в обмен на часть нейтральной зоны в Персии Россия должна была согласиться на участие малых стран Балкан в Дарданелльской операции Англии и Франции. Речь шла прежде всего об использовании малых греческих кораблей против угрозы Средиземноморья — подводных лодок Германии.

Очевидно, что к исходу 1915 г. перед османской дипломатией проблем политического характера оказалось больше, чем весной 1915 г., когда она пустилась на поиски мира. Депортация армян, их массовое уничтожение, равно как и гибель по вине младотурецкого режима тысяч греков, курдов, турок и арабов в Восточной и Юго-Восточной Анатолии, создали обстановку порохового погреба в глубоком тылу младотурок — в Малой Азии.

Азиатские районы в схемах и кроках легли среди карт разменов держав наряду с Проливами. При этом важно отметить, что фактически Антанта согласовала порядок восстановления капитуляционного режима при любом варианте управления зоной Проливов (либо военный губернатор, либо гражданские комиссары в сочетании с сильной военной администрацией). Антанта согласовала для всей территории страны, начиная со Стамбула, форму административно-политического устройства, представлявшую гибридную султанскую систему и колониальный аппарат управления. В него могли быть допущены “туземцы, внушающие необходимое доверие властям”, т.е. колониальным комиссарам; в число “туземцев” по представлению России могли войти христиане (армяне, греки, болгары и др.) — османские подданные. Немаловажная роль отводилась сохранению шарнатского, т.е. традиционного мусульманского судопроизводства (при его подчиненной роли по отношению к судебным инстанциям антантовской администрации) и обеспечению в целостности исламского духовного землевладения.

Судьба Стамбула была ясна в одном — он не станет ни свободным городом, ни “российским губернским центром”. Над Босфором не должен парить Российский орел — повторили в Лондоне и Париже.

Полного согласия между членами Антанты относительно судьбы Босфора и Стамбула в очередной раз достигнуто не было. Перед Турцией тем не менее совершенно отчетливо вырисовывалась перспектива статуса коллективной колонии европейских держав.

Впрочем, к началу последнего для Османской Турции этапа первой мировой войны, т.е. 1916—1918 гг., Стамбул прочно находился в руках турок, и вопрос об его прямом захвате ни одной из держав-союзников по Антанте, включая Россию, не стоял! Это было абсолютно нереально, по общему мнению всей задействованной там агентуры.

Турецкой дипломатии, в свою очередь, не удалось добиться от Антанты принятия определенной формы сепаратного соглашения — мирный договор или перемирие. Заинтересовать — удалось вполне! Сепаратный мир как формула соглашения устраивал и Россию, и Турцию. Державы Запада, правда, охотнее поддерживали другую формулу — сепаратное перемирие.

Дело в том, что перемирие давало туркам весьма неопределенную по итогам и длительности передышку, державам — возможность заслониться проблемой Проливов и окончательно увязать Малую Азию, Аравийский полуостров, зону Персидского залива, Суэц, а также Сирию с Палестиной, Месопотамию и Персию в новую колониальную конструкцию, строго разделенную по зонам контроля. Интересы Англии и Франции отчетливо и заметно перемещались все далее к востоку от Черноморских проливов, и чем дальше, тем меньше выражали в Лондоне и Париже желание вести или тем более заключать стабильные, фиксированные во времени и пространстве мирные соглашения со страной, планы полного раздела которой вчерне были уже готовы зимой 1915/1916 гг.

В этом контексте примечательна встреча Эд. Грея с тем, кого называли русским “теневым лидером”*. В начале мая 1916 г. в Лондоне в ходе доверительной беседы Эд. Грея с П.Н. Милюковым по вопросам внешней политики и перспектив послевоенного урегулирования Грей был откровенен, кажется, лишь в двух вопросах. Это, во-первых, готовность передать России крайне взрывоопасную инициативу — поднять после войны проблему присоединения к Сербии земель хорватов и словенцев, и, во-вторых, отказ Лондона поддерживать даже через посредников контакты с турками по поводу сепаратного мира. “Мы им — туркам — предложим, — сказал сэр Эдуард, — обратиться к России, так как война началась с нападения на вас. Не можем же мы сговариваться, рискуя разойтись с нашими союзниками”. “Намек был ясен, — писал П.Н. Милюков, — как же соглашаться с Турцией, когда вам обещаны Проливы”.

Эд. Грей имел в виду неофициальную поездку по странам Западной Европы видного младотурецкого деятеля Шериф-паши, предпринятую в начале 1916 г. Шериф-паша принадлежал к окружению Талаат-паши и к той умеренной группировке Комитета иттихадистов, которая сделала последнее усилие в поисках мира, причем без Энвер-паши. Лондон не был заинтересован в контактах с ним не только из джентльменских соображений в отношении России. В это время велись более плодотворные для целей Англии на Востоке переговоры с арабскими политическими кругами. Поэтому-то готовность части младотурок, близких к Талаат-паше, обсуждать с Лондоном условия передачи Антанте зоны Проливов и Аравии вызывали не более интереса, чем результаты уже выигранной партии.

* П.Н. Милюков побывал в странах Антанты в составе делегации от Государственного Совета и Государственной думы. Бесцветность А.Д. Протопопова, формального главы делегации и заместителя (товарища) председателя Думы, позволила П.Н. Милюкову “переключить” на себя политические беседы с союзниками. На Западе высоко оценили близкого к С.Д. Сазонову лидера кадетской партии, и многие разговаривали с ним как с наиболее перспективным лидером России.

В Париже Шериф-паша и экс-министр внутренних дел Рашид-бей, разделявший его труды в поисках мира, и курировавший часть осведомителей в мидовских кругах, встретили столь же прохладный прием... “Бриан сказал мне, — сообщил А.П. Извольский С.Д. Сазонову 1(14) марта 1916 г., — что он не придает серьезного значения Шериф-паше и избегает всяких с ним отношений”. Аристид Бриан, глава французского министерства иностранных дел, немного лукавил. Сам он уклонялся от встреч, которые могли бы связать ему руки, которые уже так приятно прогревались теплыми лучами солнца, встающего в новых, столь желанных левантских владениях Франции. А. Бриан, впрочем, сказал, что дело сепаратного мира с Турцией прежде всего касается интересов России: во-первых, “ввиду наших военных действий в Азиатской Турции, а во-вторых, потому, что при этом будет неминуемо затронут вопрос о Константинополе и Проливах”.

Тем временем в Женеве французские дипломаты не оставляли в покое местную, весьма обширную (до 200 человек) турецкую эмигрантскую колонию на предмет выяснения настроений Энвер-паши в пользу мира, уточняли, насколько прочны его позиции, поскольку и Рашид-бей, и Шериф-паша убеждали всех в Лондоне и Париже, что дни диктатуры Энвера сочтены.

Так ли это было на самом деле и каковы были реальные дипломатические действия иттихадистов и оппозиции?

По агентурным сведениям, на март 1916 г. младотурки располагали 53 боеспособными дивизиями, общей численностью формально до 680 тыс. человек. Однако призыв в армию давал уже только новобранцев в возрасте 55—60 лет. Их отправляли на флот и на оборонительные сооружения, а чаще — просто в лазареты, поскольку призывались уж вовсе убогие. Катастрофически не хватало вооружения и боеприпасов. Свои обязательства по военным поставкам Германия не выполняла. Взамен обещанного Энвер-паше нового оружия Берлин переслал ему 120 тыс. малопригодных русских

винтовок, захваченных немцами в Польше. Разнокалиберное и устаревшее оружие нередко перепродавалось еще на складах и раньше, чем поступало в действующие турецкие части. Оно оказывалось в далеких курдских, турецких и арабских деревнях Анатолии и Аравии, где угодно, только не в войсках. Фактически обескровив турецкую деревню, младотурки весной 1916 г. начали набирать из числа пленных, воевавших в составе войск Антанты, тунисцев, алжирцев, марокканцев. Эти части, до 12 тыс. человек, одетые в германскую форму, выражали желание попасть на Салоникский фронт, на европейский театр военных действий, но по приказу Энвер-паши их немедленно отправляли в Йемен и Месопотамию. Им поручали полицейскую службу в местах расселения депортированных из Восточной Анатолии армян и греков, превратив их во врагов и местного, и депортированного населения.

Орган младотурецкого Комитета газета "Танин" 12 апреля 1916 г. поместила обширную статью, в которой бравурные настроения от побед в Галлиполи сменились сугубо печальными: "Турецкий народ буквально умирает с голоду. В Стамбуле нет керосина, нельзя ни за какие деньги достать ни кофе, ни рису, ни сахара. Чтобы купить хлеб, людям необходимо выдерживать ежедневные сражения у ворот булочных. Все цены поднялись в 5—10 раз. Все говорят, что лучше бы уехать куда подальше от Босфора. На его берегах жить нельзя. Но в нем можно утопиться..."

О настроениях в пользу скорейшего прекращения войны, распространявшихся как в армейской среде, так и среди населения столицы и по крайней мере крупных центров Западной Анатолии и Европейской Турции, сообщали корреспонденты европейских газет: "Daily News" (20.01, 22.03, 24.04.1916), "Adeverul" (5.02.1916), "Le Journal de Paris" (4.02.1916), "The Manchester Guardian" (15.03.1916). Так, корреспондент "Манчестер Гардиан" совершил инкогнито поездку в Стамбул, в Софию, в Афины, в ряд других горячих точек региона и сделал вывод, совпадавший с оценкой других газет.

“Все турки убеждены в том, что продолжение войны приведет к гибели Турецкой империи. Все ждут мира во что бы то ни стало, а для турок и болгар вести с полей сражения под Верденом будут сигналом начать переговоры о мире. В первую очередь говорят о русских”.

Верден действительно воспринимался в Стамбуле как поворотный пункт в войне. Мирно настроенными турецкими кругами — как сигнал к скорейшему миру, а в кругах энверовского командования — как вероятность наступления австро-германских войск на бессарабском направлении. Энвер-паша повторял: “Вперед и вперед! Чтобы покончить с Румынией, окончательно разделаться с Сербией и пригрозить Греции”. Энвер-паша надеялся также, что сильный османский корпус в Сирии сдержит предполагавшийся французский десант в Александретте (Искандерон), подавит ожидавшееся восстание арабских бедуинских племен и затем, для завершения успеха, будет переброшен на балканский театр, “где восславит зеленое знамя ислама и посрамит этих гяуров, которые прячутся в траншеях и объедаются свиной тушенкой”. Поговорить Энвер-паша умел и любил. Пострелять тоже.

Разгром турками английских войск генерала Таунсенда под Кут-аль-Амарой в конце апреля 1916 г. Энвер-паша приказал отметить как трехдневный национальный праздник. “Столица украсилась флагами, — говорилось в агентурном сообщении. — Сыпались речи и поздравления друг другу от немцев и от младотурок. Однако народного шествия собрать не удалось. Население стонет от крайней нищеты. Армия совершенно истощена, и сыпной тиф производит более сильные опустошения, чем пули и неприятельские орудия”.

Некий новый импульс получили турецко-германские отношения, весьма обострившиеся в конце 1915 — начале 1916 г. В основе лежало недовольство Германии турецкими сепаратными поисками мира, не санкционированными Берлином и находившимися вне его планов, а также более конкретные военно-политические проблемы. Среди них главными были разногласия по пово-

ду цен на турецкое продовольствие, поставляемое в Германию, желание Энвер-паши избежать германского контроля над реализацией 20-миллионного военного займа, предоставленного Стамбулу Берлином, и, наконец, яростное сопротивление Германии установлению прямых торговых отношений между Стамбулом и Бухарестом*.

В апреле—мае 1916 г. Энвер-паша под влиянием частичных успехов в боевых действиях против англичан и ввиду явного провала его эмиссаров мира в Западной Европе вновь качнулся в сторону “укрепления дружбы” с Берлином. Видимо, по его приказу проправительственная пресса широко пропагандировала лозунг: “Турция не подпишет мира ранее полной победы Германии и только одновременно с ней. Мы будем драться до последнего солдата”. Какого? Турецкого или немецкого? Увы, у него уже не спросишь.

Берлин не мог предложить Стамбулу никакой формулы мира, естественно. Вообще не хотел этого и, как увидим ниже, исключил своего турецкого партнера из собственных поисков мира, предпринятых весной—летом 1916 г., когда в Стамбул начали прибывать новые германские военные и политические советники. Первые, например фон Макензен, везли планы наступательных действий. Вторые — то, что так небрежно и так болезненно для османского менталитета отвергла Антанта. Речь шла о том, что Берлин в обмен на наступательные действия турок на европейском театре и акции, “сдерживающие русские усилия на Кавказе”**, обещал заключить равновыгодную торговую германо-турецкую конвенцию.

* Начальник турецкого армейского интендантства, возглавивший всю торговую деятельность во время войны, в мае 1916 г., как сообщала разведка, не раз говорил, что “немцам незачем вмешиваться в наши торговые дела с балканскими соседями. Политический и военный союз — это дело совсем другого рода, чем мука и сухофрукты. Война все равно кончится, а нам предстоит создавать экономически независимую Турцию, и те, с кем мы усердно воюем на словах, будут нашими лучшими деловыми партнерами. Так, может, начать перестать палить друг в друга, да осмотреться на предмет торговли...” Удивительно здравая мысль, не так ли, читатель?

** Заметим, что 3 февраля 1916 г. русские войска заняли Эрзерум, 5 апреля — Трабзон.

Над этим документом более трех месяцев трудились в Стамбуле и в Берлине: генеральный советник Германии при турецком МИД, послы обеих стран, министры торговли и юстиции. Предполагалось, что к переговорам будут привлечены также Австро-Венгрия и Болгария. Признание равноправной, взаимовыгодной международной конвенции по торговле, дополненной конвенцией о консульской службе, войдет в обязательное условие будущего мирного договора Центральных держав с Антантой.

Для турецкой политики это был ключевой момент. Младотурецкий офицер "Танин" в номере от 27 марта 1916 г. так изложил перспективную внешнеполитическую программу младотурок на 1916—1917 гг.: "Теперьшние отношения между Турцией и Германией открывают для того, кто пожелает, эру совместной политики и усилий, основанных в будущем [так в тексте. — В.Ш.] на принципах общих интересов". Восторженные излияния по поводу взаимного проявления силы духа и организованности турок и немцев были подкреплены в статье заверениями в адрес германского союзника относительно "чистоты характера турок и их незыблемой верности союзническим обстоятельствам".

Однако акцент делался именно на конкретные обязательства, на будущее. Их, по словам газеты, должны были взять "Германия и Турция во имя нескольких поколений, которые будут связывать дружба и союзные отношения". В отношении балканского региона "Танин" провозглашала: "Четверной союз должен стать основой нового мира в Европе и согласия на Балканах".

Механизм нового порядка виделся таким. "Согласие на Балканах должно установиться по общему соглашению и с полной добросовестностью. С одной стороны — политическими деятелями, а с другой — заинтересованными нациями".

Таков был первый и единственный в своем роде документ, по крайней мере поставивший в эти годы вопрос о межбалканском сотрудничестве. При всей своей

уязвимости и очевидной конъюнктурности он свидетельствовал о наличии позитивных взглядов на возможность межбалканского сотрудничества в Османской Турции последних — не лет, а месяцев ее существования.

Последовало еще несколько статей в “Танин” с призывом крепить османское единство во имя близкой победы и поддержать усилия Комитета “Единение и Прогресс” во имя величия Турции. Это уже были призывы сугубо риторического характера. С марта 1916 г. в Салониках издавалась оппозиционная газета “Муджахед” (“Воин за веру”), в которой утверждались прямо противоположные идеи: союз с Германией несет опасность для настоящего и будущего нации. В номерах от 21 марта и 11 апреля 1916 г. газета призвала к немедленному заключению сепаратного мира с Антантой, причем правительство должно было добиваться этого мира “в условиях полной гласности и освещения условий, особенно касающихся Проливов и Стамбула, в доступной народу печати”.

Тогда же оппозиционеры из упоминавшейся партии “Свобода и гражданское согласие” сообщили западным державам по неформальным каналам, что во имя скорейшего заключения мира с Антантой они готовятся совершить государственный переворот и устранить Энвер-пашу.

В июле 1916 г. такой переворот был предпринят, но провалился. На следствии его участники заявили, что их целью был выход из войны. К заговорщикам примыкали упомянутые выше Шериф-паша и Рашид-бей. Они не были услышаны ни на Западе, ни в России. Инициаторы поисков мира, они же заговорщики,полнили ряды жертв младотурецкого режима.

В османском доме уже горели и рушились балки, искры веером сыпались в воды Босфора, а выход заволочло клубами дыма раздоров, распрей и несогласий.

Поиски мира союзником Османской Турции — Германией — в 1916 г. осуществлялись за спиной Энвер-паша, который так горячо ратовал за будущее германо-турецких отношений в Юго-Восточной Европе.

В широко известной “Записке Кемница” от 17 мая 1916 г., составленной в германском МИД для обсуждения в качестве подготовки к сепаратному миру, содержался план перегруппировки сил всех заинтересованных держав в Европе и на Ближнем Востоке, а также на Тихом океане. В частности, Турция должна была бы открыть Босфор и Дарданеллы для периодического прохода отдельных военных кораблей России и отказаться от части турецкой Армении, уже занятой Россией. В возмещение Стамбул получил бы Западную Персию. Что касается ближайшего противника Турции — России, то последняя получала Восточную Галицию, а также — как зону преимущественных интересов — Внешнюю Монголию и Северную Манчжурию; взамен предусматривался отказ России от притязаний на Литву, Курляндию и Польшу. Россию как бы уводили подальше от Босфора и Европы. Она должна была бы признать свою незаинтересованность в решении балканских проблем, тогда как Берлин и Вена брали на себя урегулирование сербского, албанского и других вопросов. Под “другими вопросами” следовало понимать прежде всего вопрос о Босфоре как об “османском наследии” в Юго-Восточной Европе.

Трудно судить, насколько этот план был согласован со Стамбулом. Следов участия османской дипломатии в его подготовке мне обнаружить не удалось. Однако турецкий посол в Стокгольме, упоминавшийся выше Джанбулат-бей, деятельно помогал японскому послу в его посреднических усилиях вплоть до 17 мая 1916 г., когда Япония официально сообщила об отказе от сепаратного мира с Германией и от попыток своего посредничества.

Как сообщил наблюдательный современник, уже известный нам А.Н. Щеглов, Джанбулат-бей в эти май-

ские дни 1916 г. был тих, печален и долго-долго сидел за нардами с верным слугой. Были забыты и янтарь, и любимый кальян, привезенный из Стамбула... От него теперь мало что зависело.

Еще меньшую роль могла играть османская дипломатия на последнем рывке своих союзников по блоку осенью 1916 г.

План по сепаратному выходу из войны министра иностранных дел Австро-Венгрии С. Буриана был согласован в общих чертах с германским канцлером Т. Бетман-Гольвегом 18 октября 1916 г. Он предполагал территориальную целостность всех четырех союзников по Центральному договору, целостность французской территории и восстановление суверенитета Бельгии при соблюдении интересов Германии; предусматривалось “стратегическое исправление границ” с Италией, Румынией и Россией в пользу Германии и Австро-Венгрии, а также независимость Польши и возврат всех занятых Антантой германских колоний. При этом С. Буриан исключал какое-либо предварительное согласование с болгарским и турецким союзниками.

Кайзер находил это умалчивание неудобным, но Бетман-Гольвег в свою очередь на умолчании настаивал, полагая, что сверхтрудная обстановка в Стамбуле заставит Турцию принять фактически любое предложение Германии и Австро-Венгрии. О Болгарии Т. Бетман-Гольвег как бы и вовсе забывал. Лишь в конце ноября 1916 г. в Софию и в Стамбул от имени Четверного союза сообщили о характере мирной инициативы. Впрочем, последовала оговорка — такие младшие партнеры, как Турция, не должны были выдвигать свои пожелания, которые могли бы сорвать столь необходимые Берлину и Вене срочные мирные переговоры.

Болгарский лидер В. Радославов отозвался о предстоящем демарше как о весьма своевременном, но тут (21 ноября 1916 г.) некстати скончался император Австрии, он же и король Венгрии Франц Иосиф, и это обстоятельство весьма смутило, судя по сведениям из Стамбула, Энвер-пашу и его окружение. Однако союз-

ники его в расчет уже не брали, а по сведениям, которые поступали в Стамбул через Стокгольм и Лозанну, и Россия мало принимала во внимание еще сохранявшееся младотурецкое правление.

Действительно, в Стамбуле узнали, что В. Радославов потребовал себе часть Сербии, а также “исторически принадлежавшей болгарам”, как он говорил, Добруджи, причем так чтобы “Румынии не было больше в Добрудже места”. Сверх того он пожелал “общего исправления границ в пользу Болгарии” — последнего пункта не понимал никто.

И это весьма туманное соображение (турецкая разведка сообщала: болгары хотят Босфора) вносило дополнительное беспокойство в умы Энвер-паши и его сподвижников. Соглашаясь в принципе с инициативой Буриана-Бетмана, Стамбул вновь потребовал признания на международном уровне факта отмены капитуляций и, кроме того, значительных компенсаций материального характера. Не желая связывать себя с территориальными переделами в Западной Европе и стремясь восстановить утраченные в сражениях с Россией и Англией османские территории, Стамбул высказался за восстановление довоенного статус-кво.

Тем временем продолжалось обсуждение судьбы османского наследия — без Турции. В мае — начале июня 1916 г. в окружении российского премьера Б.В. Штюрмера, вскоре полностью оттеснившего С.Д. Сазонова от руководства МИД России, обсуждался вариант (очередной!) территориального урегулирования между Россией и Германией. В обмен на Польшу и Курляндию Россия должна была получить часть Восточной Галиции и “вслух” не определявшуюся точно, но “весомую” часть Турции. По ряду косвенных замечаний можно судить, что речь шла как о землях в Малой Азии, так и о некоторых пунктах в Европейской Турции. Ни судьбы балканских народов, ни конкретные формы статуса Босфора уже не дискутировались.

Что же касается Германии, то Стамбулу было известно, что с приходом в Петрограде к власти Б.В. Штюрмера берлинские круги обрадовались и считали, что сепаратный мир с Россией есть дело само собой разумеющееся, “упустить случай могла бы только самая бездарная дипломатия”. Правительственные изменения в Петрограде и совпавшие с ними по времени активные действия антиэнверовской оппозиции в самой Турции и за ее пределами рассматривались в Берлине если не как однопорядковые явления, то во всяком случае такие, при которых судьба Черноморских проливов должна решаться “сильными участниками”. Возможность и необходимость каких-либо русско-турецких контактов по Проливам Берлин в расчет не принимал.

Тому свидетельство, в частности, — набросок проекта сепаратного мира из документов А. фон Тирпица, гросс-адмирала германского флота. В нем предусматривалось предоставить России право проводить военные суда через Проливы, отдав ей один остров в Эгейском море для базы ВМФ; учитывалась возможность долевого участия Петрограда в доходах от Багдадской железной дороги; как туманная дымка, повисало сохранение Турецкой империи при неких “постепенных преобразованиях”. Имелся пункт о личном вознаграждении для великих князей. Не было одного — участия Турции в решениях ее исторической судьбы*.

Но пришла Февральская революция. Трудно говорить о трезвом подходе в России периода Февральской революции 1917 г. к выработке принципов сохранения остатков турецкой юрисдикции в зоне Босфора и Дарданелл. В Петрограде возобладало опасение, что не только Англия и Франция, но и Италия, потребовавшая после объявления 28 августа 1916 г. войны Германии, а 30 августа — войны Турции и “своей” доли османского наследства, в частности, района Смирны (Измира), окажет сильное противодействие России в установлении нового статуса Проливов. Следует правды ради учесть, что

* См.: А. Тирпиц. “Воспоминания”. М., 1925.

еще в декабре 1916 г. российский МИД признал желательность для интересов России сохранения в Малой Азии жизнеспособной, “в возможно больших пределах”, обладающей выходом к морю, “политически и экономически тяготеющей” к России независимой Турции. На этом плане Николай II черкнул: “Правильно”.

Это был достаточно взвешенный и конструктивный подход к проблеме. Однако, насколько можно судить по документам, он остался неизвестен Стамбулу и получил развитие только несколько лет спустя в контактах кемалистского руководства и дипломатии уже Советской России. Последняя представила этот вариант решения вопроса о Проливах как исключительно свою заслугу.

Последний всплеск решимости разрубить узел противоречий по поводу Проливов у дипломатов (но не военных) России приходился на весну 1917 года. 21 февраля (6 марта) 1917 г. новый министр иностранных дел России М.Н. Покровский, сменивший Штюрмера, представил царю записку, в которой ставился, казалось, утративший актуальность вопрос о военно-морской экспедиции на Босфор. Предполагалось, что овладеть зоной Проливов или “настолько приблизиться к ним, чтобы при решении этого вопроса [заключении мира. — *В.Ш.*] быть в силах оказать должное давление на Турцию”, можно не позже октября 1917 г.

Очередная фантазия политиков весьма скептически оценивалась и в Ставке, и в военно-морских кругах. Единственное, что там считали возможным, это установление в какой-либо форме “военного контроля” над судоходством в Босфоре. Путем сепаратного соглашения с Турцией, за которой предполагалось сохранить суверенитет над Стамбулом и обоими Проливами, Ставка считала возможным добиться двух целей: вывести из войны Турцию и до заключения общего мира реставрировать свободный режим Проливов эпохи русско-турецкого союза 1833 г.

Ставка отказывалась как от прямого вторжения в Проливы, так и от нейтрализации Проливов, кото-

рую могла бы принять будущая мирная конференция. По существу, возобладала сазоновская еще идея о невыгодности для России нейтрализации Проливов. Это были пустые бумажки. На совещаниях в Лондоне в январе — начале февраля 1917 г. и в Сен-Жан-де-Мориен (Франция) в апреле 1917 г. по существу не рассматривалась позиция самого турецкого правительства, не учитывались интересы России. Оговорка Лондона и Парижа, что без согласия Петрограда притязания Италии в расчет не будут приниматься, была только формальной вежливостью союзников. “В России — бунтуют, в Турции пьют кофе. Бог с ними, обойдемся”, — заметил один французский журналист.

Что же касается учета интересов Турции в дипломатических расчетах 1917 года, то Османская империя выпала как субъект из политических планов и Антанты, и стран Центрального договора. Суверенная держава продолжала свое физическое существование, но ее географические цвета на картах мира уже были другими. И эта новая раскраска возникла в соответствии с так называемым соглашением Сайкс-Пико.

Здесь вернемся на год назад, в 1916 г. Тогда зоны раздела Турции, включая Проливы, были согласованы между Лондоном и Парижем, отступления от них лишь осложнили бы “работу” союзников по расчленению Турции. На Парижской конференции Антанты на первом же заседании 27 марта 1916 г. союзники пришли к выводу, что “на Балканах военное положение изменилось в нашу пользу; что Турция нейтрализована”, как следовало понимать, действиями союзников на Салоникском фронте и русской Кавказской Армией. “Болгария, — констатировали союзники, — нетерпеливо относится к продолжению войны; Греция находится в тесной зависимости от нас; Румыния, хотя еще не приняла определенного решения, развивает свои предохранительные мероприятия на австрийской и болгарской границах”.

Основываясь на такой оценке ситуации, Англия и Франция в марте—апреле 1916 г. сосредоточили уси-

лия экспертов на окончательном определении зон раздела Европейской Турции, оставляя за скобками проблему будущего Босфора и Стамбула. Опубликовано достаточное количество прокомментированных документов по этому вопросу*. Россия должна была получить области Эрзерум, Трабзон, Ван и Битлис, а также ту часть Курдистана, что к югу от Вана и Битлиса. Вся юго-восточная Анатолия и населенные арабами области Малой Азии переходили под контроль Англии и Франции в виде особых, цветных зон оккупации; Палестина выделялась в особую зону под контролем международной комиссии союзников по согласованию с правителем (шерифом) Мекки. С.Д. Сазонов тогда счел необходимым уточнить позицию России, согласно которой "палестинский вопрос еще недостаточно созрел", чтобы создавать там независимое еврейское государство. Сазонов добавил, что "Россия не относится к сионизму отрицательно, и... русское правительство, наоборот, сочувствовало бы водворению иудеев в Палестине при условии, однако, чтобы не были затронуты права и привилегии Святых мест". В Аравии должно было быть создано независимое королевство; впрочем, Россию это тогда занимало довольно мало.

В апреле 1917 г. к этому соглашению, известному как план Сайкс-Пико (по имени авторов — английского и французского дипломатов-экспертов), подключалась Италия, получившая бы зону Измира с Айдынским вилайетом, если бы соглашение реализовалось.

Остается сделать лишь незначительное дополнение. В памятных записках послам Франции и Англии в Петрограде от 4(17) марта 1916 г. и в депешах А.П. Извольскому и А.К. Бенкендорфу от того же числа С.Д. Сазонов подчеркивал, что согласие России на предыдущие [представленные выше. — В.Ш.] пункты по-прежнему обусловлено осуществлением согласованных с Францией и Англией действий относительно Константинополя и Проливов. Однако обращения остались без внимания,

* См. Библиографию.

и последняя попытка России связать зоны раздела Азиатской Турции с судьбой Проливов безнадежно увязла в бесконечной веренице англо-франко-итальянских размежеваний во второй половине 1916 г. и в 1917 г. Все бумаги, бумаги...

* * *

Период с конца 1916 г. и до фактической капитуляции в октябре 1918 г. для младотурецкого режима характеризовался крайним напряжением сил во имя удержания подобия фронта в Азиатской Турции при фактическом распаде такового на турецком участке фронта в Европе. В то же время младотурок не покидали иллюзии по поводу выхода из катастрофы за счет разногласий внутри Антанты. Выступление против Турции на стороне Антанты Италии (21 августа 1915 г.), Румынии (30 августа 1916 г.), США (с ними Турция порвала отношения 20 апреля 1917 г.) и состояние войны с Грецией с августа 1917 г. воспринимались в Стамбуле не слишком серьезно. Там полагали, что наиболее опасным для турок врагом была Греция, но что она не решится на активные военные действия, так как греки Малой Азии стали бы своего рода заложниками младотурок. Италию и США как непосредственных противников на полях сражений младотурки не воспринимали. Более того, Энвер-паша вплоть до апреля 1917 г. не оставлял надежды на посредничество президента В. Вильсона между германо-турецким блоком и Антантой.

Определенные надежды возлагали Энвер-паша и его окружение на армию, трехмиллионную в начале 1917 г., хотя и плохо вооруженную, разутую и голодную. Из этого числа на европейском театре военных действий находилось 70—90 тыс. солдат. Всего же боеспособными оставались к середине 1917 г. не более 600 тыс. солдат на фронтах и 400 тыс. — в тылу. Наиболее боеспособные части были переброшены по требованию Германии в Европу, где несли огромные потери. Только в Галиции турки потеряли до 35 тыс. человек. В сен-

тябре 1916 г. — марте 1917 г. турецкие войска сражались (а скорее числились) в составе трех пехотных дивизий в Добрудже и Валахии, двух дивизий в Галиции и двух — в Македонии.

Шесть высших германских военных учреждений, расположившихся в Стамбуле, пытались руководить турецкими войсками через двух фельдмаршалов, трех адмиралов, десять генералов и восемьсот офицеров. Причем не только военной, но и всей милитаризованной хозяйственной, а также и политической жизнью задыхавшейся от перенапряжения страны. Почти тридцать две с половиной тысячи военнослужащих Германии и Австро-Венгрии занимали ключевые посты в Османской Турции в 1917—1918 гг. Конечно, эта организованная сила, с единым центром управления, могла оказывать на развитие событий влияние отнюдь не меньшее, чем бумажные разделы Турции на зоны влияния, которыми занимались руководители Антанты. Эта же мощная германская военная структура, в руках которой были и поставки оружия, и управление войсками, и все средства связи (даже к правительственной османской радиостанции в Акмейдане турок не допускали), могла бы реально и жестко воспрепятствовать такому выходу Турции из состава Центрального договора, который нарушил бы интересы Берлина. Поэтому некоторые мирные поползновения Стамбула, исходившие от правительства Энвер-паши, кажутся неплохо продуманными зондирующими акциями, достаточно хорошо известными немцам или даже согласованными с ними во всех основных позициях.

Победа большевиков в октябре 1917 г. создавала для Турции уникальную возможность выйти из войны на почетных условиях, при этом сохранив турецкие земли в составе суверенного национального государства. Лозунг министра иностранных дел П.Н. Милюкова во Временном правительстве — за право обладать Константинополем надо “участвовать в мировой войне до решительной победы” — сменился отказом большевиков от неравноправных договоров и от планов раздела

Турции, опубликованием Советской Россией тайных соглашений о Стамбуле и Проливах.

У Антанты, однако, были другие планы. Линия раздела зон влияния Франции и Англии, проходившая по Дарданеллам и Босфору (она, напомним, оставляла европейский берег за Францией, а азиатский — за Англией), была продолжена к северу от Босфора — напрямую к Керченскому проливу и по течению Дона к Царицыну, и далее прямо на север Советской России*. Линия раздела Турции продолжилась, следовательно, через всю Россию.

В этих условиях в начале декабря 1917 г. младотурецкое руководство обратилось к командованию русского Кавказского корпуса с предложением установить перемирие. Это было второе в том грозном 1917 г. предложение о мире, непосредственно обращенное к русской Кавказской армии. Первое имело место 18 мая 1917 г., и сделал его представитель младотурецкого комитета Осман-бей, прибыв непосредственно в штаб Кавказского корпуса. Ни первая, ни вторая попытки установить перемирие не могут считаться искренним стремлением Энвер-паши к миру, и подтверждение этому можно найти в фактических действиях Турции.

В январе 1918 г. турецкая армия начала наступление против деморализованных русских войск. 24 января был занят Трабзон, 12 марта — Эрзерум. Турки вышли на границу, существовавшую до 1914 г.

На Брест-Литовской конференции турецкий представитель настоятельно требовал отделения от России Кавказа и создания независимого Кавказского государства. Энвер-паша и Талаат-паша откровенно высказывались в том смысле, что реванш на Кавказе и в Закавказье не только позволит мобилизовать до 300 тыс. новых солдат — мусульман из Закавказья в турецкую ар-

* См. секретное парижское соглашение от 23 декабря 1917 г. между Англией и Францией об интервенции в Россию согласно тем зонам действий, которые совпадали с зонами раздела Османской империи. Оно приведено у У. Черчилля (Мировой кризис. М.—Л., 1932. С. 50).

мню, но и существенно изменит расстановку всех сил в зоне Проливов. Здесь, на Кавказе, туркам наконец удалось добиться желанного перемирия. Оно было подписано 18 декабря 1918 г. в г. Эрзинджане между военными представителями младотурок в Восточной Анатолии и Закавказским комиссариатом, представлявшим блок меньшевиков, эсеров, дашнаков, муссаватистов и соцфедералистов.

Однако не условия мира были в центре внимания резко активизировавшего свои военные усилия младотурецкого руководства. Продолжая развивать наступательные действия, младотурки поставили в повестку дня пересмотр границ 1878 г., т.е. итогов русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Последующие военные действия на Кавказе и мирные переговоры далеко уводят нас за пределы темы. Следует, однако, упомянуть о Стамбульском германо-турецком договоре от 27 апреля 1918 г. Он предусматривал зоны раздела влияния Германии и Турции в Закавказье. Договор развивал положения германо-турецкого соглашения, подписанного в Стамбуле еще 27 ноября 1917 г., о сотрудничестве до конца войны и о незаключении сепаратного мира. В обмен на согласие Германии предоставить туркам “добычу”, захваченную у врага (т.е. у новой России) на Кавказе, предусматривалось сохранение германского военного контроля в Проливах вплоть до окончательной победы над Антантой. Стамбул и Проливы еще раз послужили младотуркам разменной монетой в теперь уже откровенно экспансионистской политике в направлении Баку и Северного Кавказа.

11 мая 1918 г. при поддержке энверовских эмиссаров была провозглашена независимость горцев Северного Кавказа. Опираясь на германо-турецкие соглашения и используя обширные захваты на Кавказе как операционную базу, 4 июня 1918 г. турецкие представители сумели подписать в Батуме без участия Советской России договор “О мире и дружбе” с Закавказским сеймом, представлявшим блок дашнаков и меньшевиков. По до-

говору восстанавливались границы, существовавшие между Россией и Османской империей до Адрианопольского мира 1829 г., т.е. турки сделали еще один шаг к пересмотру договоров XIX века.

Однако попытки турок обсуждать вопросы режима Босфора не были поддержаны представителями дашнаков и меньшевиков. Захват турками Баку 15 сентября 1918 г. и последовавший 20 сентября 1918 г. разрыв советской стороной Брест-Литовского договора от 3 марта 1918 г. в части его, касавшейся Турции, знаменовали последний успех младотурок на Кавказском направлении, достигнутый военно-дипломатическими маневрами, но в гораздо большей степени, — перспективу конфронтации уже с новым, советским противником.

К этому времени военные действия на Балканском театре военных действий привели к политической и военной изоляции младотурок. 5 октября 1918 г., через неделю после отречения короля Болгарии и капитуляции своего балканского союзника, Энвер-паша обратился к президенту США Вудро Вильсону с просьбой о помощи в заключении мира. Ответа не последовало. Это был конец.

14—19 октября 1918 г. состоялся последний съезд партии “Иттихад ве теракки” (“Единение и Прогресс”). Отстраненный от власти Талаат-паша единственный нашел мужество от имени Комитета заявить: “Государства, с которыми мы желали войти в союз, сами искали сильных союзников... Наша политика потерпела поражение, мы не можем оставаться у власти”. После острых дискуссий на съезде было принято решение о самороспуске младотурок.

Новая партия “Теджаддуд” (“Возрождение”) стала наследницей иттихадистов, в частности, в вопросах о защите Проливов, о Стамбуле как столице халифата и об “османском идеале”. Определенные надежды еще возлагались на “вековую дружбу с Англией”, на поиски мира с помощью находившегося в плену у турок английского генерала Таунсенда.

27 октября 1918 г. начались переговоры с Антантой о мире. Они проходили в порту Мудрос (о. Лемнос) и велись командующим британским Средиземноморским флотом вице-адмиралом С. Калторпом. С турецкой стороны в переговорах участвовали представители МИД и Генерального Штаба Турции. Французский командующий флотом был извещен о переговорах пост-фактум.

30 октября Мудросская капитуляция Османской Турции была подписана. Формально она имела вид перемирия. Первой статьёй значилось открытие Черноморских проливов для Антанты — для свободного прохода в обе стороны и для выхода в Черное море (ст. 1).

Все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой (ст. 6, 9, 12).

Предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению (ст. 5).

Полная демилитаризация Проливов и установление союзного контроля Антанты над ними соседствовали, в сущности, в полном соответствии с духом документа, с отказом Антанты признавать какие-либо политические новообразования, предпринятые младотурками на Кавказе.

Политический торг младотурок, который можно условно назвать “Восточная Анатолия — Проливы”, рухнул под жерлами пушек англо-французской эскадры, а также кораблей США, которые вскоре вошли в бухту Золотой Рог.

В ночь с 15 на 16 декабря 1918 г. союзники начали регулярные проходы военных кораблей через Черноморские проливы. Для Турции первая мировая война закончилась, как и началась, на Босфоре, но иными были флаги проходивших кораблей.

Турецкого среди них не было. Не было и русского.

Глава VI

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

“БОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА НА БОСФОРЕ”

“...Вы говорите, Османская империя? Это просто больной человек на Босфоре, дни его сочтены...”

Царь Николай I. 1853 г.

“Мы теперь другие...”

*Последний султан Османской империи
Мехмед VI. 1919 г.*

1. Шкатулка президента

В полдень по местному времени 31 октября 1918 г. прекратились военные действия между Османской империей и Антантой. Был четверг. На следующий день, в пятницу — священный день отдыха и молитв — мусульмане Османской империи слышали такое разнообразие призывов из уст почтеннейших имамов, какое доводится услышать не каждому поколению. Кто-то звал к соблюдению мира и благословлял Хюсейна Реуф-бея, Решада Хикмет-бея и Саадула-бея, подписавших на борту “Агаменона” перемирие*. Кто-то грозил вечными муками “проклятым отступникам”...

Османская империя, от которой фактически осталось только название, мучительно нащупывала свой путь. Сначала в Стамбуле, затем в других городах Малой Азии начали создаваться национальные политические организации. “Общества защиты прав”, “Общества для борьбы с аннексией”, многочисленные “лиги” и “союзы”. Все они в разной мере и степени были готовы противостоять прямому иностранному вторжению. “Милли конгре”, или стамбульский “Национальный конгресс”, осенью 1918 г. объединил в своих рядах едва

* От Османской империи Мудросское перемирие 30 октября 1918 г. подписали: Хюсейн Реуф-бей в качестве министра по морским делам, Решад Хикмет-бей, — зам. министра иностранных дел, и Ахмед Саадула-бей как полковник Генерального штаба, начальник Управления “Запад”. Под давлением общественного мнения все трое вскоре ушли со своих постов.

ли не все политические и общественно-просветительские организации столицы и большей части Западной Анатолии. Скорейший созыв в Стамбуле парламента и объединение патриотических сил во имя сохранения независимости, а также опровержение в местной и зарубежной прессе обвинений турок в варварстве и геноциде — таковы были ближайшие цели и непосредственные акции “Милли конгре”.

Вскоре была опубликована на французском языке и распространилась среди войск Антанты на Ближнем Востоке и в Европе программа обновления Турции с иностранной помощью, которую “Милли конгре” надеялся получить в течение 10—15 лет. Программа предусматривала интегритет — сохранение целостности Османской империи в границах 1914 г., независимость во внутренней и внешней политике без какого-либо участия Турции в новых международных союзах. Иностранный экономический контроль предусматривался достаточно ограниченный — в виде Совета западных экспертов, которые наблюдали бы за реализацией процессов обновления страны и координировали бы с правительством Турции свои рекомендации.

Одним словом, политическая жизнь в Турции стремительно возрождалась. Существовали в конце концов и армейские части, насчитывавшие, несмотря на общую деморализацию и дезертирство, сотни тысяч бойцов. К исходу 1918 г., согласно Мудросскому перемирию, турки сдали 145 тыс. винтовок, 682 пулемета, до двух тысяч орудий, хотя во много раз больше оружия разошлось по всей стране. Однако, армейские склады в Центральной Анатолии сохранялись в полном порядке и, что примечательно, фактически не отмечено случаев их разграбления, попыток овладеть складами со стороны каких-либо организованных преступных группировок. Массовая дисциплина населения, уважение к армии? Бесспорно.

В этой ситуации Антанта только прямым военным и политическим контролем могла обеспечить реализацию своих планов в отношении так называемого “ос-

манского наследства". Через три дня после Мудросского перемирия англичане заняли Мосул и Александретту, через две недели в Стамбуле высадились сначала британские, затем французские и итальянские войска. До 16 марта 1920 г., когда была объявлена официально оккупация турецкой столицы, войска Антанты осуществляли функции "проведения в жизнь Мудросского соглашения". За выполнением условий Мудросского перемирия "наблюдали": 41,5 тыс. английских, 59 тыс. французских и 17,4 тыс. итальянских войск. Формально султанские войска насчитывали 50 тыс. человек. На деле их было во много раз меньше.

До открытия в январе 1919 г. в Париже общей мирной конференции Англия и Франция, сохраняя за Османской Турцией внешние признаки суверенного государства, фактически подготовили условия для беспрепятственной реализации планов изгнания, как писала западная пресса, "турок со всеми пожитками", причем не только из Европы. Английские войска контролировали всю Багдадскую железную дорогу, включая ключевые туннели в горах Тавра. Во всех крупных средиземноморских и черноморских портах находились английские гарнизоны. Юго-Восточная, большая часть Восточной, вся Южная Анатолия и район Киликии контролировались из штаба английских войск в Багдаде; Центральная и Западная Анатолия входили в зону прямого контроля штаба британского верховного командования в Стамбуле. В Восточной Фракии и в Аданском вилайете расположились французские экспедиционные войска. Наготове были греческие и итальянские части, чтобы высадиться в Анатолии и оккупировать все сколько-нибудь значительные центры в Малой Азии.

Оставалось "подкорректировать" политическую жизнь в Стамбуле. Проанглийская партия "Хюрриет ве итиляф" ("Свобода и согласие"), долго и с переменным успехом борющаяся за влияние в стране с младотурками, получила мощную поддержку — английские штыки и пушки на Босфоре, полное одобрение со стороны сул-

тана Мехмеда VI*, которому было решительно все равно, кто его охраняет, лишь бы охраняли. И, наконец, не слишком афишировавшуюся, но вполне значимую помощь от английского главнокомандующего в Турции генерала Мильна. По его каналам и с его ведома султан-халиф отправил личное послание королю Георгу V с согласием на общий британский контроль в стране при условии сохранения османской династии и его лично как представителя древнего рода Османов, а также признания суверенитета Османской империи. “Султан-халиф, — как говорил позднее в своей знаменитой 36-ти часовой “Речи” Мустафа Кемаль, — имел только одну заботу: найти средства для спасения своей жизни и обеспечения своего покоя”.

При деятельной поддержке английских властей вокруг далеко еще не утратившего “в силу внедрившихся в сознание турок религиозных представлений и традиций” (Мустафа Кемаль) своего духовного влияния султана — халифа всех правоверных — стали собираться именно те силы, которые и могли стать проводниками англо-французского диктата на Ближнем Востоке. Это были: военно-феодальные круги высшего османского офицерства и генералитета, традиционные приверженцы трона — многочисленные сановники, наконец, компрадорская буржуазия, связанная десятками нитей и, как правило, наследственными узами и капиталами с Сити и Лионским кредитом. Именно эти круги подобострастно заявляли английским оккупационным властям: “Мы, конечно, заслуживаем наказания, но пусть нас накажет наш старый друг — Англия”.

По рекомендации англичан 9 ноября 1918 г. султан поставил во главе правительства монархиста и, естественно, антантофила Ахмеда Тевфик-пашу, бывшего при младотурках послом в Англии, а при Абдул Хамиде II министром иностранных дел. Он в свое время весьма

* Под именем Мехмеда VI султаном 4 июля 1918 г. был провозглашен принц крови Велиахт Вахидеддин, человек настолько случайный для трона в критический момент османской истории, что он пугался одного обращения к себе “Ваше Величество”.

приумножил свои капиталы, используя возможности посла и заключив в Лондоне от имени Порты ряд сомнительных сделок, которые могли стоить ему головы, не начнись война. Например, положил в карман стоимость двух шпионсцев, якобы купленных перед войной в Англии. Говорили, что он отличал на звук шелест доллара, марки и фунта стерлинга. Вероятно, из тех, которые шли к нему в карман...

Этот европейски воспитанный и к тому же энергичный великий везир в должности премьер-министра уже в декабре 1918 г. подписал с британским генералом Алленби секретный двусторонний (без ведома других членов Антанты) протокол в рамках Мудросского договора об установлении прямого военного управления Англии в Южной Анатолии и в Киликии. Не прошло и месяца, как англичане, уже "на законных основаниях", заняли Антеб, Мараш, Урфу, разгромили повстанческое движение арабов, курдов и турок на юге Анатолии. Обострилась ситуация в Самсуне и Трабзоне, где Англия поддерживала идею провозглашения греческого понтийского государства.

По свидетельству современного турецкого историка Тарика З. Тунайи, англо-турецкий премьер санкционировал массовые аресты среди патриотически настроенной интеллигенции Стамбула и Анкары, не склонной к безусловному подчинению Англии, распустил 21 декабря 1918 г. нижнюю палату парламента, в которой прорывались антиантантовские, причем, вполне просултанские настроения. Действительно, это была палата эпохи германофильской ориентации младотурок, и она могла бы помешать новым хозяевам на Босфоре. Полиция и жандармерия были подчинены английскому военному коменданту Стамбула, как это предусматривалось еще в 1915 г. Вся информация в прессу шла только через агентство "Гавас-Тюрк-Рейтер" и контролировалась английским офицером связи. Режим капитуляций был фактически восстановлен, военные долги Турции уточнены — 289 млн золотых лир, общественные организации и профсоюзы разогнаны. Подверглись репрес-

сиям национальные организации арабов, армян, греков и других нетурецких подданных Турции. Кое-кто в Лондоне довольно усмехался: “Это, конечно, не алмаз в короне Британской империи, как Индия, но после наведения порядка заблестит”.

Складывается впечатление, когда читаешь турецкие материалы (документы, прессу) за ноябрь—декабрь 1918 г., что чем ближе было открытие Парижской мирной конференции (18.01.1919 г.), тем значительнее в глазах держав, якобы контролируя внутреннее положение в стране, хотели выглядеть султан и его великий везир в ранге европеизированного премьера Тевфик-паша. Надо признать, что премьер пытался отойти и от младотурок (иттихадистов), и от поднявших голову оголтелых соглашателей англофилов-иттиляфистов. Он принимал требования Англии, но многозначительно повторял, что есть еще и другие великие державы, которые не столь “обижены на старого друга — Турцию” и имеют свою точку зрения на положение в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Речь шла о позиции США. В преддверии Парижской мирной конференции, в последних актах османской драмы монолог американского президента Вудро Вильсона “14 пунктов” (8 января 1918 г.) был произнесен перед притихшей аудиторией.

Советская Россия, ближний сосед, опубликовав “Декрет о мире”, другие внешнеполитические документы и предав гласности тайные соглашения о Проливах и о разделе Турции, естественно, привлекла к себе в Турции не столько симпатии (осознание коренного поворота в русско-турецких отношениях придет при Ататюрке), сколько обостренное внимание. Что будет говорить и как поступит Антанта?

5 января 1918 г. Д. Ллойд Джордж выступил на конгрессе тред-юнионов и без обиняков “вернул” турок в Европу, пообещав им Стамбул и Восточную Фракию. Напомним, что в декабре 1916 г. в официальных и неофициальных документах Великобритании турки подлежали “полному и окончательному изгнанию из Ев-

ропы”, а сам Вудро Вильсон называл весной 1917 г. турок “убийцами христиан, подлежащими удалению из Европы”.

Прошел год, война близилась к концу. Германия и ее турецкий союзник потерпели поражение, отношение к туркам несколько изменилось. Многие рассматривалось Антантой с позиций борьбы с большевиками в России. Стратегические позиции Турции и ее деморализованная, но физически существовавшая армия могли стать серьезным аргументом в споре Антанты с новым режимом в России.

8 января 1918 г. прозвучали в послании к Конгрессу и ко всему миру вильсоновские “14 пунктов”. Мирным, но мало чем обеспеченным призывам большевиков к всеобщему миру и к отказу от вознаграждения победителям за счет поверженного агрессора — Четверного союза, “14 пунктов” Вильсона были серьезной альтернативой, поскольку содержали программу послевоенного устройства мира под эгидой Лиги наций. Последнюю надлежало создать на Парижской конференции. Программа Вильсона была рассчитана на уставшего от войны и лозунгов среднего гражданина, в том числе и турка.

В Турции сразу же обратили внимание на пункт 2-й о “свободе морей” — полной свободе судоходства, справедливо полагая, что это прежде всего относится к режиму Проливов, который должен был быть установлен на “открытых (пункт 1) мирных переговорах”. Тем более что в пункте 12-м говорилось о статусе Дарданелл, но не Босфора.

Пункты 10-й и 11-й об автономии народов Австро-Венгрии и о выведении германских войск из Румынии, Сербии и Черногории и о предоставлении Сербии выхода к морю воспринимались турками как усиление вчерашних противников, противостоять которым Турция сможет только опираясь на поддержку великих держав.

Пункт 12-й, по которому “турецкие части Османской империи, в современном ее составе, должны получить

обеспеченный и прочный суверенитет”, воспринимался при этом в контексте прозвучавшего тремя днями раньше заявления Д. Ллойд Джорджа о Стамбуле и Восточной Фракии, т.е. как сохранение суверенитета Османского государства. Тем более что восстанавливалась государственность давнего, в XVII—XVIII вв., союзника Османской империи по борьбе с Россией — Польши (пункт 13), а также Бельгии (пункт 7), с которой Стамбул связывали дружественные отношения еще с момента создания Бельгии в 1831 г. Широкая популярность в османской Турции “14 пунктов” Вильсона давно и основательно освещена в турецкой историографии, причем отмечены именно надежды на национальное возрождение в рамках “плана Вильсона”. Заметим, что, по признанию современных турецких авторов (1984 г.), “14 пунктов” одобрял и сам Мустафа Кемаль, быстрошедший в гору как общенациональный лидер.

За кадром для современников, как, впрочем, и для исследователей последних лет, остались дополнения к “14 пунктам”, которые представил 21 сентября 1918 г. своему президенту государственный секретарь США Р. Лансинг. В его документе предполагалось на Парижских переговорах ограничить турецкое государство Малой Азией, т.е. все же “убрать турок из Европы”. Босфор и Дарданеллы (здесь было уточнение — оба пролива) должны были быть интернационализированы как важнейшие мировые водные пути.

Статус и режим Проливов подлежали установлению и контролю со стороны либо международной комиссии, либо одной державы, которая получила бы специальный мандат от имени держав-победительниц.

Логическим завершением этой конструкции было предложение Р. Лансинга объявить международный протекторат над Стамбулом (документ был опубликован еще в 1921 г. См. Библиографию).

Документ лег в стальную шкатулку В. Вильсона, замысловатое изделие с единственным ключом. С этим суперличным сейфом В. Вильсон не расставался еще со времен своего профессорства и ректорства (1902—

1916) в Принстоне. Шкатулка вмещала в свое время столько государственных секретов и так была дорога самому Вильсону, совершив с ним первый в истории США заокеанский президентский вояж в Европу в 1918—1919 гг., что впоследствии была помещена в особый реликварий президентов США.

Там же, в стальной шкатулке президента, уютно расположился еще один документ. Это был так называемый комментарий к “14 пунктам”, принадлежавший личному представителю Вудро Вильсона в Европе и его советнику, как мы бы сейчас сказали, по национальной безопасности, полковнику Э. Хаузу. Полковник-дипломат откорректировал в октябре 1918 г. ряд весьма либеральных и рассчитанных больше на восхищенных зрителей, чем на трезвых политиков, “14 пунктов” Вильсона.

Стамбулу и Проливам (в рамках 12-го пункта) уготовано было стать, согласно “комментариям”, номинально турецкой, а фактически — оторванной от других турецких территорий подмандатной зоной. Мандат мог быть коллективным или индивидуальным. Э. Хауз твердо полагал, что США лучше справятся с управлением Стамбулом и Проливами в одиночку. Под “остальной Турцией” подразумевалась Анатолия, в отношении которой Хауз предполагал применить соревновательный принцип “открытых дверей”.

Идея американского мандата стала известна в Стамбуле через европейские и местные газеты. Она поддерживалась султаном и его окружением. Большое распространение и сочувствие получило, кроме того, внесенное американской делегацией предложение передать мандат на Проливы и Стамбул каким-либо малым странам Европы. Назывались Бельгия и Дания. Мандат США или, еще лучше, малых стран вдохновлял тех, кто надеялся на возрождение османского прошлого. Эта мысль содержится в хорошо документированных “Этюдах по турецкой военной истории”, изданных Генштабом Турции (1980 г.).

Позиция Англии и Франции в последние предпарижские недели конца 1918 г. вызывала в Турции гораздо меньше энтузиазма, несмотря на все усилия сторонников Великобритании, а их было немало. Во-первых, потому, что именно Англия приняла фактическую капитуляцию Османской империи в Мудросской бухте и оккупировала все наиболее значительные арабские, т.е. исламские территории, включая святые земли — Мекку и Медину. Во-вторых, 7 ноября 1918 г. была оглашена и стала достоянием прессы англо-французская декларация. В ней, в частности, говорилось, что цель Англии и Франции “заключается в окончательном и полном освобождении народов, так долго терпевших турецкий гнет, и в создании национальных правительств и администраций, “источником власти которых будет инициатива и свободный выбор местного населения”. От Киликии до Мекки расположились, как говорилось выше, английские гарнизоны. Зерно Мосула и нефть Ирака (а к ее запаху были очень равнодушны на Босфоре) были потеряны.

К тому же вокруг Курдистана, считавшегося со времен Абдул Хамида II последним и самым надежным оплотом Стамбула, Англия развернула дипломатическую игру без всякой оглядки на Стамбул.

Взгляды Франции на турецкую проблему тоже были четко определены. В начале января 1919 г. в портфеле Ж. Клемансо лежал план его советника по восточным делам А. Тардье. По этому проекту “сохранение турецкого господства” должно было ограничиться только западной и центральной частями Малой Азии. Армения, Сирия, Киликия, Палестина, все арабские государства выводились из-под суверенитета Стамбула. Статус столицы османского государства, его границы и режим Босфора подлежали дополнительному обсуждению.

Очевидно, что при всех ограничениях и при том, что в мирный договор, как рекомендовал полковник Хауз, “должен был быть вписан общий кодекс гарантий, обязательный для всех держателей мандатов в Малой Азии”, и введен принцип “открытых дверей”, что в со-

вокупности могло означать только одно — новый капитуляционный режим, принципы Вудро Вильсона оставляли Стамбулу тень надежды на выживание. А тень, многозначительную и спасительную, на Востоке ценить умеют...

Парижские же портфели Англии и Франции содержали откровенно смертные приговоры османскому режиму. «В пределах нынешней Османской империи, — повторял Д. Ллойд-Джордж, — не осталось ни одного уголка, который не надо было бы переделать и перестроить с самого основания, чтобы он мог хоть в слабой степени напомнить о древней славе и великолепии “до-османского” периода». Эти идеи прозвучали тогда столь ошеломляюще громко, что их помнят и в современной Турции (1986 г.).

2. “Душеприказчики” Высокой Порты

Если строго следовать протоколам Парижской мирной конференции, то вопросы о Стамбуле, Проливах, ионациональных областях Турции были подняты только в конце января 1919 г. Однако уже на предварительных неофициальных встречах членов Антанты, которые начались вскоре после прибытия 13 декабря 1918 г. В. Вильсона в Париж, возник вопрос, кто же собственно будет “душеприказчиком” бывшего “больного человека на Босфоре”. Все были деликатны, взаимно вежливы, но настоятельно выведывали друг у друга и все вместе — у Вильсона, кто же реально возьмет на себя бремя мандата и распорядится османским наследством.

В понятие мандата глава британского Форин оффис, сменивший на этом посту Эд. Грея, А. Бальфур и премьер-министр Д. Ллойд Джордж вкладывали как введение дополнительных войск в Анатолию, чтобы “отделить турок от нетурок”, так и судьбу Стамбула и Проливов. Помимо общих функций политического и хозяйственного контроля, надлежало определить судьбу целого народа.

В. Вильсон в ожидании своего триумфа был оживлен, бодр и любезен, однако от окончательного ответа отказался, сославшись на необходимость поработать над турецким вопросом на конференции, а главное — создать Лигу Наций. В принципе он не отвергал также идею американского вмешательства на уровне десантной операции в Анатолию, причем достаточно широкомасштабной.

После Рождества, буквально в канун нового, 1919 г., премьер-министр Греции К. Венизелос пополнил стальную шкатулку президента очередным документом. Еще 15—16 декабря В. Вильсон попросил, а Венизелос не смог ему отказать — обобщить все территориальные притязания Греции к Турции. В меморандуме Венизелоса Западная Анатолия должна была войти в новую Грецию. Стамбул (364 тыс. греков и 0,5 млн турок), по мнению Венизелоса, следовало бы передать Греции, которая в свою очередь гарантировала бы интернационализацию Проливов. Новую мощную Грецию устроило бы, по мнению Венизелоса (как вариант), установление протектората грядущей Лиги Наций над Стамбулом и зоной Проливов. Фактически эта зона была бы окружена греческой территорией, а Измир (Смирна) “стал бы вольным городом-портом”. Греческий премьер не забыл и Восточную Анатолию, где он предложил создать нечто вроде армянско-греческого государства под мандатом Лиги Наций. Весьма “милое, мирное государство”, которое должно было начать свою жизнь с двух вещей. Поднять флаг и депортировать турок. Забывали только одно — куда? Страшная это зараза в политике — идея переселения народов. Вы не находите, уважаемый читатель?..

Шкатулка захлопнулась и поглотила проект. Он показался американской делегации чрезмерным, поскольку не совпадал с расчетами самого В. Вильсона.

Венизелос учел недовольство президента и в продолжение двухдневных речей (3 и 4 февраля 1919 г.) уже в ходе официальных заседаний конференции поддерживал только мандат Лиги Наций на Стамбул, подчерк-

нув, что Греция, несмотря на 360-тысячное греческое население, “не выдвигает никаких претензий на Константинополь”.

При этом он продемонстрировал приличное знание мусульманского богословия и очень неважное — этнографии и статистики Малой Азии. Он призвал державы удалить османского султана-халифа в глушь, в Брусу или в Конию (Конью). “...Пока султан будет оставаться в Стамбуле, — говорил он, — даже без титула халифа [неужели Венизелос всерьез думал, что Парижская конференция займется исправлением исламских постулатов и отрешит от должности главу мусульманского мира? — *В.Ш.*], у него сохранится значительный престиж, который позволит ему влиять на мусульман всего мира и причинять беспокойство всем великим державам, включая Францию и Англию”.

Вот это было уже серьезно — еще султан Селим III в конце XVIII в. поддерживал мусульман Индии в борьбе с британскими колонизаторами. Оставалось увлечь В. Вильсона. Ему Венизелос предназначал пространное и восторженное цитирование “14 пунктов” с упором на пункт 12-й. Согласно трактовке Венизелосом этого пункта, Стамбул как “не чисто турецкий город, где мусульман меньшинство” (турок “всего” 449 тыс. из 1 млн 173 тыс. общего населения), не может быть включен в Османскую империю. “Для безопасности всего грядущего мира в Азии, — говорил Венизелос, — должно быть образовано только маленькое турецкое государство с собственной столицей”. У слушателей возникал опять вопрос — где? Но тут Венизелос умолкал. И мы тоже.

Казалось, учтено было и мнение Д. Ллойд Джорджа, что “турок является чумой и проклятием тех мест, где раскинул свою палатку”, и любимая погремушка Вильсона из 14-ти пунктов.

Однако претензии Венизелоса на Смирну (и это — кроме Фракии) показались Вильсону чрезмерными; о судьбе Стамбула и Босфора в греческой трактовке президент, выступая, вообще промолчал. Когда же Ве-

низелос вновь взял слово и уточнил, что в интернационализируемую зону Проливов должны войти Скутари (Ускюдар), “отданный” Англии еще в 1915 г., и весь Большой Стамбул, а также округа — санджаки вдоль Босфора и Дарданелл и даже часть Брусского санджака, т.е. территории, которые “присмотрела” для себя Франция, западные державы дружно похоронили предложения греческого премьера в комитете экспертов. Причем в напутственной резолюции Совета десяти о Стамбуле не было ни звука.

Англия и Франция уже занимали своими войсками наиболее перспективные для них области распавшейся империи. Стамбул и Армению они решили отдать под мандат США, в основном были согласованы размежевания в Африке и на Арабском Востоке. Не прошло и месяца, как на исходе февраля 1919 г. судьба османского наследства, казалось, была решена европейскими и американскими душеприказчиками “больного человека на Босфоре”. Однако на частных или полуофициальных встречах вновь и вновь проходили дискуссии по поводу того или иного “предмета” из этого наследства.

26 февраля 1919 г. на заседании Совета десяти был заслушан лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян с требованием к державам обеспечить создание “Армянской демократической республики” с выходом к Черному морю и с включением в ее состав некоторых турецких анатолийских земель. Это вызвало оживление у слушавших его учредителей нового порядка.

Эмир Фейсал из Аравии, еще не Саудовской, но вполне проанглийской, требовал примерно того же — исключительно широкого территориально арабского государства к югу от линии Диарбакир—Александретта. Его слушали — не так внимательно. Державы решили судьбу больших арабских вилайетов как оторванных от остающейся османско-турецкой части, и, кроме того, арабы были слишком далеко от Красной России, а армяне... Было над чем поразмыслить антантовским стратегам.

В марте 1919 г. слово (покороче, покороче, пожалуйста!) было предоставлено лидеру курдских националистов Шериф-паше. Его слушали вообще вполуха, а уж ассирийцев, пытавшихся требовать возвращения на утраченные в связи с войной родные земли, слушать и вовсе не стали.

— Время ланча, знаете ли. Успеется... — Так и “позабыли” целый народ, который и сейчас, в 1995 г., разделен между пятью-шестью государствами. В аналогичном положении остались и курды. Миллионные этносы! А на дворе XXI век и вопросы без ответов.

Упомянуть эти, формально не входящие в канву нашего повествования, сюжеты необходимо, чтобы оттенить значение выступления турецкой делегации. Следует заметить, что до мая 1919 г. никто и не вспоминал, по крайней мере вслух, *о существовании все еще суверенной Османской империи*, и ее представителей на конференции не было. Это отнюдь не означает безразличия или неведения Стамбула в отношении переговоров в Париже.

В Стамбуле не только знали об основных поворотах в работе конференции, но и готовились раньше или позже принять в ней участие. Готовились султан и его кабинет к этому довольно гибко и осторожно. Негласно поощрялась деятельность общественного движения в пользу американского мандата — “Вильсоновская лига”. Упоминавшийся выше “Милли конгресс” — “Национальный конгресс” — пропагандировал идею возрождения Турции с помощью иностранного государства и под его контролем (все понимали — Соединенных Штатов). Заметим, что это происходило на фоне широко афишируемых проанглийских симпатий султанского кабинета.

Постепенно, но последовательно султанат отделял себя от младотурецкого режима и его военной авантюры. “Мы теперь другие”, — начал повторять султан Мехмед VI. И в доказательство передал пост главы кабинета великому везиру (он же премьер-министр) Дамаду Ферид-паше. Большой лояльности перед Лондоном придумать было трудно. Великий везир всецело нахо-

дился под английским — даже не влиянием, а управлением. Современники-турки поговаривали, что ставка великого везира уже не Высокая Порта, а Британская Порта. Каламбур заключался в употреблении слова “порта” — врата. В турецком оригинале Баб-и Алиё — Ингилиз-и Алиё (по тогдашней прессе). Выпускник Оксфорда и прекрасный игрок в регби (в молодости) Ферид-паша был представителем родовитой османской знати. Приставку к имени “дамад”, т.е. зять султана, он носил с гордостью и олицетворял в проантантовских кругах стабильность и верность старому османскому прошлому, которое было под контролем держав. В интервью 21 января 1919 г. в газете “Le Journal des Débats” он заявил: “война — это дело рук нескольких преступников, которыми Турция была втянута в войну без всякой на то внутренней необходимости”.

Отметим одно обстоятельство. Несколько сменившихся друг друга кабинетов признавали ответственность Османской империи за участие в первой мировой войне — то, что называли в мировой печати “виной войны”. Однако, начиная с кабинета Тевфик-паши, все они возлагали строго персональную ответственность на конкретных деятелей младотурецкого комитета и лиц из высшего звена султанской администрации в Анатолии, лично виновных в нарушениях “права войны”, т.е. совершивших или поощрявших преступные акции в отношении граждан союзных держав (Антанты) и военнопленных; к виновникам относились также организаторы массовых репрессий.

Так реализовался в Османской Турции тезис парижской конференции о “виновниках в войне”.

Первые, т.е. непосредственные виновники войны, фактически ушли от наказания, либо были вне пределов досягаемости: Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша и Джавид-бей. Разрыв отношений Германии с Турцией 24 декабря 1918 г. положил конец вопросу о выдаче немецкой стороной скрывавшихся в Германии лидеров младотурок. На трех публичных процессах в апреле—июле 1919 г. были осуждены как “виновники

войны” и как “виновники в войне” приговорены к смертной казни все члены триумvirата, а также мутассарыф (губернатор) Токата Кямилъ Махмуд-паша, инициатор и участник расправ над армянами. Публичная казнь Махмуд-паши через немислимо позорное для мусульманина повешение стало своего рода искупительной жертвой всего младотурецкого руководства. Мир ислама на Ближнем Востоке содрогнулся от ужаса. Другие, как например духовный глава мусульман Турции, или шейх уль-ислам периода войны Муса Кязим-эфенди, как упоминавшийся нами бывший министр внутренних дел и посол в Стокгольме Исмаил Джанбулат-бей, имевший мужество вернуться из тихой нейтральной Швеции в горящий Стамбул в конце 1918 г., получили различные сроки каторжных работ. И несли наказание с достоинством мучеников за правое дело.

Эти процессы, гласное, опубликованное в западной прессе признание вины за устранившимся с политической арены младотурецким руководством давали султанскому кабинету моральное право обратиться к Парижской мирной конференции с приличествующим заявлением.

Наконец, 17 июня 1919 г. великий везир как глава кабинета был выслушан Советом десяти. “Я не посмел бы предстать перед столь высоким собранием, — начал он, поглаживая бороду, свою пространную речь, — если бы думал, что османский народ в какой-либо степени разделяет ответственность за войну, опустошительную, огнем и мечом поразившую Европу и Азию”. Речь последнего великого везира великой империи Дамада Ферид-паши была составлена в духе османской дипломатии XIX в.: цветисто, торжественно (сам Ферид-паша выглядел очень достойно и благообразно в своей полуевропейской одежде, но в феске и с холеной, подкрашенной хной бородой).

Манерой и содержанием речи, рассчитанной на сочувствие Америки, Англии и Франции, он напоминал картину заседания международной конференции в Стамбуле в декабре 1876 г., когда провозглашением первой конституции Высокая Порта надеялась предотв-

ратить вмешательство держав в подавление освободительного движения в Европейской Турции. Времена ныне были другие. Ферид-паша скоро ощутил явное невнимание конференции к своей преамбуле и перешел к сути дела.

Остановившись на проблеме “вины войны”, он фактически предложил приравнять младотурецкий геноцид в отношении христиан Османской империи к “страданиям и бедствиям трех миллионов мусульман империи”. В такой постановке проблемы в отношении резни армян и греков стамбульский режим выглядел как бы и сам пострадавшим; довольно логично прозвучала и следующая мысль великого везира: надо признать старый добрый принцип статус-кво в отношении Османской империи в границах 1913 г.

Это должно было, как полагал Ферид-паша, понравиться Англии и Франции и напроочь отбросить греческие и итальянские притязания на территории в Малой Азии. Тем более что возврат в османское лоно земель в Западной Фракии — очевидная мелочь (для османского трона) по сравнению с тем, что в “турецком вопросе затронуты интересы, — как подчеркнул Ферид-паша, — трехсот миллионов мусульман всего мира”.

Вообще-то, панисламизм в речи великого везира звучал многократно, но звучал пронзительно и одиноко, как призыв муэдзина к первому намазу в предрассветной тишине Стамбула.

Далее Ферид-паша вдохновенно говорил, что мусульмане Османской империи и других стран Востока неразрывно связаны со Стамбулом как столицей Османской империи и одновременно — центром халифата. Причем “чувствами и узами более глубокими, чем национальные принципы”. Он говорил, что по обе стороны Тавра (он имел в виду прежде всего турок и арабов) “людей связывают одни и те же идеалы, воззрения и материальные интересы”. То, что Дамад Ферид-паша вещал о единстве семьи османских народов, распад которой был бы “тибельным для мира и спокойствия на Востоке”, должно было относиться и к араб-

ским, и к европейским владениям Османской империи периода до начала первой мировой войны.

Беликий везир неожиданно умело прошелся по большевизму и, чтобы сделать приятное Вильсону и его коллегам по интервенции в России, справедливо усмотрел в нем общность с анатолийскими кемалистами — революционерами, покушавшимися в равной мере в России и в Турции на священные принципы собственности. Он отметил всеобщее внимание “народов империи” к “14 пунктам”, но желания принять какой-либо мандат отнюдь не выказал и остался в этом вопросе на уровне общих деклараций о важности понимания и помощи со стороны держав в деле восстановления престижа и значения Османской империи в послевоенном мире.

Интерес к выступлению великого везира в слушателях, а ими, напомним, были члены Совета десяти, временами разгорался, но быстро угасал, как гаснет огонек в кальяне, который не потягивает курильщик. А ждали западные делегации от выступления Ферид-паши много, каждая — в свою пользу. И вот почему.

Еще 13 мая 1919 г., после того как “Большая тройка” уверовала, в очередной раз неудачно, в скорое падение большевиков в России и, более удачно, в подписание немцами предложенного им Версальского мирного договора, а греков утешила разрешением на оккупацию Измира, было решено обратиться к турецкому вопросу. К этому времени США санкционировали захват Египта Англией и английскую оккупацию (в перспективе) Ирана. Быстро была согласована, как мы видели, общая идея — прекращение турецкого суверенитета над Стамбулом, Проливами и Мраморным морем, над всей Европейской Турцией. Мандат на управление ими, а также на Армению, должен был получить американский президент (скорее всего).

Раздел Малой Азии вызвал тогда же, в мае 1919 г., острые дебаты между Клемансо и Ллойд Джорджем; тем более что надлежало (по мнению В. Вильсона) уделить что-то и Италии, в противовес Греции. Греческие

войска тем временем 15 мая 1919 г. начали высадку в Измире, сопроводив ее массовыми убийствами мирного турецкого населения. В тот же день, 15 мая, итальянцы высадили войска к югу от Измира, в “греческой зоне”, чем крайне досадили “Большой тройке”, спутав им красиво сданные карты раздела Турции. О массовых жертвах среди местных турок пресса Запада в те дни молчала, как бы не замечая дикого насилия “цивилизованных” греков и итальянцев над “дикими турками”.

В. Вильсон в этой ситуации еще раз проявил себя виртуозом игры на турецком барабане. Не сомневаясь, что остаткам султанских войск не устоять перед массивным вторжением греческих войск, застоявшихся и явно превосходивших их в вооружении, он заговорил о сохранении за султаном Мехмедом VI “трона и места” — Стамбула.

Исполнил свою партию на ударных и Ллойд Джордж. 17 мая 1919 г. перед “Большой тройкой” предстала заблаговременно вызванная им из Индии делегация в составе представителей индийских колониальных властей и Мусульманской лиги.

Члены делегации (и англичане, и индийцы) дружно просили оставить Стамбул за турецким султаном-халифом, которого “любят и почитают все индийские мусульмане”; прозвучало недвусмысленное предостережение о непредсказуемых волнениях в исламском мире, если халиф-султан падет, а Османская Турция будет расчленена между европейскими державами.

Угроза была достаточно реальная, если учесть массовые антибританские волнения в 1919 г. в Северной, Северо-Западной и Центральной Индии. Султан-халиф мог бы своим авторитетом оказаться весьма полезным для сдерживания страстей в Британской Индии.

Д. Ллойд Джордж во время речей индийской делегации умело делал вид неожиданности и потерянности, “почти все время подпирал голову рукой, как бы в состоянии глубокого размышления”, — записал не без ехидства член итальянской делегации А. Марескотти.

Однако принстонский профессор тоже умел играть в “две лузы от борта”. Вильсон пару дней пребывал якобы в волнении, был под глубоким впечатлением речей, прозвучавших из глубин Востока о турецком суверенитете, о правах азиатских наций на самоопределение. Он пошуршал многочисленными вариантами решения судьбы Стамбула в своей стальной шкатулке и 19 мая 1919 г. изрек: султана-халифа надо обустроить в Стамбуле на манер Папы Римского в Ватикане, а Франции передать право на заключение с султаном прямого договора, без Лиги Наций. О французском контроле (Вильсон деликатно назвал это “советами” в области экономики и внешних сношений) следовало поговорить отдельно.

Искушенные в больших дипломатических играх Клемансо и Ллойд Джордж дружно восхитились профессорской мудростью президента, но попросили его изложить все это на бумаге. И добились своего. В середине мая заседания “Большой тройки”, по замечанию американского эксперта, были больше похожи на “первоклассную собачью драку”, чем на переговоры руководителей великих держав.

Все они хотели разодрать на куски Малую Азию, рычали друг на друга, но притом все боялись всех: русских большевиков на Севере, турецких националистов в Анатолии, греков в Измире, мусульман во всем мире, да заодно и друг друга. Появлялись проекты — сюжеты с двумя султанами (на юге и на севере Анатолии); возникали проекты “легкого мандата” для США на Анатолию; временного мандата, тоже для США, — на русское Закавказье и на весь Кавказ. Францию и Англию пьянил запах нефти в мусульманских странах, над всеми витал дух соглашения 1915 г. “Сайкс-Пико” — цветные зоны раздела Турции ласкали глаза победителей, тем паче, что “русский кусок” был за ними.

Мудрый Клемансо опомнился первым и 30 мая 1919 г. предложил пригласить турок. Ллойд Джордж поддержал идею немедленно, а Вудро Вильсон несколько заколебался. Тогда Ллойд Джордж пустил в дело балканский фактор.

Он сказал президенту, что с турками надо поговорить напрямую, что есть еще и такая проблема, как вопрос о Фиуме (Риеке) и, если Риеку отдать сербам ("южным славянам"), то не окажется ли лет через пять Россия на берегах Адриатики...

Вильсона эта перспектива заставила содрогнуться, и он категорически заявил, что "Россия будет заперта в Черном море, благодаря тому, что какая-либо другая держава будет владеть Босфором и Дарданеллами". "Ручной султан" и "управляемые", лучше сказать, направляемые турки, хорошо напуганные Грецией, в этот момент представлялись "Большой тройке" наиболее удачным выходом из лабиринта межсоюзнических противоречий.

Вот чем объясняется внимание к Дамаду Ферид-паше в начале его речи, нетерпеливое постукивание карандашами по столу в середине и возмущение в конце. Неблагодарные турки требуют имперского суверенитета! Президенту США выдержки и такта в крайне острых ситуациях не хватало. Он негодовал больше всех. Клемансо и Ллойд Джордж предлагали набросать хотя бы краткие условия мира, пока турки в Париже. "Их уже выслушали, — отрезал Вудро Вильсон, — а они обнаружили абсолютное отсутствие здравого смысла... Им лучше уехать"*.

На прощание турецкая делегация получила ноту от имени держав, в которой содержался надуманный и явно нелепый упрек в том, что турки-османы не имеют способности управлять другими нациями (как будто конференция выбирала управляющего именем). Другое положение ноты — относительно неумения турок

* Делегат от Италии, будущий итальянский премьер Франческо Нитти в своих мемуарах несколько недоумевающе отметил излишнюю, на его взгляд резкость в оценках союзниками выступления Дамада Ферид-пашы. Лично на Ф. Нитти выступление произвело хорошее впечатление. "Турецкое население, — писал он, — способно к прогрессу и развитию не только в вопросах внешней цивилизации, но и реальной культуры". Оценивая в общем позицию союзников, Ф. Нитти писал: "Вся программа Антанты в турецком вопросе лишена какого-либо руководящего принципа, диктовалась ее крайним расположением к Греции". (См.: Нитти Ф. Европа без мира. Пг., 1923. С. 135, 138.

“осваивать мирным путем то, что было завоевано с оружием в руках”, — также было демагогическим приемом. За ним можно увидеть идеи Ллойд Джорджа: турки якобы не умеют вести хозяйственную жизнь, и заброшенные пустыни Малой Азии нуждаются в греках и итальянцах, и там достаточно для них места*.

Обещание в будущем войти в контакт с турецким правительством, когда наступит благоприятный момент, означало не более чем небрежное “прощайте”, перед тем как окончательно захлопнуть дверь за уходящими в небытие османами...

В конце июня 1919 г. Парижская мирная конференция еще несколько раз возвращалась к турецкому вопросу. Однако обсуждение мирного договора было отложено, поскольку оставалось неясным — возьмет ли президент США, наконец, предложенный ему мандат на управление зоной Стамбула и Проливов. В. Вильсон уклонялся от прямого ответа и переводил разговор на будоражившую всех тему укрепления у власти большевиков в России и на неопределенную, нескончаемую проблему итальянских притязаний...

По верному замечанию А.Ф. Миллера (1947), известного российского турколога, которого я не раз упоминал, вопрос о Стамбуле и Проливах, “начиная со второй половины 1919 г., рассматривался Парижской конференцией уже не как окончательно решенный в пользу США, а как проблема, требовавшая изучения”.

3. Наследники предъявляют права

Пока в Париже шли нескончаемые переговоры о разделах османского наследия, в Анатолии набирался сил

* Сходные мысли он высказывал и несколько позже. Так, в речи, произнесенной в Эдинбурге 27 мая 1923 г., Д. Ллойд Джордж заметил, что в хаосе послевоенной разрухи во всем мире “один Турок почти не изменился и, хотя перенес новую ампутацию, сохранил достаточно жизненных сил, чтобы избывать христиан независимо от их названия и племени и быть предметом тревоги для всего остального мира”. См.: Ллойд Джордж. Европейский хаос. М.-Л., 1924. С. 112, 142.

подлинный правопреемник Высокой Порты — турецкие национальные организации.

На конгрессах революционных организаций кемалистов в Эрзеруме (август 1919) и в Сивасе (октябрь 1919 г.) принимались обтекаемые резолюции о желательности помощи со стороны “незаинтересованной державы”, как подчеркивалось, меньшевистскому движению за спасение Турции; много говорилось о необходимости беспристрастного изучения таковой державой (иногда прямо называли США) положения дел в Анатолии “до произвольной передачи народов и территорий Османской империи по мирному договору”.

Миссии в Анатолию, предпринятые американцами (Кингом-Крейном, Дж. Харбордом, Эд. Брауном), французами (миссия Берты Жорж-Голи и Жоржа Пико), а также англичанами, проводились, как правило, либо в тайне друг от друга, либо с сокрытием итогов. Эти миссии вызывали взаимное недоверие у держав — участников переговоров — и разочарование у кемалистов.

Белое движение в России к началу 1920 г. уже не имело перспектив. Красная Армия шла к победе. Движение кемалистов крепло. Ставка держав на греческую армию против кемалистов провалилась, равно как и ставка на интервенцию держав Антанты в Россию.

Позиции В. Вильсона в Сенате США оказались подорванными, поскольку его предложение о ратификации Версальского договора 18 ноября 1919 г. провалилось. Парижские мирные переговоры в вопросах, касавшихся судьбы Проливов и Стамбула, материковой Турции с октября 1919 г. фактически шли без участия американцев. Судьба “османского наследства” перешла в руки трех решающих субъектов действия — Англии, Франции и кемалистского движения, которое с 28 января 1920 г., т.е. со дня принятия парламентом в Стамбуле “Национального обета” — декларации независимости на принципах революционного буржуазного демократизма, фактически контролировало ту часть Малой Азии, вокруг которой шли бесконечные дискуссии в Париже. Что касается султанского кабинета, то он

стремительно терял авторитет, особенно после неловких попыток Дамада Ферид-паши скрыть свое постыдное изгнание с Парижской мирной конференции.

Новый султанский кабинет под руководством Али Риза-паши в ноябре 1919 — марте 1920 г. сосредоточил усилия на противодействии кемалистам, сделавшим своей столицей Анкару, и на создании благоприятных условий расквартирования в Стамбуле и на берегах Мраморного моря дополнительного контингента (высадка 16 марта 1920 г.) английских оккупационных войск. Английские войска, как было провозглашено в подконтрольной оккупантам и султану прессе, вводились “в наказание за нестабильность в Стамбуле и зоне Проливов”.

О каком порядке и о какой “стабильности” могла идти речь, когда в самой взрывоопасной зоне Ближнего Востока периода Версальских мирных договоров действовали три взаимопротиворечивших и соперничавших в ограблении города и окрестностей администрации. Кроме османской (султанской) администрации, в Стамбуле расположились со своими органами управления четыре верховных комиссара (английский, французский, итальянский и греческий), два главнокомандующих (англичанин и француз). Напомним, что еще 11 января 1919 г. из Белграда в Стамбул была перенесена главная квартира Восточной армии Антанты. Упомянутые выше комиссары по одной неделе, по очереди, кроме грека, управляли пороховой погребом с населением около миллиона человек (причем более чем дюжины национальностей), готовых в любой момент к взрыву негодования. «Как еще тут все не перерезали друг друга на той или иной, “французской” или “английской” неделе», — удивлялся корреспондент газеты “The Time” в номере от 3 апреля 1919 г.

Введение дополнительных английских войск в Стамбул в марте 1920 г. должно было перевести в практическую плоскость затянувшийся процесс оформления мирного договора с Турцией. Точнее говоря, в формирование раздела “турецкого имущества”.

В такой тональности шли англо-французские переговоры в Лондоне в декабре 1919 г. Произошел сдвиг в постановке вопроса о будущем Пропливах, султанатахалифата и Малой Азии. В британском кабинете возобладали позиции тех сил, которые ратовали за подконтрольного Лондону послушного султана-халифа: чтобы его можно было использовать и в остатках Турции, и в связи с управлением действительно многомиллионной массой мусульман в британских колониях, раскинувшихся от запада Африки до Бенгалии, а также и против Советской России. Британские войска в Пропливах должны были стать, по мнению вновь занявшего пост военного министра Уинстона Черчилля, постоянным фактором в такой расстановке сил*.

Во Франции дискутировался вопрос не общего характера: как быть с Турцией, а конкретный — как использовать традиционное влияние Франции, чтобы в Малой Азии создать сильную Турцию, возможно, даже в противовес, по мнению газеты “Le Journal de Paris” (в номере от 3 января 1920 г.), “положению, которое может возникнуть на Босфоре от соприкосновения с прикладом британской винтовки”.

* * *

Такой поворот в отношении к Турции в известной мере соответствовал взглядам Совета глав делегаций странпобедителей на способы борьбы с Советской Россией. В январе 1920 г. было принято решение Совета о снятии блокады с портов России и о возобновлении торговли с ней через кооперативы при одновременной поддержке оружием и товарами вооруженной антисоветской деятельности в Закавказье и на западных границах России. При этом методы прямого удушения ке-

* “По сравнению с Германией Россия представляет меньшую важность, но по сравнению с Россией, — писал Уинстон Черчилль, — Турция совсем не важна”. См.: Черчилль В. Мировой кризис / Перев. с англ. М.-Л., 1932. С. 259.

мализма и параллельно большевизма отнюдь не исключались.

Как заметил известный политический деятель Ф. Нитти в книге "Европа без мира", Греция и Польша были краеугольными камнями Антанты. После весенней распутицы 1920 г. должен был начаться "третий поход" Антанты против Советской России. В Измире греческие войска готовились к решительному рейду в глубь Анатолии. Другая греческая армия была нацелена на Адрианополь (Эдирне).

Очевидно, что в этих условиях сохранение султана-халифа и подписание с ним мирного договора приобретали для Антанты значение первоочередных задач.

К тому времени в Европе стал широко известен в переводах "Национальный обет" кемалистов от 28 января 1920 г., который требовал не только предоставить Турции полную независимость в границах Мудросского перемирия 1918 г., но и оградить Стамбул, Проливы и Мраморное море "от какого бы то ни было иностранного посягательства".

Спустя четыре месяца, 23 апреля 1920 г., в Анкаре открылось Великое национальное собрание Турции, провозгласившее себя всенародно избранным верховным органом власти в стране. Двоевластие — султанский Стамбул, затихший под английским прикладом, и восставшая, воодушевленная первыми успехами Анкара Мустафы Кемалю, — породило в политических комбинациях держав очередную серию предложений.

Одно из них — немедленно разработать проект мирного договора с Турцией. Дело в том, что парижская мирная конференция приняла на своем последнем заседании 21 января 1920 г. основные позиции мирного договора, известного под названием Севрского. Они были вручены турецкой (султанской) делегации, включавшей известных нам Тевфик-пашу и Дамада Ферид-пашу, в Париже 11 мая 1920 г.

Общие черты мирного договора с Турцией были согласованы между Ллойд Джорджем, а также сменившим Клемансо Мильераном и итальянским премьером

Ф. Нитти при активном участии Венизелоса на конференции в Лондоне 15—17 февраля 1920 г.

Стамбул и Проливы было решено отдать под фактический контроль Англии при условии, что режим Проливов будет регулировать “международная комиссия с административной и финансовой властью”. Фактически — Компания Черноморских Проливов с весьма узким составом: Англия, Франция, Италия и, “при определенных обстоятельствах”, США.

Стамбул оставался бы не более, чем “султанским Ватиканом”, где султан-халиф имел бы только личную охрану, но ни власти, ни войск.

Границы будущей крохотной султанской Турции проектировались по линии Энос-Мидия (или Чаталджи) в Европе, по границе дашнакской Армении в Анатолии, по реке Джейхун на юге, а далее линия границы шла севернее линии Антеб—Урфа—Джезире-аль-Омар. Все аравийские территории, Сирия, Палестина, Ирак, Эгейские острова, даже зона Измира должны были отойти к державам. Разрабатывалась, кроме того, мощная система европейского военного и финансового контроля над печальными обломками великой империи. Турция вступила в первую мировую войну, имея население 21,5 млн человек при 1.792 тыс. км² территории (после всех потерь в итоге Балканских войн). Если бы вошел в силу Севрский договор со всеми ограничениями, Турция (ее тень!) осталась бы на площади в 400 тыс. км² при 8-миллионном населении.

В апреле 1920 г. в Сан-Ремо (Италия) Англия, заняв место главного распорядителя османского наследства, добилась от союзника окончательного согласия на подписание договора с султанским кабинетом. Тогда-то и отправился в путь торжественно напутствуемый султаном “Восточный экспресс” спецрейсом Стамбул—Париж.

Турецкая делегация ознакомилась с предложенным проектом Севрского договора, содрогнулась и попросила время для ознакомления с огромным томом в 433 статьи (13 разделов). Экспресс прибыл обратно в Стам-

бул глубокой ночью, на запасную ветку вокзала и уже без всякого торжества.

Возмущение проектом договора в Турции было всеобщим, если не считать притихшего, согласного на все султанского дворца. Анкарское правительство Мустафы Кемаля объявило 7 июня 1920 г. недействительными все прежние договоры Османской империи; естественно, и речи не могло быть о признании Севрского договора.

Навязать Севрский договор Анкаре можно было только силой. Казалось, для этого были все условия. Из района Измира на восток, в Анатолию наступали греки. В Анталье стояли итальянцы; на крайнем востоке Анатолии решали с оружием в руках свои проблемы закавказские группировки, готовые обрушиться и на турок. Черное море блокировал англо-французский флот. Европейская Турция и зона Проливов со Стамбулом были полностью отрезаны от Анатолии и блокированы Антантой.

Однако разгром кемалистами султанских формирований ("халифатской армии"), сокрушительный разгром греческих интервентов и, конечно, не в последнюю очередь, первое международное признание анкарского правительства (советско-турецкий "Договор о дружбе и братстве" от 16 марта 1921 г.) определили перелом в позиции англо-французской дипломатии.

В феврале—марте 1921 г. была предпринята попытка со стороны дипломатов Англии и Франции, во-первых, нащупать компромиссное решение проблемы признания Севрского договора и султанатом, и кемалистами. Во-вторых, отвлечь Анкару от быстро налаживавшегося взаимопонимания с советскими республиками.

Современная турецкая историография считает, что второе направление было для держав более важным. В последней работе турецких военных историков, посвященной геополитическим воззрениям Ататюрка (1991), отмечено как проявление действительно стратегического уровня предвидение Мустафы Кемаля

о необходимости избегать вовлечения в ловушки заманчивых предложений держав в Анкаре в 1921 г.

Держав-победительниц в ходе состоявшихся переговоров представляли: Англию — Д. Ллойд Джордж и Дж.Н. Керзон, Францию — А. Бриан и Бертелло, Италию — Сфорца и Мартино, присутствовали представители Греции и Японии. По свидетельству турецких исследователей, стамбульская делегация в самом начале работы конференции признала, что вторая делегация — от Великого национального собрания Турции — представляет не только кемалистов, но и всю страну.

Первые выступления греческих представителей (премьер-министр Калогеропулос и генерал Сариянис от Действующей армии Греции) свидетельствовали о непреклонном намерении Греции разбить кемалистов и заставить их признать Севрский договор.

Основания для этого, как считал Сариянис, были: 120-тысячная греческая армия против менее чем 60 тыс. партизан-кемалистов, или “насиленно завербованных и обманутых”, как он говорил, анатолийских крестьян. Английские и французские эксперты, а среди них были участники боев против турок, как например генерал Таунсенд, предостерегали конференцию от опрометчивых оценок сил кемалистов, отмечая, что речь идет о народном движении. Выступление анкарской делегации было выслушано после этого с гораздо большим вниманием.

Четыре пункта главы анкарской делегации Сами-бея были, по существу, требованием восстановить статус-кво периода до августа 1914 г. Он предложил вернуться к границам Европейской Турции 1913 года, гарантировать интегритет и суверенитет Турции при условии соблюдения свободы судоходства в Проливах, сохранить за Турцией права на военно-морской флот и, наконец, ясно и четко признать капитуляции недействительными.

Четыре пункта Сами-бея отражали непримиримую позицию кемалистов в отношении разгромной сущнос-

ти Севра, которая была поддержана в широких кругах Анатолии и была личной позицией Мустафы Кемалю.

Популярностью пользовалась тогда у турок лубочная картинка, изображавшая султана в традиционной одежде, его великого везира и воина латника — джебелю, которые вместе с хорошо узнаваемым М. Кемалем и его сподвижниками попирают обрывки с надписью: Севр-договор. Султан при этом пожимает руку Кемалю, а за плечами у обоих величественный вид Стамбула — Босфор, минареты...

Учтя яростное, но не очень убедившее конференцию выступление греческих делегатов, и очень твердое, но выдержанное в достойных тонах большой политики выступление анкарских представителей, лондонская конференция приняла решение смягчить условия Севра. Доступ в Лигу Наций был открыт именно кемалистским силам, а упоминание об изгнании турок из Стамбула и Европы было снято.

Кроме того, было решено создать Комиссию по юридическим реформам с участием кемалистов; создавались условия для сохранения за турками не только Стамбула, но и зоны Проливов; оккупационные войска подлежали эвакуации. Однако в Измире греческие войска сохранялись, и это послужило, наряду с неопределенностью положения в Западной Анатолии, Курдистане и в зоне армяно-турецких контактов, основанием для того, чтобы Анкара отказалась принять смягченные, но все еще кабальные условия мирного договора. Греция также отклонила проект Лондонской конференции.

На этом этапе произошло то, чего Мустафа Кемаль не ожидал. Бекир Сами-бей сделал уступки державам, не санкционированные Анкарой. Он наметил пути к военно-политическому блоку с Польшей и Францией против Советской России. Договорился с представителями Франции и Италии по серьезным экономическим проблемам; с Англией в предварительном порядке об обмене военнопленными и о формах контроля британских консулов за деятельностью турок на территории

Анатолии в аспектах (экономического плана), затрагивавших интересы Англии, а также о том, чтобы найти пути сближения с антисоветскими силами на Северном Кавказе. Мустафа Кемаль расценил эти условия как неприемлемые.

Анкарское правительство дезавуировало все соглашения Бекира Сами-бея в Лондоне и подтвердило непреклонную решимость бороться с греческой интервенцией и не признавать Севрский договор. По оценке экспертов из Средиземноморского отдела Главного командования вооруженных сил Турции (1982 г.), опора Мустафы Кемалья в 1921 г. не на англо-французские предложения, сулившие немедленные, но краткосрочные выгоды, а на договоры с Россией, с Афганистаном (и, добавим мы, с Бухарой) и на последовательную стратегию отказа от неравноправных соглашений обеспечила Турецкой республике выигрыш геополитического характера.

Д. Ллойд Джордж мог сколько угодно негодовать. Он проклинал несчастную обезьянку, укусившую за палец греческого короля Александра, от чего тот вскоре скончался, а в Греции во главе “героического, но безрассудного марша по ущельям Малой Азии” оказался “полупомешанный греческий главнокомандующий, подлежащий, — как бранился Ллойд Джордж, — медицинскому освидетельствованию”. Он ругал негодников-французов, подписавших в Анкаре 20 октября 1921 г. сепаратный договор с кемалистами и тем самым прекративших состояние войны Франции с Турцией и, следовательно, вышедших из числа участников Севрского проекта раздела турецких владений. Он негодовал по поводу серии договоров Анкары с Грецией, Арменией, Азербайджаном и Украиной (13 октября 1921 г., 2 января 1922 г.). Все было тщетно.

20 сентября 1922 г. Генеральный штаб греческой армии, последней надежды Антанты на удачный раздел “османского наследия”, издал идеально отражавшее ситуацию своей краткостью коммюнике: “Операции в Малой Азии закончены”.

Интервенция против кемалистов окончательно провалилась, наследство Османов было в руках законных наследников.

Правда, возник еще один так называемый Чанакский кризис (сентябрь 1922 г.), когда кемалистские войска создали непосредственную угрозу дислоцированным в зоне Проливов и Европейской Турции англо-французским войскам. Однако М. Кемаль проявил достаточно здравого смысла и удержал своих командиров от решающей атаки, в которой они, конечно, были бы победителями, но молодое турецкое государство оказалось бы под угрозой массированного вторжения войск Англии и Франции. В Лондоне, и особенно в Париже, тоже возобладали методы мирного соглашения с быстро усилившимся прямым наследником османского наследства.

Д. Ллойд Джордж тогда скептически заметил, что в турецкой политике Антанты от "Севра до Муданьи происходило отступление. От Муданьи до Лозанны — повальное бегство". Так ли это?

3—11 октября 1922 г. в тихом зеленом городке Муданья верховные комиссары Англии, Франции и Италии встретились с личным представителем Мустафы Кемалья, с овеянным славой спасителя отечества Исмет-пашой (Инёню), который кроме военных чинов получил должность министра иностранных дел. Греки прибыли с опозданием, и их никто в сущности не замечал; переговоры шли с победителями-кемалистами. Проливы, Стамбул и Восточная Фракия были возвращены туркам, но туркам-кемалистам.

Антанта потерпела фактическое политическое, а Греция — еще и военное поражение. Многочисленные проекты мирного договора с Турцией годились разве что в стальную шкатулку Вудро Вильсона — для истории.

Окончательное решение турецкого вопроса было найдено на Лозаннской мирной конференции (20 апреля

1922 г. — 24 июля 1923 г.). На сей раз присутствовали все участники великой трагедии, кроме Германии — Англия, Франция, Италия, Япония, Греция, Румыния, советские Россия, Украина и Грузия. Приехал “наблюдатель” от США, было представлено Королевство сербов, хорватов и словенцев (т.е. будущая Югославия). В дискуссии о Проливах присутствовала Болгария. При обсуждении финансово-экономических вопросов — Бельгия, Португалия, Швеция, Дания, Голландия, Испания. Столь широкий состав участников и обстоятельность обсуждения свидетельствовали о международном признании нового субъекта в решении проблемы мирного договора — Турецкой республики.

Тем временем, по инициативе Мустафы Кемаля 1 ноября 1922 г. Великое национальное собрание приняло закон об отделении халифата от султаната.

Османская империя прекратила свое существование, но не по воле держав, предлагавших десятки вариантов ее спасения или упразднения в зависимости от задач собственной внешней политики, а по волеизъявлению самого турецкого народа. Подлинного и единственного правопреемника “османского наследства”.

Англия оказала последнюю услугу династии Османов. 17 ноября 1922 г. на борту крейсера “Малайя” тайно и спешно отбыл на Мальту в неизвестность и забвение последний султан Мехмед VI, с ним уехали члены семьи и несколько стариков-придворных. Уехали в прошлое.

В Лозанне, если судить по документам, никто об Османской империи как политическом субъекте уже не вспоминал. Обсуждали другое — ее долги и территории. Турецкая республика восприняла главное из османского наследства — признание ее государственной независимости и дальнейшей территориальной целостности.

Восточная Фракия, Стамбул, Проливы, зона Адрианополя, Измир, Киликия, Юго-Восток Анатолии, о-ва Имброс, Тенедос (Бозджа-ада), мелкие острова в трехмильной зоне от азиатского побережья Западной Анатолии оставались за Турцией.

Анкара отказалась от османских претензий на Ирак, Сирию, Трансиорданию, Палестину, Египет, Аравию, Ливию, Додеканезские о-ва и Кипр.

Подтверждалось, что фактически отмененные еще младотурками во время войны капитуляции утратили силу.

Сложным путем подсчетов распределялись османские долги между Турцией и балканскими государствами, образовавшимися в результате войн 1912—1913 гг. и войны 1914—1918 гг. Окончательное соглашение по долгам еще предстояло согласовать.

Ограничения для Турции касались государственного долга, фиксированных таможенных пошлин. Нерешенным остался вопрос о Мосуле.

В целом, проблемы мирного договора были разрешены так, как они были поставлены кемалистами в “Национальном обете”. Турция сумела избежать репараций, что было очень важно для ее разрушенной экономики.

Договор в своей части о Проливах предусматривал свободный проход торговых и военных судов через Босфор и Дарданеллы в мирное и в военное время, а равно их демилитаризацию. Стамбульский гарнизон жестко ограничивался. Контроль за режимом Проливов должна была осуществлять Международная комиссия с участием турецкого делегата. Некоторые ограничения по тоннажу военных судов, проходивших через Проливы, должны были сгладить неблагоприятный для Турции вариант решения судьбы Босфора и Дарданелл.

Отдельной конвенцией регулировался обмен населением между Турцией и Грецией, идея о котором была выдвинута еще в 1913 г. Из Малой Азии подлежало переселению до 1,5 млн греков, из Греции — до 0,5 млн турок. Стамбульские греки, о которых так много говорилось в 1919 г., остались на родине — в Стамбуле, в Турецкой республике.

23 августа 1923 г. Великое Национальное собрание Турции ратифицировало Лозаннский договор. Вскоре начался вывод оккупационных войск. 6 октября турец-

кие войска вошли в старинный город многих народов — Стамбул. Еще через три недели, 28 октября 1923 г. Турция официально была провозглашена Республикой. Прошло несколько месяцев, и последний атрибут Османской империи — халифат — был упразднен (3 марта 1924 г.).

Лозаннский договор держав с Турцией как с правопреемницей Османской империи, провозглашение республики и отделение светской власти от духовной, — все это наряду с международным признанием Турецкой республики, вступившей в равноправные договорные отношения с бывшими османскими территориями в Юго-Восточной Европе и в Азии, означало, что Восточный вопрос, судьба Босфора и Дарданелл и многое другое отошли в сферу исторической конфликтологии. Наступала новая эпоха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СОСЕДИ, СОЮЗНИКИ, ПАРТНЕРЫ

В двух соседних странах, противостоявших друг другу в мировой войне, народ, взявший в руки оружие, изменил, казалось, predetermined ход развития событий. Россия и Турция в первые послевоенные годы оказались перед выбором в равной мере жизненным: общественная система и внешнеполитическая ориентация. За Россию выбор сделали Ленин и большевики. Они призвали — среди прочих утопических идеалов — к самой большой и самой опасной утопии — к “мировой революции”. Антанта с ее интервенцией в Россию была главным и абсолютно реальным препятствием к мировому пожару.

Турция же стала одной из первых стран послевоенного общества, добившихся свободы и независимости с оружием в руках. Она стала своего рода символом борьбы Востока против колониализма, как Советская Россия — символом социального освобождения для трудящихся западного мира.

Выбор пути осуществлялся Мустафой Кемалем осторожно, без забеганий, характерных для северного соседа. Общим для соседей было создание единства действий на этапе разгрома внешнего врага — Антанты.

Мустафа Кемаль вполне отдавал себе отчет в том, что лозунги большевистской России с ее системой ценностей экспроприаторского свойства не найдут понимания в монархической, исламской стране. Но обе страны нуждались во взаимной поддержке. Советская Россия сдвинулась с твердокаменных позиций о возвращении

Западной, иначе — Турецкой Армении в лоно единой Армении, согласилась на переход в руки кемалистов Карса, Ардагана, ряда других спорных (точнее, захваченных у турок в прошлые войны) территорий (1921 г.).

В свою очередь, Мустафа Кемаль уже в первом письме от 26 апреля 1920 г. на имя Советского правительства выражал полную готовность бороться с империализмом до конца, привлекая Ленина идеей, которую Россия не смогла реализовать за полтысячелетия. А именно — предать вопрос о Босфоре и Дарданеллах на решение конференции причерноморских государств. Наконец, кремлевского мечтателя анкарский прагматик легко и просто “купил” идеей будущей самоопределяющейся “Турецкой” Армении, равно и “свободного” Курдистана, Лазистана с грузино-мусульманским населением, независимых арабо-турецких территорий.

Все это отлично вписывалось в ленинские мечтания о победе мировой революции и о создании защитного пояса из симпатизирующих Москве режимов на западных и южных границах России. К тому же альтернативный лидер — Энвер-паша, блестяще начавший карьеру вождя колониальных народов в походе на Индию, стал опасным и бескомпромиссным врагом большевизма в Средней Азии.

Мустафа Кемаль, отличаясь редкой трезвостью и расчетливостью, был готов на шаги демагогического характера. Вполне в стиле лидеров стран социалистической ориентации 1960-х — 1970-х гг., которые звонкой фразеологией платили за право припасть к валютно-оружейной московской кормушке, он затеял создать карманную коммунистическую партию. В одной из его зашифрованных телеграмм (31 октября 1920 г.) говорилось: “Нам становится все более ясным, что коммунизм широко распространяется в нашей стране. Мы знаем, что за этим стоят люди из-за рубежа, и если мы не предпримем нужные меры, то нарушится единство турецкого народа, которое так сейчас необходимо. Самым эффективным средством может служить включение наших известных и стойких соратников в процесс

создания коммунистической партии под контролем государства. Таким способом можно спланировать сторонников коммунизма под нашим началом”*

Когда провалилась попытка получить официальное признание этой государственной компартии в Коминтерне и соответственно подключиться к субсидиям в миллионы долларов и фунтов стерлингов “на дело мировой революции”, Мустафа Кемаль охладел к этой идее. Охладел настолько, что санкционировал ликвидацию (28 января 1921 г.) всего руководства промосковской компартии. ...Пройдет несколько лет, и Ататюрк даст приют, а может быть, возьмет под наблюдение опального российского революционера № 2 Л.Д. Троцкого и поселит его на острове в Мраморном море, где одно время (до 1915 г.) жил, работал репортером и разрабатывал планы переустройства мира на социалистический лад “учитель” Ленина и Троцкого некто Парвус (И.Л. Гельфанд).

Кажется, этим интерес Мустафы Кемалея к коммунистам исчерпывался. Со Сталиным они взаимных симпатий не испытывали и друг другу не доверяли. Особенно в вопросе о Босфоре...

В упоминавшемся выше письме в Советскую Россию от 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль недвусмысленно брал на себя обязанности бойца с гидрой контрреволюции. При условии военной помощи.

“Мы, — писал он, — принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти. Для того, чтобы изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию, и чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие

* Приношу благодарность генерал-майору академику В.А. Золотареву за эту информацию.

и боевые припасы в количестве, которое следует выяснить при переговорах, и кроме того, некоторые военно-технические средства и санитарный материал, а также продовольствие для наших войск..." (Письмо впервые было опубликовано на русском языке в журнале "Международная жизнь". 1963. № 11. С. 148).

Фактическое предложение военного союза было в Москве принято с удовлетворением.

Это был четвертый и пока последний военный союз между двумя народами (1799 г., 1805 г., 1833 г.). В первых двух случаях русско-турецкий союз спасал султанский трон от Наполеона Бонапарта; в 1833 г. — от мятежного подданного султана Мухаммеда Али Египетского.

Подписанный в Москве 16 марта 1921 г. договор был и для России чрезвычайно важным политическим и военным актом. *В зоне мирового геополитического напряжения, т.е. в зоне Черноморских проливов Советская Россия обрела первого военного союзника.* Оказывая помощь Анкаре, Москва демонстрировала врагу — Антанте — свои военные и финансовые возможности. Миру — уверенность в единении сил борьбы с империализмом.

Грузинские порты Батуми и Потти закреплялись за Советами, Баку — тоже. Кемалисты очищали территорию Армении, но получали Карс и Ардаган.

Когда исследователи справедливо высоко оценивали договоры 1921 г., обычно опускалась ст. VI, согласно которой все ранее заключенные русско-турецкие договоры аннулировались. Следовательно, и те, что регулировали границы, режим Босфора и Дарданелл и т.д. с 1774 г. по 1918 г. А ведь это были международно признанные договоры — Кючук-Кайнарджийский, Ясский, Бухарестский, Адрианопольский, Парижский, Сан-Стефанский и др. (Подробнее о них — в моих книгах. См. Библиографию).

Поскольку это был договор новых формационных структур, возникших на руинах Российской и Осман-

ской империй, к тому же заключенный в сверхзапутанное время складывания в мире принципиально другой, нежели это было до 1914 г., системы международных отношений, он заслуживает особого внимания.

Не будем забывать, что он не известен широкому читателю. А между тем *договор и сегодня регулирует отношения России с 60-миллионным динамично развивающимся соседним государством.*

Кроме того, очевидны новые постсоветские реалии — создание ряда независимых государств из числа советских республик (Украина, Армения, Грузия, Азербайджан). Тогда, в 1921—1922 гг., они подписали договоры с Турцией на основе Московского договора. Это был, во-первых, Карсский договор от 13 октября 1921 г. — единый со всеми тремя закавказскими республиками и полностью аутентичный Московскому. 2 января 1922 г. Советская Украина, которую формально представлял победитель белого движения на Юге М. Фрунзе, подписала Анкарский договор о дружбе и братстве.

Все они — действующие.

Все они — бессрочные.

Наконец, Московский, Карсский и Анкарский договоры были подписаны в условиях жесточайшего внутреннего кризиса большевистского региона — восстания моряков в Кронштадте, крестьянской войны в Центре и на Юге России. Вскоре Советская Россия перешла к НЭПу. Это была логика истории. Приведем основное содержание договора между Москвой и Анкарой от 21 марта 1921 г.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Правительство Великого Национального Собрания Турции, разделяя принципы братства наций и права народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и тот факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевляемые желанием ус-

тановить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве и назначили для сего своими уполномоченными:

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:

Георгия Чичерина, Народного Комиссара по Иностранным Делах и члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, и Джелал-Эддина Коркмасова, члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и,

Правительство Великого Национального Собрания Турции:

Юсуф Кемаль-бей, Народного Комиссара по Народному Хозяйству Великого Национального Собрания Турции, депутата Кастамони в том же Собрании, доктора Риза Нур-бей, Народного Комиссара по Просвещению Великого Национального Собрания Турции, депутата Синопа в том же Собрании и Али Фуад-пашу, Чрезвычайного и Полномочного Посла Великого Национального Собрания Турции, члена от Ангоры в Великом Национальном Собрании,

каковые, после обмена полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, согласились с нижеследующим:

Статья I

Каждая из Договаривающихся сторон соглашается в принципе не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою другая из Договаривающихся сторон. Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики соглашается не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием.

Под понятием Турции в настоящем договоре подразумеваются территории, включенные

в Национальный Турецкий Пакт от 28 января 1920 (1336) года, выработанный и провозглашенный Оттоманской Палатой Депутатов в Константинополе и сообщенный прессе и всем государствам.

Северо-восточная граница Турции определяется: линией, которая, начинаясь у деревни Сарп, расположенной на Черном море, проходит через гору Хедисмта, линией водораздела горы Шавшет — горы Канны-даг, она следует затем по северной административной границе Ардаганского и Карсского санджаков — по тальегу рек Арпа-чай и Аракс до устья Нижнего Карасу (подробное описание границы и вопросы к ней относящиеся определены в приложении I(A) и I(B) и на прилагаемой карте, подписанной обеими Договаривающимися сторонами).

Статья II

Турция соглашается уступить Грузии сюзеренитет над портом и городом Батумом и территорией, лежащей в северу от границы, указанной в статье первой нынешнего Договора, и составлявшей часть Батумского округа, при условии что

1) население местностей, указанных в настоящей статье, будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и население будет иметь возможность установить земельный закон, соответствующий его пожеланиям.

2) Турции будет обеспечен свободный транзит всяких товаров, отправляемых в Турцию или из нее, через Батумский порт, беспошлинно, без учинения каких-либо задержек и без обложения их какими бы то ни было сборами, с предоставлением Турции права пользоваться Батумским портом без взимания за то специальных сборов.

Статья III

Обе Договаривающиеся стороны согласны, что Нахичеванская область в границах, указанных в приложении I (C) настоящего Договора,

образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству.

В образующей треугольной зоне Нахичеванской территории, заключенной на востоке между тальвегом Аракса, а на западе линией, проходящей через горы Дагна (3829) — Велидаг (4121) — Багарзик (6587) — гора Кемурлю-даг (6930), линия границы указанной территории, начинающаяся от горы Кемурлю-даг (6930), переходящая через гору Серай Булак (8071) — станцию Арарат и оканчивающаяся у скрещения Карасу с Араксом, будет исправлена комиссией, состоящей из делегатов Турции, Азербайджана и Армении.

Статья IV

Обе Договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным и освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, безоговорочно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям.

Статья V

Дабы обеспечить открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов, обе Договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов будущей Конференции из делегатов прибрежных государств, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Константинополю.

Статья VI

Обе Договаривающиеся стороны признают, что все договоры, до сего времени заключенные между обеими странами, не соответствуют обоюдным интересам. Они соглашаются поэтому

признать эти договоры отмененными и не имеющими силы.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заявляет, в частности, что оно считает Турцию свободной от всяких к нему денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и царским правительством.

Статья VII

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, признавая режим капитуляций несовместимым с свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму.

Статья VIII

Обе Договаривающиеся стороны обязуются не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны, или части ее территории, равно как и пребывания групп, имеющих целью борьбу против другой страны. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство и в отношении Советских Республик Кавказа, при условии взаимности.

Считается установленным, что под турецкой территорией, упомянутой в настоящей статье, подразумевается территория, находящаяся под непосредственным военным и гражданским управлением Правительства Великого Национального Собрания Турции.

Статья IX

Для обеспечения непрерывности сношений между обеими странами, Договаривающиеся стороны обязуются принять по взаимному согласию все необходимые меры в целях сохранения и развития возможно скорее железнодорожных,

телеграфных и иных средств сообщения, равно как и обеспечения свободного передвижения людей и товаров между обеими странами, без каких-либо задержек.

Однако признается, что в отношении передвижения, въезда и выезда как путешественников, так и товаров, будут полностью применяться установленные в каждой стране на этот счет правила.

Статья X

На граждан обеих Договаривающихся сторон, находящихся на территории другой стороны, будут распространяться все права и обязанности, вытекающие из законов страны, в коей они находятся, за исключением обязанностей по национальной обороне, от коих они будут освобождены.

Вопросы, касающиеся семейного права, права наследственного и дееспособности граждан обеих сторон, также составляют исключение из постановлений настоящей статьи. Они будут разрешены особым соглашением.

Статья XI

Обе Договаривающиеся стороны согласны применить принцип наибольшего благоприятствования к гражданам каждой из Договаривающихся сторон, пребывающим на территории другой стороны.

Настоящая статья не применяется к правам граждан союзных России Советских Республик, равно как и к правам граждан мусульманских государств, союзных Турции.

Статья XII

Всякий житель территорий, составлявших до 1918 года часть России, каковые Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики признает находящимися ныне под суверенитетом Турции на основании настоящего Договора, имеет право свободно покинуть Турцию и взять с собой свои вещи и свое имущество или их стоимость. Подобное же пра-

во распространяется на жителей территории Батума, суверенитет на какую-либо Турция настоящим Договором уступает Грузии.

Статья XIII

Россия обязуется репатриировать в Турцию за свой счет до северо-восточной границы Турции, в продолжении 3-месячного для Европейской России и Кавказа и 6-месячного срока для Азиатской России, считая со дня подписания настоящего Договора, всех военнопленных и гражданских пленников турок, находящихся в России.

Турция принимает на себя то же обязательство в отношении русских военнопленных и гражданских пленников, которые еще находятся в Турции.

Подробности этой репатриации будут установлены особой конвенцией, которая должна быть выработана немедленно по подписании настоящего Договора.

Статья XIV

Обе Договаривающиеся стороны согласны в ближайшем времени заключить консульскую конвенцию, равно как и соглашения, регулирующие все экономические, финансовые и другие вопросы, необходимые для установления между этими странами дружественных отношений, указанных во вступлении к настоящему Договору.

Статья XV

Россия обязуется предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего Договора, непосредственно их касающихся.

Статья XVI

Настоящий Договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами состоится в Карсе в возможно ближайший срок.

Настоящий Договор вступит в силу с момента обмена ратификационными грамотами, за исключением ст. XIII.

В удостоверение изложенного вышеупомянутые уполномоченные подписали настоящий Договор и скрепили его своими печатями.

Составлено в 2-х экземплярах в Москве шестнадцатого марта тысяча девятьсот двадцать первого года (тысяча триста тридцать седьмого).

Георгий Чичерин
Джелал Коркмасов

Юсуф Кемаль
Д-р Риза Нур
Али Фуад

Принципиальный характер имел также и обмен нотами, в котором стороны четко демонстрировали друг другу и всему миру готовность совместно реализовать азиатскую политику и препятствовать действиям в Азии третьей стороны, противоречащим интересам Москвы и Анкары. О них обычно вообще не упоминают исследователи и публицисты, хотя они — как раз яркое свидетельство направленности взглядов турецкого и советского руководства тех лет.

**Обмен нотами между
Народным Комиссаром Иностранных Дел РСФСР
и Послом Турции в Москве при подписании
Договора между Россией и Турцией**

I

**Нота Посла Турции в Москве
Народному Комиссару Иностранных Дел
РСФСР Г.В. Чичерину**

16 марта 1921 г.

Господин Народный Комиссар,

В целях невозможного укрепления непрерывности сношений в духе искреннего обоюдного сотрудничества между Россией и Турцией, основанного на полной искренности во взаимоотношениях обеих стран, я имею честь уведомить Вас от имени Великого Национального Собрания Турции, что в случае намерения этого последнего внести в общее направление внешней политики Турции по отношению к России изменения принципиального характера или в смысле

ориентации, факт подобного решения будет немедленно доведен до сведения Вашего Правительства.

Примите, господин Народный Комиссар, искреннее уверение в моем высоком уважении

Али Фуад,
Посол Турции

II

Нота Народного Комиссара Иностран^ных
Дел РСФСР Послу Турции в Москве
Али Фуаду

16 марта 1921 г.

Господин Посол,

Нотой от сего числа Вы изволили сообщить мне от имени Великого Национального Собрания Турции, что в случае намерения этого последнего внести в общее направление внешней политики Турции по отношению к России изменения принципиального характера или в смысле ориентации, факт подобного решения будет немедленно доведен до сведения ее Правительства.

С удовлетворением принимая это сообщение, свидетельствующее об истинной откровенности, существующей в наших братских отношениях, и, так же как и Вы, желая видеть, что в отношениях между обеими странами царит самое тесное сотрудничество, я имею честь сообщить Вам, что в случае намерения Правительства РСФСР внести в общее направление внешней политики России по отношению к Турции изменения принципиального характера или в смысле ориентации, факт подобного решения будет немедленно доведен до сведения Вашего Правительства.

Примите, господин Посол, уверение в моем высоком уважении.

Чичерин,
Народный Комиссар
по Иностран^ным Дела^м

III

Нота Посла Турции в Москве Народному
Комиссару Иностранных Дел РСФСР
Г.В. Чичерину

16 марта 1921 г.

Господин Народный Комиссар,

В целях установления между Турцией и Россией отношений, основанных на полной искренности, и бесповоротного устранения всего, что могло бы нарушить полнейшее взаимное доверие, Турция обязуется немедленно без задержек и во всех подробностях сообщить Российскому Советскому Правительству о каждом заявлении или предложении со стороны всякой державы, ведущей в Азии политику, отличную от политики России, по вопросу о сближении или сглащении этой державы с Турцией, а равным образом обязуется в дальнейшем эвентуально осведомлять Российское Советское Правительство о всех переговорах между Турцией и одной из вышеуказанных держав.

Турция обязуется также не заключать каких-либо договоров, могущих касаться интересов России, без уведомления последней.

Примите, господин Народный Комиссар, искреннее уверение в моем высоком уважении.

Али Фуад,
Посол Турции

IV

Нота Народного Комиссара Иностранных
Дел РСФСР Послу Турции в Москве
Али Фуаду

16 марта 1921 г.

Господин Посол,

Нотой от сего числа Вы изволили сообщить мне, что дабы положить в основу взаимоотношений между Турцией и Россией полную искренность с устранением раз навсегда всего, что могло бы нарушить взаимное доверие, Турция обя-

зуются немедленно, без задержки во всех подробностях сообщать Российскому Советскому Правительству о всех заявлениях или предложениях со стороны всякой державы, ведущей в Азии политику, отличную от политики России, по вопросу о сближении или соглашении этой державы с Турцией, а равно обязуется в дальнейшем эвентуально осведомлять Российское Советское Правительство о всех переговорах между Турцией и одной из вышеуказанных держав, а также то, что Турция обязуется не заключать каких-либо договоров, могущих касаться интересов России, без предупреждения последней.

Принимая с величайшим удовлетворением это сообщение, которое создает основание для отношений между обеими странами, проникнутыми полным взаимным доверием, Российское Советское Правительство, со своей стороны, обязуется извещать Турецкое Правительство немедленно и без задержки со всеми подробностями о всяком заявлении или предложении, касающемся Турции и сделанном ему всякой иной державой, ведущей в Азии политику, отличную от политики Турции, по вопросу о сближении или соглашении этой державы с Россией, а равным образом обязуется в дальнейшем эвентуально осведомлять Турецкое Правительство о всех переговорах этого рода между Россией и упомянутыми державами и не заключать каких-либо договоров, могущих касаться интересов Турции, без уведомления последней.

Примите, господин Посол, уверение в моем высоком уважении

Чичерин,
Народный Комиссар
по Иностранным Дела́м

(Полную публикацию Договора 1921 г. см. в издании: Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. III. С. 597–604 и след.)

Еще осенью 1920 г. в рамках военного сотрудничества в Турцию поступило из России 200,6 кг золота в слитках, затем еще и еще... Кемалисты сумели закупить на русское золото 20 самолетов, более 200 тыс. винтовок, 1500 пулеметов, 4 авиамотора, 930 грузовых автомобилей, массу боеприпасов и военной техники.

Кроме того, в 1920—1922 гг. в Турцию непрерывным потоком шло вооружение для новой кемалистской армии: до 40 тыс. винтовок, 327 пулеметов и 54 орудия, два военных корабля.

Мустафа Кемаль справедливо отмечал: “Победа новой Турции над англо-французскими и греческими оккупантами была бы сопряжена с несравненно большими жертвами или даже совсем невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально, и материально. И было бы преступлением, если бы наша нация забыла об этой помощи”.

Впрочем, в своей знаменитой и нами не раз упомянутой 36-часовой Речи (“Нутук”) М. Кемаль был весьма сдержан в оценке переговоров и Московского договора. Он ограничился следующей фразой: “В течение 1921 г. были завязаны официальные и неофициальные сношения с различными державами. В частности, благоприятно развивались русско-турецкие отношения”.

Следует отметить, что была и еще одна сторона проблемы — оружие, которое кемалисты перехватывали на своей территории и не давали вывезти в распоряжение Белой Армии генерала А.И. Деникина.

Вот что об этом говорят документы, в первый раз мизерным тиражом опубликованные у нас в 1934 г. и давно позабытые.

**Командованию XX армейского корпуса
в Анкаре**

*Баликесир.
23 января 1920 г.*

Просьба передать настоящую шифрованную телеграмму его превосходительству Мустафа Кемаль паше.

Оружие и снаряды, находящиеся под охраной французов на складе Акбаша, что на европейском берегу, около Галлиполи, были предназначены державами Антанты для армии Деникина. Русское судно прибыло четыре дня назад в Галлиполи, чтобы забрать этот груз. Один из наших доблестных командиров из центрального комитета Баликеси́ра, Хамди бей Кепрюлюлю, отправился в ночь 26/27 января 1920 г. на плотках на европейский берег и завладел складом. Уничтожив все провода связи и взяв под стражу французов, он перебросил все оружие и часть снарядов в Лансеки. Французы были также переправлены в этот пункт под надежной охраной, а затем, после того как оружие и снаряды были посланы в глубь страны, они были отпущены. По имевшимся у меня сведениям акбашский склад должен был содержать 8000 русских винтовок, 40 русских пулеметов и 20000 ящиков огневых припасов. Если за последний месяц не происходило выдачи оружия из акбашского склада, то надо считать, что 8000 русских винтовок полностью перешли в наши руки. Мы не знаем, как будут реагировать на это событие державы Антанты. До настоящего времени Стамбул и армейский корпус об этом ничего не узнали.

Командир 61-й дивизии *Кязым*

Шифрованная телеграмма
Циркулярно

Командиру 61-й дивизии
Кязым бею эфенди. Баликеси́р

Анкара,

29 января 1920 г.

Ответ на вашу телеграмму от 28 января 1920 г. Прошу вас выразить нашу благодарность Хамди бею Кепрюлюлю за замечательный успех, достигнутый им благодаря его доблести и отваге. Шлем братские поздравления и вам за то, что вы были инициатором этого великого успеха.

От имени Представительного комитета
Мустафа Кемаль

Новая Турция получила оружие. Советской России была оказана фактическая поддержка.

Мое заключение оказалось пространным и, может быть, излишне документальным.

Хотелось донести до современного читателя достоверное звучание той эпохи, которую то поэтизировали, то низвергают... Будем внимательны и бережны к прошлому, и полузабытые документы многое объяснят в сегодняшней жизни. Поэтому я заканчиваю книгу выдержкой из одной из самых блестящих речей Мустафы Кемалья Ататюрка — “Отца турок” — от 1 ноября 1922 г. Он заключил договоры, обезопасившие север и северо-восток страны, получил колоссальную военную помощь, готовил окончательное изгнание врагов с турецкой территории. Обратите внимание, с какой бережностью Мустафа Кемаль обращается к османскому прошлому, чтобы увлечь своих сподвижников на новый виток революции — национальный суверенитет и республиканизм вместо султаната.

Это и был выбор пути, осуществленный с беспримерным использованием социокультурных традиций нации. И метаморфоза свершилась! Без насилия и гражданской войны общество, в котором с 1299 г. правила одна-единственная династия, приняло республику кемалистов.

**Выдержка из исторического заседания
Великого национального собрания
по вопросу о провозглашении
национального суверенитета**

**Речь его превосходительства
Гази Мустафа Кемаль паши
на заседании
от 1 ноября 1922 г.***

Товарищи!

Реальностью является тот факт, что турецкая нация сама распоряжается своей судьбой в

* Публикуется с незначительными сокращениями по тексту: Мустафа Кемаль. Путь новой Турции / Перев. с турец. М., 1934. Т. 4. С. 270—282.

течение трех лет, защищает свой национальный суверенитет.

Установление этой истины привело к уничтожению одного предрассудка. Этот предрассудок заключался в том, что суверенитет нации был представлен и осуществлялся одним лицом.

Решение же, принятое по этому вопросу нацией, есть решение, одобренное данным Собранием. А это Собрание составлено из представителей всей нации, послушно осуществляющих ее волю. Все это неоднократно и при различных обстоятельствах прокламировалось нашими товарищами. Тем не менее я хотел бы еще раз повторить это каждому товарищу. Прошу вас не отказать заслушать меня в течение пяти или десяти минут. (*Возгласы: "Просим, просим!"*)

Товарищи, разрешите мне вместе с вами быстро пройти по этапам истории Турции и истории ислама, для того чтобы истина стала еще более очевидной.

Господа, во всем мире в числе народов земного шара существует великая тюркская нация, которая насчитывает по крайней мере свыше ста миллионов душ. Эта нация занимает в истории место, пропорциональное тем территориальным пределам, которые она занимает на земном шаре.

Если вы разрешите, установим это место двояким путем. Один путь приводит нас к доисторическим эпохам. Человек, который называется тюрком, первый представитель тюркской нации — сын Яфета, сына пророка Ноя, второго отца человечества.

Быть может нас и не совсем удовлетворяют эти примитивные страницы истории, когда как будто несколько неглижировали документацией. Но то, что мы вполне можем утверждать, опираясь на установленные аргументы, это, что тюрки 15 веков тому назад основали в центре Азии большие государства, демонстрируя наличие у них всех человеческих способностей. Государство, которое посылало делегатов в Китай, принимало таковых из Византии, было тюркским государством, основанным тюркской нацией, предшественником нашей нации.

С другой стороны, господа, существует на земле арабский народ в сто миллионов душ. Этот народ в той своей части, которая проживает в Азии, сосредоточен на Аравийском полуострове.

Наш святой пророк родился в Мекке в среде этого народа. Товарищи, Аллах един и велик. Руководимые проявлением его божественной воли, мы можем разделить людей на две категории и изучить их в два периода их развития.

Первый период — это детство и отрочество человечества, а второй — зрелость и полное развитие.

В первый период человечество подобно ребенку или подростку, о нуждах которого заботятся другие, освобождая его от материальных забот. Всевышний, считающий, что одной из его обязанностей является попечение о созданных им людях, посылал им избранных из их среды эмсаров, пока они не достигли нужной степени развития. Начиная с Адама, он им посылал эмсаров в виде многочисленных пророков. История называет некоторых из них по имени, а о некоторых даже и не упоминает. Однако после того как через наших пророков нам было объявлено о высших истинах веры и цивилизации, всевышний не считал более необходимым поддерживать общение с человечеством через посредство пророка. Он нашел развитие человечества в такой степени совершенным, что разрешил каждому из созданий своих самому непосредственно принимать волю своего создателя. Вот почему наш пророк был последним из апостолов и его книга является шедевром книг. Последний божественный посланец, Мухаммед Мустафа (да благословит его Аллах!) родился 1394 года назад в месяце апреле, в понедельник месяца ребиуль-евель, в час, когда заря обеляла горизонт. Действительно, по арабским историкам, этот вечер точно совпадает с годовщиной рождения пророка. Аллах пожелал, чтобы это совпадение было счастливым. (*Различные голоса: "Иншаллах!"*) Мухаммед прожил детство и юность, не неся пророческой миссии... Благодаря своим замечательным качествам он стал в своем племени

“Мухаммедом Верным”. Задолго еще до своей миссии он завоевал себе любовь, уважение и доверие своего народа. Затем в возрасте 40 лет он был призван богом и в сорок три года стал пророком.

В течение 20 лет наш святой пророк боролся среди бесчисленных опасностей, трудностей и нескончаемых лишений. И когда он выполнил свою пророческую миссию создания ислама, его душа поднялась на небеса. Все верующие, которых он посвятил в великие истины, все его ученики и друзья обливались потоками слез. Но близкие сотрудники пророка тотчас же поняли бесполезность этих горестей и решили, что прежде всего нужно не слезы лить, а принять меры к тому, чтобы хорошо управлять делами нации. Среди возникших по этому поводу споров некоторые, представлявшие наибольший интерес, сосредоточивались вокруг следующих трех положений:

1. Было высказано пожелание установить принцип, согласно которому для того, чтобы быть достойным халифата, следует обладать способностью и силой управлять общественными делами. Поэтому получить халифат должен наиболее могущественный, наиболее влиятельный, наиболее мудрый из людей. Такова была точка зрения, которая поддерживалась группой ближайших учеников пророка.

2. Было высказано другое пожелание — передать право на халифат времени, которое боролось за ислам от его зарождения и до его триумфа. Такова была точка зрения “помощников” (имя, данное первым мусульманином Медине, оказавшим помощь пророку и его товарищам, предоставив им широкое гостеприимство).

3. Третья точка зрения, поддерживавшаяся хашимитами, стремилась к тому, чтобы закрепить халифат за наиболее близким родством пророка.

Оказалось, что невозможно прийти к единогласному решению ни по одному из этих трех положений, чтобы тем самым разрешить вопрос о преемнике Мухаммеда. В конце концов благодаря влиянию Омара, считавшего, что для того,

чтобы избежать анархии, нужно как можно скорее покончить с этим вопросом, был совершен акт подчинения Абубекиру [человеку, близкому Мухаммеду — *Ред.*]. Из этого видно, что в тогдашней избирательной системе основное значение имело больше личное влияние, чем правильная концентрация общих желаний.

Господа, не будем думать, что эти разноречия и распри не имели под собой почвы. В действительности халифат является для мусульман вопросом величайшей важности, ибо наследие пророка является силой, связывающей народы ислама. Это — сила, которая собирает мусульман вокруг знамени веры в единого Аллаха.

Право управлять дано нам Аллахом. Оно зиждется на силе и могуществе. Его главная цель — подавлять мятеж, обеспечивать безопасность городов, регулировать общественные дела. Лишь посредством силы и могущества можно достигнуть этого. Аллах всегда так полагал. Поэтому было совершенно естественно, что первое из этих положений одержит верх над двумя другими, и наследие халифата перешло к наиболее могущественной нации.

Тем временем, господа, после смерти пророка всюду стали наблюдаться возбуждения, реакция, революция. Халиф Абубекир подавил их и стал хозяином положения. Вместе с тем он начал расширять пределы исламской общины. Когда он почувствовал наступление своих последних дней, он вспомнил о трудностях, которые сопровождали его избрание, и сам избрал в качестве своего преемника Омара.

Во время правления халифа Омара исламские территории расширились с исключительной быстротой. Росло богатство. Но богатство и изобилие вызывают всегда разлив злобы и страстей среди народа. Страсти же приводят к мятежам, к революциям. Таков общий закон в этом деле.

Всем этим Омар был чрезвычайно озабочен. Как известно, однажды пророк сказал своим ближайшим ученикам: “Мой народ одержит верх над всеми своими врагами. Он завоюет Медину, Иемен, Иерусалим, Дамаск. Он поделит

сокровища персидских царей и византийских императоров.

Однако впоследствии произойдут восстания, революции, личные тяжбы и начнут склоняться на путь, по которому шли короли прошлого”.

Однажды Омар спросил Ханифу: “Что это за мятеж, который поднимается, как волны моря?” “Не занимайся этим, ответил ему последний; между твоим правлением и этим мятежом имеется закрытая дверь”.

— Будет она открыта или взломана?

— Взломана, — был ответ.

— Тогда она снова не закроется, — сказал Омар.

Он был весьма опечален.

Дверь действительно была взломана.

Исламские территории чрезвычайно расширились. События приняли большой размах. Трудно было отправлять правосудие без изменения правительственного административного режима. Омар отдавал себе в этом отчет. Он страдал и, молясь Аллаху, настойчиво просил его: “возьми от меня жизнь, о мой Аллах”.

Однажды он был весь в слезах. Когда его спросили об их причине, он сказал: “как мне не плакать, когда даже если баран потеряется на берегах Евфрата, то с меня его спрашивают”. Да, Омар понял, что правительственный режим, известный под именем халифата, был недостаточен для управления государством. Он понял, что одно лицо не в состоянии само ведать всеми делами, каковы бы ни были его достоинства и способности. И даже он сам, пользовавшийся величайшим авторитетом, не в состоянии делать это. Вот почему Омар не мог думать о своем преемнике. Когда ему предложили кандидатуру его собственного сына, он сказал: “Для семьи достаточно одна жертва”.

Наконец, Омар нашел наиболее разумный выход. Он передал государственные дела совещательному совету. Члены совета совместно с населением заполнили всю мечеть. После нескольких инцидентов, правление снова было поручено одному халифу.

После Омара престол перешел к Осману, но дверь, которая должна была быть взломанной, была уже взломана. Повсюду в исламской империи начало проявляться недовольство, возникать брожение. Злосчастный Осман оказался до такой степени бессильным, что вали Дамаска, спасая его жизнь, предложил ему у себя убежище; Осман не мог на это согласиться и потребовал от него присылки воинских частей.

Однако время уже было упущено. Вся страна была охвачена восстанием. Восставшие, прибыв из различных частей страны, окружили Османа в Медине, в его собственном доме, и убили его на глазах его почтенной супруги.

После многочисленных волнений и кровавых событий Али был избран халифом. Однако заметим еще один раз: дверь была взломана. Хотя население Ирака, Йемена, Сирии и Хиджаза и принадлежит к одному народу, оно разделялось все же на различные общины...

Итак, через каких-нибудь двадцать пять лет после кончины пророка две наиболее выдающиеся личности ислама не могли воспрепятствовать уходу из их рук халифата. Перетягивая каждый на свою сторону людей одной и той же веры и расы, они не поколебались потопить в крови народы ислама. В конце концов тот, кто пустился на хитрость, победил своего легковерного противника и истребил всю его семью. В результате он превратил халифат в исламскую монархию, сохранив однако за ней навсегда прежнее название халифата. Династия Омейядов произвела большие завоевания, но царствовала только 90 лет. Этот период времени от начала до конца полон трагических кровавых событий. В 132 году хиджры арабская нация сбросила омейядских султанов и на месте омейядского государства создала другое — “Аббасидское”, глава которого также носил титул халифа. Несмотря на образование аббасидского халифата, столица которого находилась в Ираке, в Андалузии образовалась просуществовавшая несколько веков другая монархия, глава которой именовал себя “наследником” посланца Аллаха и “главой верующих”.

Я уже отметил в начале моего выступления, что 1500 лет назад, т.е. два с половиной века до хиджры в Центральной Азии существовало большое тюркское государство.

Тюрки, которые основали это государство еще до исламской эры, приняли ислам около 1000 лет тому назад и, двинувшись к востоку, расширили свои владения до рубежей Китая. Эти храбрые тюрки, известные своей неустранимостью и благородством, прошли с оружием в руках до Сирии и Ирака и приобрели большой авторитет в правительственных кругах аббасидских халифов. Их вожди достигли здесь высших ступеней гражданской и военной иерархии.

В четвертом веке хиджры образовалось могущественное турецкое государство — государство сельджуков. Турки-сельджуки проникли с одной стороны на Кавказ, с другой — через Персию в Ирак и Сирию и затем далее на запад в Анатолию.

Аббасидские халифы, правившие в Багдаде, должны были признать власть этого могущественного турецкого государства. И действительно примерно в пятом веке [хиджры. — *Ред.*] это государство владело Месопотамией, Хорезмом, Дамаском, Египтом, большей частью Анатолии и целым рядом других стран, растянув свои границы от Кашгара и реки Сейхуна до Средиземного, Красного и Оманского морей. Оно поставило под свою власть аббасидских халифов Багдада.

Лицо, по имени Мелек шах, представлявший турецкую власть, и Муктедибиллах, который носил титул халифа, жили вместе в Багдаде, в одной столице и породнились путем брака. Я хотел бы несколько на этом остановиться.

Турецкий монарх, который, представляя суверенитет могущественного турецкого государства, не видел ничего неудобного в том, чтобы терпеть существование халифата отдельно от султаната. Если бы он усматривал в этом какое-либо неудобство, он упразднил бы халифат, который был под его властью, и наделил бы себя всеми качествами и полномочиями, присущими

халифу. Мелек шах мог реализовать в то время то, что султан Селим реализовал пять столетий спустя. Единственный вопрос, который его занимал, — это как добиться, чтобы наследник Муктедибиллаха был халифом наиболее верным турецкому государству и наиболее достойным занимать этот пост. Для этого он побудил Муктедибиллаха лишиться титула наследного принца своего сына, наделить им внука Мелек шаха...

Таким образом, господа, очевидно, что халифат может быть сохранен наряду с органом национального суверенитета, каким в данное время является Великое национальное собрание Турции, и даже занимать положение более возвышенное и достойное, чем халифат Муктедибиллаха, который находился в униженном и бесправном положении в эпоху Мелек шаха; Турция в настоящее время представлена Великим собранием, и все население Турции из всех сил стремится поддержать халифат, считая это своим религиозным долгом и долгом своей совести.

Совершим однако еще несколько экскурсов в область истории. История нас учит, что настоящая форма нашего правления является вполне нормальной и нужной. Эта форма выгодна для Турции и для всего ислама.

Господа, тюрки основали в Центральной Азии многочисленные государства, весьма могущественные и цивилизованные, из них одно на Востоке — государство персидских сельджукидов, а другое в Анатолии — государство так называемых румских сельджукидов. Как известно, последние имели в качестве столицы Конию и смогли удержаться до 699 года [хиджры. — *Ред.*]. В то время как эти тюркские мусульманские государства находились еще в стадии формации, один завоеватель — Чингиз-хан появился в Каракоруме. В 559 году [хиджры. — *Ред.*] он распространил границы своих владений до Китайского, Балтийского и Черного морей. Его внуком был Хулагу. В 656 году [хиджры. — *Ред.*] он завладел Багдадом и казнил аббасидского халифа Мутасыма, положив таким образом конец всемирному халифату.

После смерти пророка Абубекир не искал для себя величия этого мира, ибо этот мир ему не очень улыбался.

Второй халиф Омар умер, унеся с собой в своей душе горесть того, что он увидел почти невозможность регулировать и ввести в гармонию различные движения социальной жизни.

Что касается Османа, то он ушел из этого мира, пролив свою кровь над страницами священной книги Аллаха во время нападения, предназначенного для него судьбой.

Халиф Али горевал над тем, что не мог удержать халифат в своей власти и был не в состоянии защищать права семьи пророка.

Омейяды не смогли сохранить халифат более чем в течение 90 лет. Мутасым, последний халиф аббасидов, власть которого оканчивалась за стенами Багдада, пал жертвой Хулагу, так же как пали жертвой все члены его семьи и 800 тысяч жителей Багдада...

Государственный строй сельджукидов находился в стадии общего упадка. В 699 году [хиджры. — *Ред.*] турки создали на его месте Оттоманское государство, полное мощи. Когда султан Селим, названный Явузом, один из великих людей этого государства, завоевал Египет, он там нашел помимо египетских монархов, которых он приказал казнить, некую личность, носившую титул халифа. Считая принадлежность титула халифа столь немогущей личности издевательством над исламом, он принял его на себя, возвысив его мощью турецкого государства.

Господа, турецкое государство было основано в 699 году [хиджры. — *Ред.*]. Начиная с 924 года [хиджры. — *Ред.*], когда оно взяло на себя халифат, оно существовало почти 300 лет, из которых первые 50 были эрой, известной в истории под названием "Эры апогея". Затем... затем, господа, начинается упадок. Каждая фаза этого периода упадка приводит к все большему уменьшению территории Турции, уменьшению ее моральных и материальных сил и нанесению все большего ущерба независимости государства. Территория, богатство, население и национальная гордость — все это утрачивается с макси-

мальной скоростью. В конце концов в правление Вахидеддина, 36-го и последнего падишаха Оттоманской династии, турецкая нация оказалась поверженной в бездну рабства.

Эту нацию, которая в течение тысячелетий являлась благородным символом независимости, хотели ударом ноги сбросить в пропасть. Так же, как ищут какую-нибудь бессердечную тварь, лишённую всяких человеческих чувств, для того, чтобы поручить ей затянуть веревку на шею осужденного, так же для того, чтобы нанести этот удар нации, нужно было найти предателя, человека без совести, недостойного и вероломного. Те, которые выносят смертный приговор, нуждаются в помощи со стороны такой подлой твари.

Кто мог бы быть этим подлым палачом? Кто мог бы положить конец независимости Турции, покуситься на жизнь, честь и достоинство турецкой нации? Кто мог бы иметь бесславную смелость принять, выпрямляясь во весь рост, смертный приговор, провозглашенный в отношении Турции? (Крики: "Вахидеддин, Вахидеддин!", шум.)

(Паиша, продолжая:) Да, Вахидеддин, которого к несчастью эта нация имела в качестве главы и которого она назначила сувереном, падишахом, халифом... (Крики: "Да проклянет его Аллах!")

Своими предательскими действиями Вахидеддин однако не избежал судьбы, которой он заслужил: он сам себя убил. Своим поведением он сделал невозможным сохранение режима, который он представлял. Во всяком случае, господа, нация не стала жертвой его предательского поведения. Она имела достаточно мудрости для того, чтобы понимать и оценивать действия своих традиционных вождей. Руководимая светом истории, она имела достаточно проницательности, чтобы с одного взгляда понять совокупность всех несчастий, ударам которых она подвергалась в продолжение веков.

Да, нация имела достаточно проницательности, чтобы охватить немедленно, одним взглядом, трагические последствия прошедших периодов

слепоты, периодов, в течение которых она была вынуждена служить средством и опорой для осуществления самых низких замыслов, личного тщеславия и амбиций, безумия завоеваний, личных интересов и нужд, оргий, распутства и т.д. При таких условиях для нации стало ясно, что наступил момент для осуществления ею своего самого естественного, самого законного, самого справедливого права. Турецкая нация, которая вопреки всем превратностям судьбы сумела создать государства Чингиза, Сельджука и Османа, оставившие след во всемирной истории, создала на сей раз государство, отвечающее своему имени и своему содержанию. Она взяла власть в свои способные руки со всей решительностью, которой она обладает и которую она выказала перед лицом бедствий (*Бурные аплодисменты.*) Нация взяла в свои руки управление своей судьбой и доверила представительство своего суверенитета не одному человеку, а Высокому собранию, составленному из представителей всех его сынов. Этим Высоким собранием является ваше собрание — Великое национальное собрание Турции. Правительство этого суверенитета называется правительством Великого национального собрания. Вне этого правительства не существует, не может существовать никакая другая форма ни суверенитета, ни правительства.

Конечно спросят, что же будет представлять собой халифат после уничтожения той единой личной власти, которая обладала и правами халифа?

Господа, мы видели, что, начиная со времени аббасидских халифов в Багдаде и впоследствии в Египте, халиф и султан хоть и существовали бок о бок один с другим, но занимали различные престолы. В настоящее время также является совершенно естественным, чтобы суверенитет и халифат существовали отдельно, но с той только разницей, что в Багдаде и Египте суверенитет был воплощен в одном лице, а в Турции его осуществляет сама нация. С другой стороны, халифат будет принадлежать не немощной личности, или попечителю, как то было в Багдаде и Египте, но высокой личности, которая будет

поддерживаться турецким государством. Благодаря этому народ Турции будет приобретать с каждым днем все больше и больше устойчивости как цивилизованное государство. Он с каждым днем будет счастливее, он будет процветать и осознавать свое лицо, свое существование. Он не будет подвергаться больше опасности предательства. Халифат, с другой стороны, будет центром единения для души, совести и веры всего мира ислама и приобретет блеск, который наполнит радостью сердца всех верующих.

Господа, я полагаю, что нет нужды распространяться о перспективах блага, мощи и счастья, которые открываются перед нацией, турецким государством и правительством Великого собрания Турции, так же, как нет нужды говорить о выводах, которые нужно из всего этого сделать...

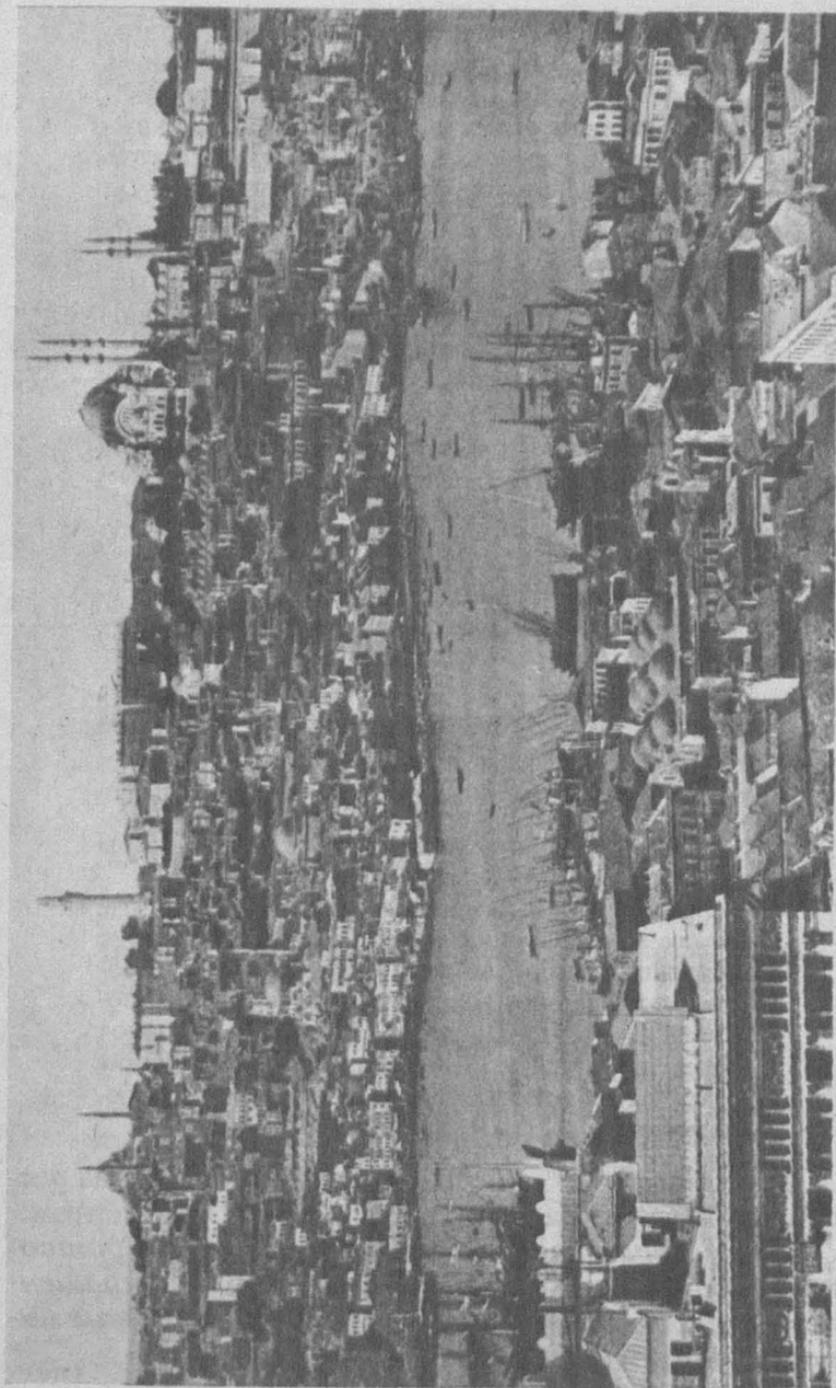
Я убежден, что опыт этих трех лет и те счастливые результаты, которые нами уже достигнуты, достаточно разъясняют нам этот вопрос. Будущее ясно покажет, что и халифат будет отныне для Турции и для всего ислама источником благополучия и счастья (иншаллах!).

Турецкое государство, государство мусульманской Турции, будет государством наиболее счастливым в мире, оно станет источником двойного счастья (иншаллах!).

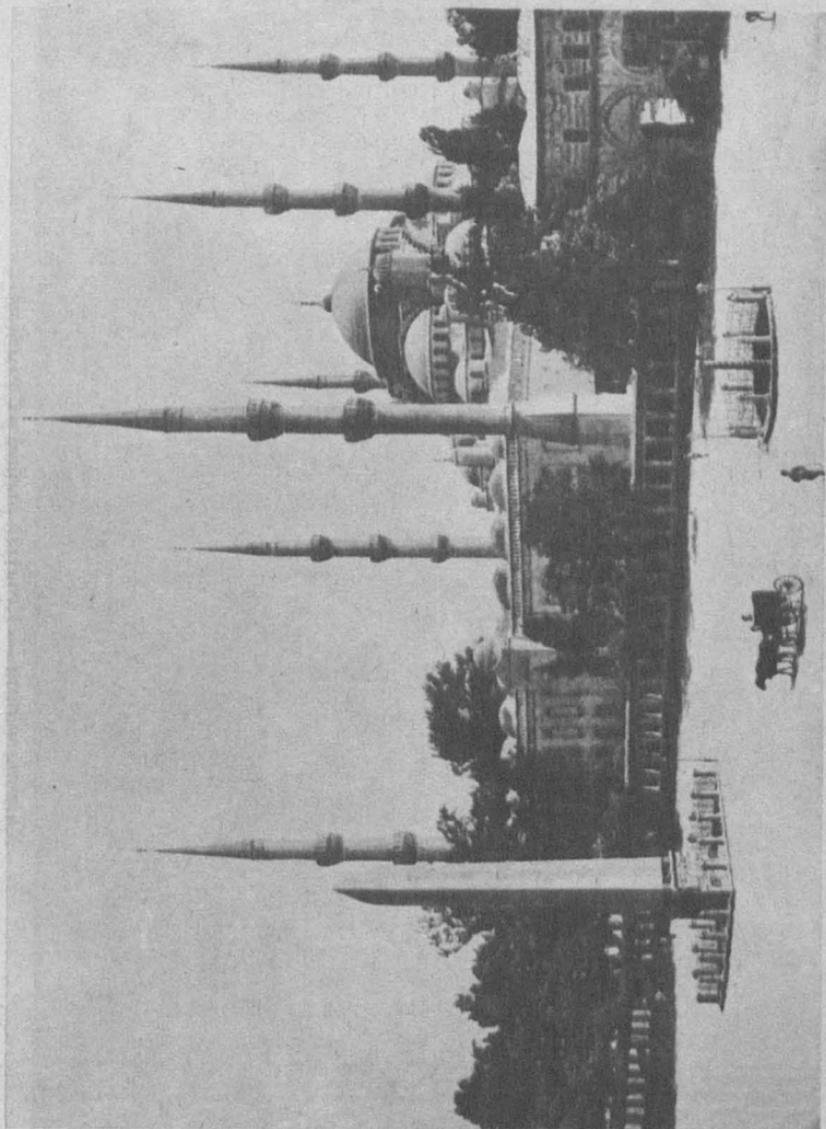
Заканчивая свою речь, я хотел бы добавить, что все мои товарищи, как мне кажется, вполне согласны со мной по существу затронутого вопроса и разделяют все высказанные мною положения. Это единодушие и согласие вызывают признательность всей нации. Великое собрание достойно бесконечной похвалы и всяческих поздравлений.

29 октября 1923 г. Турция была провозглашена республикой, Мустафа Кемаль был избран Президентом.

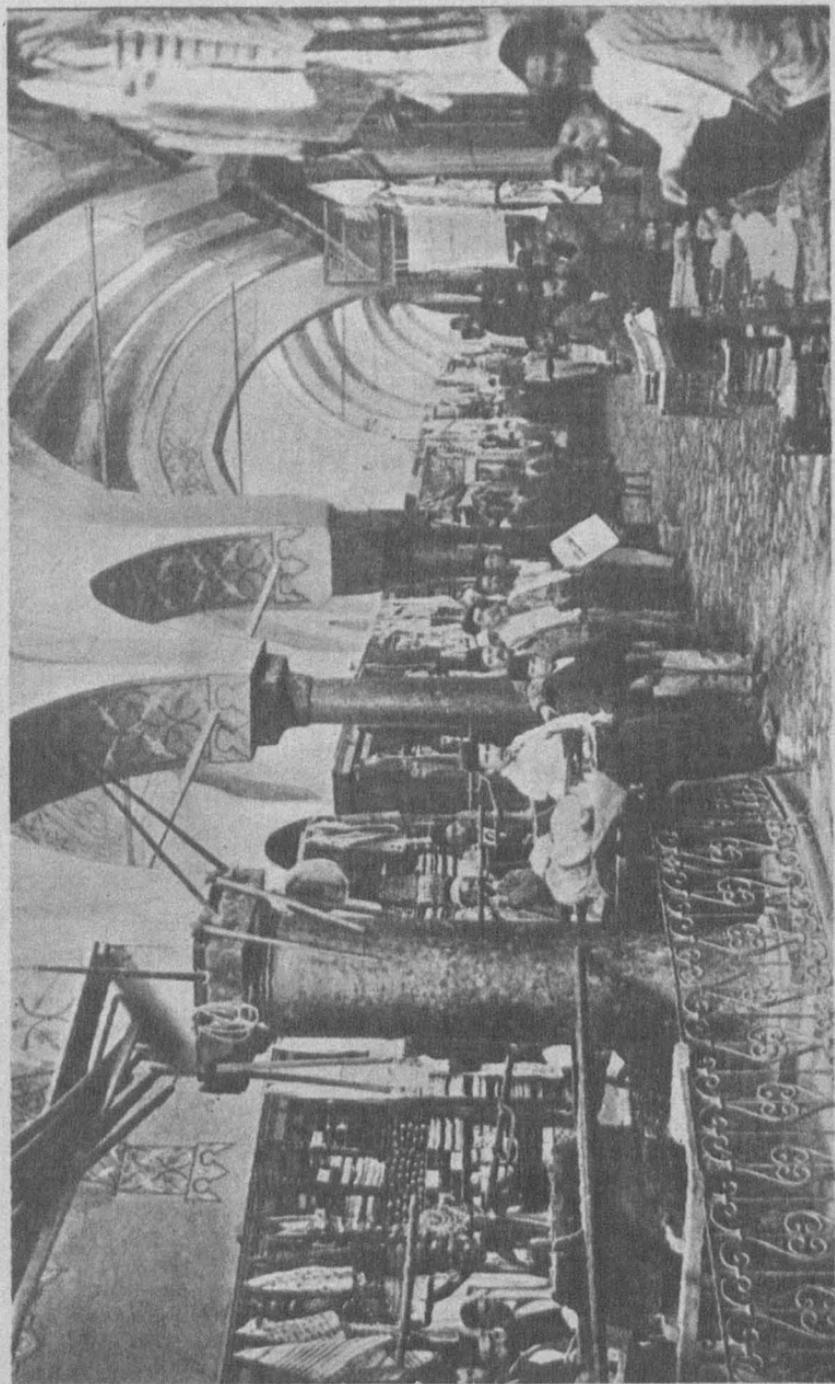
Страна праздновала. Древний Босфор умиротворенно покачивал на своей мягкой волне украшенные лодки-кайики. Пусть он будет проливом мира и добрососедства.

Золотой Рог. Панорама

Мечеть Ахмеда I (начало XVII в.), где 1826 г. был оглашен указ
об упразднении янычарского войска

Капалы чарши — Крытый рынок в Стамбуле

“Танцующие” или “вертящиеся” дервиши

“Турок не любит слышать...” Добровольная пожарная дружина в Стамбуле

“Война где-то так далеко...” Стамбульская кофейня

Библиография

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд "Политархив".
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Фонд "Главное управление Генштаба" (ф. 2000), фонд "Турция" (ф. 450).
3. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ).
Подготовка России и Турции к войне: фонды 401, 404, 417, 418, 421 и др.
Военные действия (общие вопросы): фонды 410, 417, 418, 479 и др.
Боевые действия на Черном море: фонды 385, 401, 404, 409, 410, 417, 418, 580, 609, 610, 611, 651, 663, 1261, 1271 и др.
Личное дело А.Н. Щеглова: фонд 898.

Опубликованные источники

1. (Агабеков Г.А.) Я подготовил ликвидацию Энвер-паши. Из записок начальника Восточного сектора ОГПУ // "Ленинградский университет". 1989. 17 ноября.
2. Архив полковника Хауза. М., 1938. Т. 3.
3. *Ататюрк Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции. М., 1929. Т. 1.
4. *Ататюрк Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции. Подготовка ангарской базы 1919—1920. М., 1932. Т. 2.
5. *Ататюрк Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции. Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920—1921. М., 1934. Т. 3.
6. *Ататюрк Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции. Победа новой Турции 1921—1927. М., 1934. Т. 4.
7. Вооруженные силы Турции. СПб. Главное управление Генерального штаба. 1907.
8. Вооруженные силы Турции. СПб. Главное управление Генерального штаба. 1910.
9. Вооруженные силы Турции. СПб. Главное управление Генерального штаба. 1912. Ч. I.
10. Вооруженные силы Турции. СПб. Главное управление Генерального штаба. 1913. Ч. II.

11. Геноцид армян в Османской империи. Сб. документов и материалов. Ереван, 1982.
12. Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Пг., 1917.
13. Записки Джемаль-паши. 1913—1919 гг. / Перев. с англ. Б.Т. Руденко. Тифлис, 1923.
14. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная полетика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть II. М., 1926.
15. Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Т. I—II. М., 1925—1926.
16. (Маркин Н.) Сборник секретных документов из архива б. МИД. Пг., 1917.
17. Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1868—1817 гг. Серия II. 1900—1913 гг. Т. XVIII, XIX, XX. М., 1939—1940. Серия III. 1914—1917 гг. Т. I—II. М., 1940—1941.
18. Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
19. Покровский М.Н. Три Совещания. // Вестник НКВД, № 1. Пг., 1919.
20. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. (Репринтное воспроизведение изд.: Париж, 1927.)
21. Статистицки годишник на Българското царство. София. 1911—1918.
22. Турпиц, фон. Из воспоминаний. М., 1925.
23. Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях. М., 1923.
24. Arıkkoglu D. Hatıralarım. İstanbul. S.a.
25. Bethmann Hollveg Th. von. Betrachtungen zum Weltkriege. Berlin. 1922.
26. [Cemal paşa]. Hatırlar ve vesikalar. İstanbul. 1933.
27. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1—40. Berlin. 1922—1927.
28. [Izzet Pascha] Denkwürdigkeiten des Marschalls Izzet Pascha. Leipzig. 1927.
29. [Kautsky K.] Die Deutschen Dokumente zum Krigsausbruch 1914. Charlot. 1919. Bd. I—III.
30. Morgentau H. Ambassador Morgentau Story. New York. 1926.
31. Mühlmann C. Oberste Heeresleistung und Balkan im Weltkrieg 1914—1918. Berlin. 1942.
32. Ozalp K. Milli mücadele 1919—1922. Ankara. 1971.
33. Peker N. 1918—1923 İstiklal savaşının vesika ve resimleri. İstanbul. 1955.
34. Pertev D. General Feldmarschall Colmar von der Goltz. Das Lebensbild eines grossen Soldaten. Göttingen. 1960.
35. Der Prozeß Talaat Pascha. Stenographischer Prozeßbericht mit einem Vorwort von Armin T. Wegner und einem Anhang. Berlin. 1921.
36. Sabis A.I. Harb hatıralarım. I cilt. İstanbul. 1943.
37. Said Halim Paşa. Buhranlarımız. İstanbul. 1973.

38. *Sanders L. von Fünf Jahre Türkei.* Berlin. 1920.
39. *Schultess' Europäischen Geschichtskalender.* München. 1910.
40. [Scherer A., Grunewald J., publ.] *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères.* T. 1. P. 1969.
41. *Schoen W.E. Erlebtes.* Stuttgart — Berlin. 1921.
42. *Schweder P. Im türkischen Hauptquartier.* Eingel. von Marschall Liman von Sanders. Leipzig. 1916.
43. *Tahsin paşa. Abdülhamit ve yıldız hatıraları.* İstanbul. 1931.
44. [Talât pasa]. *Talât paşanın hatıraları.* İstanbul. 1946.

Литература

1. *Аветян А.С. Германский империализм на Ближнем Востоке.* М., 1966.
2. *Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.)* М., 1972.
3. *Астон Дж.* Британская контрразведка в мировой войне. М., 1939.
4. *Беговатов А.И.* Ближневосточная политика Великобритании в период первой мировой войны // *Некоторые проблемы истории стран Ближнего и Среднего Востока и Африки.* М., 1987.
5. *Боев Ю.А.* Ближний Восток во внешней политике Франции. 1898—1914. Киев, 1964.
6. *Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней.* Т. 1—3. М., 1995.
7. *Габидуллин Х.З.* Младотурецкая революция. Исторический очерк. М., 1972.
8. *Гасанова Э.Ю.* Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914). Баку, 1966.
9. *Гасратян М.А., Орейшкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
10. *Голобородько И.М.* Турция. М., 1913.
11. *Гурко-Кряжин В.А.* История революции в Турции. М., 1923.
12. *Данциг Б.* Турция. М., 1949.
13. *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917. М., 1967.
14. *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом. Л., 1985.
15. *Зайончковский А.* Мировая война 1914—1918 гг. Т. I. Кампания 1914—1915 гг. М., 1938.
16. *Зайончковский А.* Мировая война 1914—1918 гг. Т. 2. Кампания 1916—1918 гг. М., 1938.
17. *Запорожец В.М.* Турция: проблемы военно-политического развития. Учебное пособие. М., 1991.
18. *Киласов Р.К.* Буржуазные революции в Турции в первой четверти XX века. Махачкала, 1990.
19. *Киракосян Дж.С.* Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989.
20. *Корсун Н.Г.* Греко-турецкая война 1919—1922 гг. М., 1940.
21. *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.

22. *Корсун Н.Г.* Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны с 1914—1915 гг. М., 1937.
23. *Лазарев М.С.* Крушение турецкого господства на арабском Востоке (1914—1918 гг.). М., 1960.
24. *Лудишвейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966.
25. *Кочар М.* Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос. Ереван, 1988.
26. *Ладушин И.А.* Адриатический вопрос на Парижской мирной конференции в 1920 г. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1989.
27. *Ладъженский А.М.* Отмена капитуляций в Турции. М., 1914.
28. *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972.
29. *Лорей Г.* Операция германо-турецких морских сил в 1914—1918, М., 1938.
30. *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. М., 1965.
31. *Миллер А.Ф.* Вступление Турции в первую мировую войну // Известия АН СССР. Серия истории и философии. № 4. М., 1946.
32. *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948.
33. *Миллер А.Ф.* Младотурецкая революция // Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение. М., 1956.
34. *Миллер А.Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.
35. *Надеин-Раевский В.А.* Пантюркистская доктрина и ее неофашистские наследники // Вопросы востоковедения. Ереван, 1987. Вып. 3—4.
36. *Новичев А.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937.
37. *Новичев А.Д.* Экономика Турции в период мировой войны. Л.—М., 1935.
38. *Новичев А.Д.* Турция. Краткая история. М., 1965.
39. *Оганесян Н.О.* Освещение геноцида армян 1915 г. в арабской историографии // Ист.-филол. журнал. Ереван. 1989. № 1.
40. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
41. *Пипия Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978.
42. *Саркисян Е.К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962.
43. *Свечин А.* Эволюция военного искусства. М.—Л., 1928. Т. 2.
44. *Силин А.С.* Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции // Германский империализм и милитаризм. М., 1965.
45. *Силин А.С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. М., 1971.

46. *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). М., 1976.
47. *Сокольский Н.* Очерки современной Турции. Тифлис, 1923.
48. *Степанян С.С.* Армения в политике империалистической Германии. Ереван, 1975.
49. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974.
50. СССР и Турция. М., 1981.
51. *Черчилль У.* Мировой кризис. М.—Л.
52. *Шеремет В.И.* Забытый резидент // Северный вестник. СПб. (Л.), 1991. № 3, 4.
53. *Шеремет В.И.* Балканы, Россия и Турция в канун первой мировой войны. По материалам переписки турецких послов в Петербурге и Вене // Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992.
54. *Шеремет В.И.* "Образ соседа". Конфликтологический анализ. Россия и Турция // Постигая военную историю... Вып. 4. М., 1994.
55. *Шеремет В.И.* Контактная зона Восток—Запад. На примере Османской империи. Конфликтологический анализ // Геополитика и Безопасность. М., 1993.
56. *Шеремет В.И.* Историческая конфликтология и проблемы предотвращения вооруженных конфликтов // Российско-американский семинар "Проблемы региональной безопасности в конце XIX — начале XXI веков. Вооруженные силы и высшее военное образование". М., 1993.
57. *Шеремет В.И.* Путь агента // Геополитика и Безопасность. Вып. 1. М., 1994.
58. *Шеремет В.И.* Селим-ага: "дикарь, толмач" или военно-морской атташе России // Военно-исторический журнал. 1994. № 7.
59. *Шеремет В.И.* "Личных средств не имею..." Из истории русской военной разведки // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1994. № 3—4.
60. *Шеремет В.И.* А.Н. Щеглов // Россия. 1994. № 40.
61. *Шеремет В.И.* Наследники "больного человека". Из истории завершения Восточного вопроса. 1918—1923 // Геополитика и Безопасность. Вып. 2. М., 1995.
62. *Шеремет В.И.* В поисках выхода. Османская дипломатия в годы первой мировой войны // Первая мировая война. Международная конференция. Краткие доклады. М., 1994.
63. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир. Из истории Восточного вопроса. М., 1975.
64. *Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа. М., 1986.
65. *Шеремет В.И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Ближневосточной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994.
66. *Abadan Y.* Mustafa Kemal ve çetecelik. İstanbul. 1964.
67. *Agaoglu S.* Kuvayi Milliye ruhu. İstanbul. 1944.
68. *Apostolski M.* Strategijski i politički značaj Solunskog fronta // Naučni

- skup u povodu 50-godišnice raspada Austro-Ugarske monarhije i stvaranja Jugoslovenske države. Zagreb. 1969.
69. *Aspinal Ogländer C.F.* Çanakkale muharebeleri. İngilizlerin Gelibolu seferinin resmi tarihi. İstanbul. 1932.
 70. *Aydemir S.S.* İkinci Adam. C.I. İstanbul. 1968.
 71. *Aydemir S.S.* Tek Adam. Mustafa Kemal (1919—1922). İstanbul. 1964.
 72. *Aydemir S.S.* Makedonya'dan Orta Asya'ya Enver paşa. Cilt 3. İstanbul. 1973.
 73. *Bayur Y.H.* Türk İnkilabi tarihi. Cilt 1—3. Ankara. 1940—1957.
 74. *Brykoglou T.* Trakya'da milli mücadele. C.I. Ankara. 1956.
 75. *Carcopino J.* Souvenirs de la guerre en Orient. 1915—1917. Paris. 1970.
 76. *Çavdar T.* Milli mücadelenin ekonomik kökenleri. İstanbul. 1974.
 77. *Çamoglu S.* Çanakkale Bogazı ve savaşları. İstanbul. 1962.
 78. Cihan Harbinde Osmanlı harikati tarihçesi. İstanbul. 1338 h (1922).
 79. *Curtright L.H.* Muddle, Indecision and Setback: British Policy and the Balkan States, Aug. 1914 to the Inception of the Dardanelles Campaign. Thessaloniki. 1986.
 80. *Earl E.M.* Problems of the Near East. Columbia. 1924.
 81. *Economie et sociétés dans L' Empire Ottoman.* Paris, 1983.
 82. *Eldem V.* Osmanlı İmparatorlugunun iktisadi şartlari hakkında birtetkik. İstanbul. 1970.
 83. *Debergh F., Gaillard A.* Les chemins de l'armistice. Paris. 1968.
 84. *Elaine D.S.* Turkey: origins of the Kemalist movement and the government of the grand national assembly (1919—1923). Washington. 1959.
 85. *Enginsoy C.* Atatürk as a soldier and statesman // *Révue Internationale d'Histoire militaire.* N 50. Ankara. 1981.
 86. *Esref R.* Mustafa Kemal über die Dardanellankampfe im Weltkrieg. Graz. 1933.
 87. *Emin A.* Turkey in the World War. New Haven. 1930.
 88. *Farrar L.L.* Divide and Conquer. German Efforts to Conclude a Separate Peace. 1914—1918. New York. 1978.
 89. *Feis R.* Europe, The World's Banker. 1870—1914. New Haven. 1930.
 90. *Feroz A.* İttihad ve terakki. 1908—1914. 3-cü baskı. İstanbul. 1986.
 91. *Ferro M.* La grande guerre. 1914—1918. Paris. 1969.
 92. *Fyfe A.J.* Understanding the First World War: Illusions and Realities. New York. 1988.
 93. *Goldstein E.* British Peace Aims and the Eastern Question: The Political Intelligence Department and the Eastern Commition: 1918. // *Middle Eastern Studies.* London. 1987. V. 23. Nr. 4.
 94. Harp Akademileri Komutanlığı yayınlarından. Atatürk'ün jeopolitik ve stratejik görüşleri. İstanbul. 1982.
 95. *Harran, Tag E.A.* Turkish-Syrian Relations in the Ottoman Constitutional Period 1908—1914. London. 1969.
 96. *Heller J.* British Policy towards the Ottoman Empire 1908—1914. London. 1983.
 97. *Histoire des Troupes coloniales pendant la guerre 1914—1918.* (Frontes extérieurs). Paris. 1931.

98. *Issawi Ch.* The Economic History of Turkey. 1800—1914. Chicago. 1980.
99. *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundation of Nationalism in the Ottoman Empire. Princeton. 1973.
100. *Khoury Ph.* Urban Notables and Arab Nationalism. Cambridge Univ. Press. London — New York. 1983.
101. *Karal E.Z.* Ataturk as a Soldier. // *Révue Internationale d'Histoire militaire.* N 50. Ankara. 1980.
102. *Kinross I.P.* Ataturk. A Biography of Mustafa Kemal, Father of Modern Turkey. New York. 1965.
103. *Kuran A.B.* Osmanlı imparatorluğunda inkılap hareketleri ve milli mücadele. İstanbul. 1956.
104. *Kurat A.N.* Türki'ye ve Rusya. Ankara. 1970.
105. *Kurat Y.T.* How Turkey Drifted into World War I // *Studies in International History.* London. 1967.
106. *Lamouche L.* Quinze ans d'histoire balkanique 1904—1919. Paris. 1929.
107. *Lang D.M.* Armenia: Cradle of Civilisation. London. 1970.
108. *Larcher M.* La guerre turque dans la guerre mondiale. Paris. 1926.
109. *Lepsius J.* Der Todesgans des Armenischen Volkes. Potsdam. 1919.
110. *Lory B.* Le sort de l'héritage ottoman. İstanbul. 1985.
111. *Mardin Ş.* Jon türklerin siyasi fikirleri, 1895—1908. Ankara. 1964.
112. *Mardin Ş.* The Genesis of the Young Ottoman Thought. Princeton. 1962.
113. *Mouchtar pacha M.* La Turquie, L'Allemagne et Europe depuis le Traité de Berlin jusqu'à la guerre mondiale. Paris. 1924.
114. *Mühlmann C.* Deutschland und die Türkei 1913—1914. Berlin. 1929.
115. *Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig. 1940.
116. *Orhon A.* Canakkale Bogası Muharebesi. 15 mars 1919. // *Askeri Tarih Bülteni.* Ankara. Cilt 5. 1980. Nr. 10.
117. *Ökse N.* Ataturk in the Dardanelles campaign. // *Révue Internationale d'Histoire militaire.* N 50. Ankara. 1981.
118. *Öztuna J.* Osmanlı padişahlarının hayat hikâyeleri. İstanbul. 1988.
119. *Pedroncini G.* Les négociations secrètes pendant la grande guerre. Paris. 1969.
120. *Pelling H.* Winston Churchill. Basingstoke. 1989.
121. *Political Elites in the Middle East.* Ed. by G. Lenczowski. Washington. 1975.
122. *Pomiankowski J.* Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Wien. 1928.
123. *Price M.P.* War and Revolution in Asiatic Russia. London. 1918.
124. *Renzi W.A.* In the Shadow of the Sword: Italy's Neutrality and Entrance into Great War. 1914—1918. New York. 1987.
125. *Ritter A.* Berlin — Bagdad. Neue Ziele mitteleuropäischer Politik. München. 1913.
126. *Ryan S.* The Last of the Dragomans. London. 1951.

127. *Rothwell V.H.* British War Aims and Peace Diplomacy. 1914—1918. Oxford. 1971.
128. *Sirma I.S.* Osmanlı devletinin yıkılışında Yemen isyanları. Konya. 1988.
129. *Sivri I.* Atatürk'ün Çanakkale savaşları. İstanbul. 1981.
130. *Şapolyo E.B.* Kuvayı milliye tarihi. Ankara. 1957.
131. *Shaw S.J.* The Political Success of Mustafa Kemal Atatürk during the First Year of the Turkish War for Independence, November 1918 — July 1919. // *Révue Internationale d'Histoire militaire*. N 50. Ankara. 1981.
132. *Toprak Z.* Türkiye'de Milli İktisat. Ankara. 1982.
133. *Toynbee A.* Turkey: A Past and a Future. New York. 1917.
134. *Toynbee A.* Der Mord eines Volks. Lausanne. 1916.
135. *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire 1914—1918. Princeton. 1968.
136. *Tulga R.H.* The doctrinal basis of Atatürk's military strategy. National Independence. // *Révue Internationale d'Histoire militaire*. N 50. Ankara. 1981.
137. *Vilain Ch.* Les quatre armistices de 1918: Salonique, Moudros, Padoue, Rethondes. Paris. 1968.
138. *Weber F.G.* Eagles on the Crescent. Germany, Austria and the Diplomacy of the Turkish Alliance. 1914—1918. Ithaca — London. 1970.
139. *Wilson T.* The Myriad Faces of War: Britain and the Great War. 1914—1918. London. 1986.
130. *Zurcher E.J.* The Unionist Factor. Leiden. 1984.
141. *ал-Джунди А.* Аш-Шухада ал-харб ал-аламиа ал-кубра. Димашк. 1960. [Адхам ал-Джунди. Жертвы первой мировой войны. На араб. яз.].
142. *Касимийа Х.* Ал-Хукума ал-арабийа фи Димашк 1918—1920. [Арабское правительство в Дамаске. На араб. яз.]. Бейрут. 1983.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Шнобровская

Телеграфъ

Въ С.-Петербурѣ,

4153

Телеграмма.

127

Топ
Нагемор

Севастопольскія № 1258

5. XI 2
№ 60/
Турецъ

Разрѣш.	Слѣдств. слѣд.	Забѣла
<i>35</i>	<i>10</i>	<i>649</i>
<i>10</i>	<i>10</i>	<i>Копия</i>
<i>10</i>	<i>10</i>	

СЛУЖЕБНЫЕ СВЕДЕНИЯ

*Въ воскресенье идетъ бой на Татан-
ск. Услѣды боя покуда не опредѣлены.*

Маскрекь международный десантъ.

Тур. штабъ. Мит. Щерновъ. 569. ~~Винницку~~
Тур. штабъ. Мит. Штатор. 129. ~~5/12 11.~~

Расшифрованы свѣдѣнія о Кавказѣ.

16-го Января транспортъ Шамъ прибылъ изъ Константинополя къ Майтосъ (деревня супротивъ Дарданеллъ), нагруженный 250 ящиками съ ружьями и снарядами предназначенныхъ для роздачи деревенскимъ окрестнымъ жителямъ.

Редифы, стоявшіе лагеремъ на азіатскомъ берегу между Кенезъ и Хейкли, распущены и заманены тремя баталіонами низама изъ коихъ одинъ квартируетъ въ Интепе, другой въ Тренкей и третій въ Дарданеллахъ. Штабъ квартиры редифовъ, находившаяся въ Сари Тшали, возвратилась въ Дарданеллы.

На южной сторона батарей Химидіе (Азіатской) установлена левая батарея изъ 6 орудій.

15-го Февраля 4 полевыхъ батарей произвели учебную стральбу въ долина Нагара въ присутствіи Генерала Тургутъ Паши. На европейскомъ берегу полевая батарея стреляли у Келивъ Бархъ. Вся эти стральбы были хороши.

22 и 23-го Февраля съ 9 часовъ вечера, до 11 часовъ были произведены въ Дарданеллахъ стральбы батарей. 22-го Февраля стреляли Химидіе (Азіатская), Чемеяликъ и Меджидіе (Европейская). Всего было сдѣлано 15 выстраловъ по плавучему щиту, установленному между Кенезъ и Суандере по середина пролива на разстояніи около 6.000 метровъ отъ стреляющихъ батарей. Щитъ освещался прожекторомъ съ Суандере.

Батарея Химидіе сдѣлала 27 выстраловъ изъ 24 и 25 сантиметровыхъ орудій, при чемъ было 15 попаданій близъ щита, остальные далеко вна освещенной за ны.

Батарея Чемеяликъ сдѣлала 6 выстраловъ лишь 2 снаряда были въ щита.

Батарея Меджидіе (Европейская) сдѣлала изъ 24 сантиметровыхъ орудій 12 выстраловъ, изъ коихъ 7 снарядовъ были въ щита.

23 Февраля Меджидіе (Европейская) и Намазіе сдѣлали 30 выстраловъ изъ коихъ 17 снарядовъ попало возла щита.

23 Февраля транспортъ Шамъ доставилъ проволочныя полевая загражденія и перевозъ изъ Родосто и Галлиполи 1,800 солдатъ въ Майтосъ.

23 Февраля транспортъ Алепъ доставилъ изъ Константинополя электрической прожекторъ, 14 станowychъ бочекъ и электрическіе провода.

Капитанъ 2-го ранга *Щегловъ*.

Варно:

* Данный документъ приведенъ съ полнымъ соблюденіемъ орфографии и стили источника; последующіе документы даются въ современной орфографии.

*Копии шифрованных телеграмм
Военно-Морского Агента в Турции,
от 17 и 18 Октября 1912 года
за №№ 616, 617 и 624.
Начальнику Морского Генерального Штаба*

№ 616

“Одиннадцатого Октября из Хайдар-Паши: тысяча двести пехоты, четыре тысячи охотников, триста пятьдесят лошадей. Из Черно-го моря четыре тысячи пехоты. ЩЕГЛОВ”

№ 617

“Двенадцатого Октября из Черного моря в Родосто: три тысячи пятьсот пехоты. Из Хайдар-Паши: восемьсот пехоты, четыре тысячи охотников, четыреста пятьдесят лошадей. В Родосто из разных местностей доставлено шестьдесят пять тысяч человек. ЩЕГЛОВ”.

№ 624

“В среду к вечеру положение турецкой армии улучшилось так как высаженные в бухте Мидия войска на правом фланге турецких, стремятся теперь обойти левый фланг болгар. ЩЕГЛОВ”.

Верно: *(подпись)*

*Копия расшифрованной телеграммы
от Морского Агента в Турции
от 20 Октября 1912 года за № 630 на имя
Начальника Морского Генерального Штаба*

Окончена погрузка и отправка отрядов в бухту Мидия ... [пропуск в документе] Каждый эшелон более десяти тысяч человек. № 630.

Шелковников. (Щеглов)

Расшифровывал капитан 2-го ранга *(подпись)*

21 окт. 1912 года.

Верно: Обер-офицер Морского Генерального Штаба *(подпись)*

Два сочетания не мог разобрать и подобрать по смыслу. Телеграмма повторена с теми же ошибками. *(Подпись)*

*Копии шифрованных телеграмм
Военно-Морских Агентов:
в Турции, от 21-го Октября 1912 года
за №№ 630, 634, 638
и в Англии, от того же 21-го Октября.
Начальнику Морского Генерального Штаба*

Морского Агента в Турции № 630

“Окончена погрузка и отправка отрядов в бухту Мидия. Каждый эшелон более десяти тысяч человек. ЩЕГЛОВ”.

Его же № 634

“Сегодня обстановка существенно изменилась — турки успели подтянуть с тыла к Чатаалджи достаточно войск, в силу чего захват столицы неприятелем теперь почти невозможен. Этот фактор дает моральный подъем и обеспечивает дальнейший подвоз войск и численное усиление турецкой армии с каждым днем. В силу этого борьба вступит в затяжную фазу, благоприятную для медиации. На основании всего приемлю смелость доложить, что с данного момента считаю острый военный кризис и вероятность здешней анархии миновавшими, а потребность в прибытии сюда флотов маловероятным. Полагаю, было бы возможным возобновить работу радиостанций в Черном море. ЩЕГЛОВ”.

Его же № 638

“Чорлу взят, турецкая армия бежит. Ввиду небывалого общего бегства армии, Константинополь опять в опасности, так как армия может не удержаться у Чатаалдже. Считаю положенное опять очень серьезным. ЩЕГЛОВ”.

Морского Агента в Англии:

“Объявлена мобилизация миноносцев, подводных лодок для готовности страны от атак. Изготовлен активный флот. Предположено послать Средиземное море еще шесть крейсеров, или всю четвертую эскадру. РЕЙН”.

Верно: 2-я Оперативная Часть

*Копия рапорта Морского Агента в Турции
от 10/23 Декабря 1912 года № 727.
Начальнику Морского Генерального Штаба*

3-го Декабря в 9 часов утра турецкий флот в составе судов Барбаросса, Тургут, Мессудие, Ассаритефик, крейсера Абдул Меджид, зная из разведки, произведенной 1 Декабря, о присутствии в районе Дарданелл греческого флота, вышел из пролива и, пройдя маяк Хелес, взял курс на остров Имброс. Турецкая минная флотилия в составе 4-х дестроеров, 3-х эскадренных миноносцев и 5 миноносцев, тоже выйдя из пролива, держались под прикрытием батареи Седиль Бахр, а госпитальное судно Решид Паша, минный заградитель Интихаб и Керассунда держались под прикрытием батареи Кум Кале. Турецкий флот находился под командою старшего — командира Барбароссы капитана 2-го ранга Ремзи бей, т.к. Тахир бей, комодор, выбыл за два дня до этого в Константинополь.

Несколько времени спустя после выхода турецкого флота, от острова Лемнос показался греческий флот, в составе 3-х судов типа Псара и Аверов, а также дестроеров. Греческие суда имели большие промежутки и Аверов держал настолько большой ход, что остальные суда сильно оттянули строй.

Целью греческого флота было желание отрезать турецкий флот от входа в Дарданеллы. Заметив этот маневр, турецкий флот повернул влево и открыл огонь с расстояния 40 кабельтовых. Сражение длилось два часа, в течение которых огонь турок был сосредоточен преимущественно на Аверове, а огонь греков на Барбароссе. Греческие дестроеры попробовали произвести атаку, но после первых же выстрелов, направленных на них, быстро удалились.

*Посол в Константинополе —
Министру Иностранных Дел.
Перв. 7-го Января 1913 года. № 1.
(Доверительная депеша)*

Следя за различными проявлениями общественной и политической жизни Оттоманской Империи, я не могу не обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на стремление турок развить и усилить свой флот, стремление, могущее, по моему мнению, иметь для нас громадное значение.

По имеющимся у меня сведениям из секретного источника, несколько времени тому назад Английское Правительство обратилось через Турецкого Посла в Лондоне к Порте с запросом, не согласно ли Оттоманское Правительство продать строящийся ныне в Англии дредноут. При этом Английское Адмиралтейство просило не заключать акта продажи без предварительного его уведомления. На это Порта ответила, что Турецкое Правительство не только не намерено продавать вышеупомянутый дредноут, но, наоборот, предполагает произвести заказ новых.

Нет никакого сомнения, что с потерей Турцией почти всех ее европейских владений и с переходом центра тяжести в ее азиатские владения, для защиты последних ей придется обратить особое внимание на усиление своего флота. Поэтому легко может случиться, что в недалеком будущем турецкий флот станет сильнее нашего Черноморского, и турки могут, хотя бы временно, оказаться господами в Черном море.

Полагаю, что жизненные наши интересы требуют напряжения наших сил для предупреждения столь опасного для нас обстоятельства и возможного ускорения сооружения трех дредноутов, строящихся ныне в Николаеве.

(Подп.) М. Гирс

Секретно

*Копия шифрованной телеграммы
Военно-Морского Агента
в Турцию, от 15-го Января 1913 года № 759.
Начальнику Морского Генерального Штаба*

Сегодня в пятницу в Бельгийском Посольстве после завтрака в интимном кружке, имел двухчасовую беседу с бывшим вчера еще министром над почтой и телеграфом Муссурис — членом павшего

только что кабинета. Под влиянием пережитых насильств и событий Муссурис, из оттоманских христиан, был нервно откровенен. Его политическая часть беседы доложена мною Послу, данные же по морской части сводятся к следующему. Он подтвердил мне слухи давно здесь циркулировавшие и доложенные в моем рапорте № 710 — об усилениях нового кабинета приобретением боевых судов. Усиления флота более чем когда-либо желают как старотурки, так и младотурки. Павший вчера кабинет обсуждал предложение Г-на Дюфура приобрести 4 дестроера в 910 тонн, строящиеся во Франции по заказу Аргентины. Финансовые затруднения уже устранены тем, что уплата будто бы будет произведена впоследствии под гарантией. В заключение беседы Муссурис сказал мне, что в Совете Министров постановили заключить мир не под влиянием совета держав, а под влиянием главным образом одной державы России и давления Русского Посла Гирса. Подписал — ЩЕГЛОВ.

Верно: капитан 2 ранга (подпись)

Шифрованная дележа
Получена 14-го Марта 1913 г.

Моральное состояние армии и флота таково, что в случае настойчивого натиска Болгар нет уверенности, что Турки удержат оборону Чатаджинской линии, и следовательно много вероятно, что Константинополь будет взят. Все крупные турецкие суда находятся у Буюк Чекмеджи, в Босфоре три заградителя.....

№ 823

Щеглов 170
Штапор 116

В этой телеграмме обнаружен пропуск целой цифровой группы, а конец ее не поддается разбору.

Деж. офицер (подпись)

*Копия рапорта Морского Агента в Турции
от 4/20 Апреля 1913 года № 855.
Начальнику Морского Генерального Штаба*

В дополнение телеграммы № 843 имею честь доложить, что здесь около 9-го Апреля сперва появился слух, будто Турецкое Правительство приобретает Аргентинские дредноуты Морено и Ривадавия, а затем появился другой слух, будто переговоры ведутся о покупке бразильских Минас Гераес и С. Пауло и 4-х дестроеров аргентинских, стоимость каковых шести судов исчислена в 3.800.000 фун. стерлингов. Срок сделки по продаже этих судов назначен 23 Апреля, к каковому сроку Турецкое Правительство должно вне-

сти задаток в 800.000 фун. стерлингов, а остальную сумму авансирует Дейч Ориент Банк под залог земельных участков, распродаваемых теперь казною.

Достоверно проверить эти слухи здесь на месте, несмотря на все принятые мною меры, мне не удалось, т.к. центром переговоров является Берлин, где видную роль играет в этом деле новый турецкий Посол Махмуд Мухтар, бывший Морской Министр, стараниями которого был заказан дредноут в Англии. Мне известно вполне достоверно, что 17 Апреля Махмуд Мухтар телеграфировал Турецкому Правительству, что вопреки стараниям Дейч Ориент Банк, Император Вильгельм во время аудиенция отсоветовал Турции покупать бразильские суда.

Таким образом, ранее 23 Апреля получить окончательный результат переговоров едва ли мне удастся, т.к. переговоры еще продолжаются, но я могу утвердительно сказать, что желание Турции во чтобы то ни стало купить суда и тем усилить флот не подлежит никакому сомнению и к этому ее побуждают уроки ее последних двух войн с Италией и Союзниками, о чем я имел честь докладывать рап. № 709. В настоящее время это желание усилилось еще и тем обстоятельством, что в предстоящем решении вопроса об островах Турция особенно не хочет лишиться островов, прилегающих к ее малоазиатским берегам, и надеется, что при усилении своего флота и перевесе его над греческим вопрос об островах разрешится для нее более благоприятно.

Великий Визир неоднократно высказывался в последнее время, что Турции после балканской войны теперь нужны расходы не столько на армию, сколько на флот.

Возможность расходов на усиление флота, по мнению лиц, знающих состояние турецких финансов, представляется нерациональной т.к. в круглых цифрах финансы Турции находятся в следующем положении: 20 мил. тур. фун. требуется для ликвидации расходов войны, 10 мил. требуется для погашения "дет-флотанте", исчисляемого всего в 18 млн., 8 мил. требуется, чтобы закончить год без дефицита, т.е. всего требуется сейчас 38 мил. лир, каковая потребность может быть покрыта лишь новым внешним займом. С другой стороны, бюджет будущего года, при всех сокращениях расходов от потери румелийских провинций, потребует 29 мил. лир, а доходы составят лишь 22 мил. лир, т.е. дефицит в 7 мил. лир. Следовательно, если при этих условиях придется еще заплатить реально контрибуцию, то положение Турции будет близко к банкротству.

Однако, эти математические расчеты и финансовые соображения малоубедительны для турок и потому было бы неосторожно полагать, что Турецкое Правительство откажется от мысли усилить флот ввиду безотрадного состояния финансов, тем более что имеются два источника, деньги из которых могут быть обернуты на флот, а именно: доход от военного налога (рап. № 552 от 5 июля), до сего времени не использованный, и доходы от продажи казенных участков в Константинополе. Распродажа этих земельных участков намечена очень широко и предположено к продаже: арсенал

Топхане и военный порт в Золотом Роге, т.к. порт предполагается перенести в Измид, в предвидении того, что в скором будущем туркам придется навсегда покинуть Европейский берег.

О дальнейшем ходе переговоров я своевременно буду иметь честь телеграфировать.

Капитан 2 ранга *Щеглов*

Верно: капитан 2 ранга (подпись)

*Копия рапорта Морского Агента в Турции
от 27 Января 1913 года № 775.
Начальнику Морского Генерального Штаба*

С 6-го Января по 26-ое Января включительно произведены нижеследующие морские перевозки:

из Черн. моря	— 2400 пехоты в Мраморное море.
“ “ “	— 1200 пехоты в Измид.
“ Конст-ля в Пандерме	— 120 лошадей, 180 пехоты в Дарданеллы.
из Конст-ля	— квартирует 5000 пехоты.
	— 300 пехоты, 4 пулемета в Пандерму.
	В Измиде стоит 20.000 пехоты.
из Конст-ля	— 4 полевых орудия, 40 ящиков ружей, 300 ящичков патронов, 250 пехоты в Дарданеллы.
	— Отправлено 5 пустых транспортов в Измид и 4 шеркета.
из Черн. моря	— 1200 пехоты в Измид.
	— В Измиде погружено на транспорты 8000 пехоты. Транспорты ждут.
	— В Пандерме погружено 5000 пехоты на транспорты.
	— С Чатаджи в С. Стефано для посадки на транспорты 12.000 пехоты.
из Конст-ля	— 12 пулеметов, 200 кавалерии, 150 мулов, 400 обозных лошадей — в Галлиполи.
“ “	— 2500 пехоты в Галлиполи.
“ “	— 4 полев. орудия, 399 кавалерии, 80 обозных лошадей — в Галлиполи.

Капитан 2-го ранга *Щеглов*

*Морской Агент в Константинополе № 215 bis
1911 г.*

Отправной датой рассмотрения турецких финансов нужно принять Июль месяц 1908 года, когда была объявлена конституция. В этот момент в Государственном Казначействе было найдено всего 329.184 лиры и 32 пиастра, что при бюджете около 25 миллионов лир означало полное отсутствие у Правительства денег. Ввиду такого положения был спешно заключен заем с Оттоманским Банком, давший 4,7 миллионов лир, вследствие которого, а также и каких-то

инных мероприятий, замалчиваемых и до сих пор Министерством Финансов, 1908 год был закончен с наличием в Казначействе 2,7 миллионов лир.

Бюджет 1909 года предусматривал около 25 миллионов лир доходов и 35 миллионов расходов, т.е. иначе сказать, бюджет выяснил дефицит в 10 миллионов лир. По данным Министерства Финансов (парламентская речь 1911 г.), для покрытия этого дефицита был заключен новый заем, давший 5,7 миллионов лир, затем 1,5 миллиона было неожиданно получено от недоимок, и кроме этого были использованы 2,7 миллионов лир, оставшихся в Казначействе от 1908 года, т.е.

5,7 — заем 1909 года
1,6 — от недоимок
2,7 — остаток от 1908 года
10 миллионов лир

Бюджет 1910 года предусматривал около 26 миллионов лир доходов и 36 миллионов расходов, т.е. вновь дефицит около 10 миллионов лир. По объяснению Министра Финансов, до Июня месяца 1910 года платежи производились из остатков предыдущего года (каковы были эти остатки, Министр однако не доказывает), а затем в ожидании переговоров о заключении нового внешнего займа с Австро-Германскими Банками были заключены условия на получение авансов (под новый заем) с четырьмя банками: с Французским (Рувее), с Национальным Турецким (на самом деле Английским), с Оттоманским Банком и с Салоникским банком, всего четыре аванса по 500.000 лир на сумму 2 миллиона лир, которые будут уплачены из сумм Австро-Германского займа, исчисленного в 5,5 милл. лир.

Из только что приведенного краткого обзора финансовых операций за три последних года видно что Младотурецкое Правительство получило от трех последних займов:

I/ 4% заем 1908 г. дал	...2.971.676
" " " 1909 г. "	...5.797.559
" " " 1910 г. "	...5.586.350

Итого ... 14.355.585 лир

Кроме этого в Государственное Казначейство Младотурецкого Правительства поступило:

II/ Уплата от Австро-Венгрии (Босния и Герцеговина)	...2.500.000
Сумма найденная в Ильдизе	488.664
" " от продажи старых пушек	58.000
" " от " " облигаций	30.000
" " от " " 50.000 облив. 4% 1904 г.	...918.500
" " " " " " " " " " 1908 г.	...965.502

Итого 4.960.666 лир

Следовательно общая сумма экстраординарных поступлений и займов при Младотурецком Правительстве равняется:

I/	— 14.355.585
II/	— 4.960.666

Итого 19.316.251 лир
(116 миллион. рублей)

Приводимая сумма в 19,3 милл. лир и являлась главным образом источником для покрытия дефицита трех последних годов.

Обращаясь к состоянию финансов в данный 1911 год видно что:

ординарные расходы исчислены в	45.007.446 (280 милл. рубл)
экстраординари. " " " "	2.650.000 (21 милл. рубл)
всего расходов	27.657.446 (301 милл. " ")
Доходы	28.612.978
Дефицит	9.044.468

Таким образом, из бюджета 1911 года вновь усматривается дефицит в 9 миллиониров лир, каковая цифра становится как бы хроническим явлением последних бюджетов.

Кроме этих дефицитов над Турецким Правительством висят еще государственные долги (см. приложение табл. 1), из которых одни уплачиваются из доходов, находящихся под контролем Международной Администрации, известной под названием "Оттоманского Долга", а другие государственные долги уплачиваются непосредственно Государственным Казначейством. Долгов первой категории исчисляется на 82 милл. лир, а второй 36 милл. лир.

Кроме всего этого существуют еще государственные долги различным частным лицам, известные под названием Dette Flottante, общая сумма которых даже не приведена еще в полную известность; так, например, по исчислению Министерства Финансов она достигает 19,5 милл. лир, по исчислению английского бангольдера Оттоманского Долга — 14 милл. лир, а по исчислению итальянского делегата Оттоманского Долга 20 милл. лир. Младотурецкое Правительство не торопится не только с выяснением этого долга, но и с какими-либо платежами, и долг этот в сущности потому хотя и велик, но сравнительно мало беспокоит Правительство.

Принимая во внимание еще и другие, более мелкие обязательства, общая государственная задолженность по данным Министра Финансов Джавид-бей выражается следующей таблицей:

	Номинальными	Остаток
Займы оплачиваемые Dette Publique	91.356.328	82.611.407
" " " " Государ. Казначейств.	39.842.220	36.005.552
Финансы оплачиваем. Dette Publique		348.759
" " разн. подлеж. оплат в 1910 г.	1.202.140	1.410.724
" " заключ. прежн. режимом	1.663.711	336.991
" " Sociétés des Phares	2.722.024	2.722.024
" " Dette Publique	20.000.000	20.000.000

Итого 157.195.182 лир 142.436.457 лир

Если принять в среднем нормы для погашения 6% и амортизации, то сумма ежегодных платежей составит 8.576.100 лир, однако в вышеприведенную таблицу не вошла еще сумма ежегодных платежей

за Австро-Германский заем 320.000 лир (ежегодно) и еще уплата километлических гарантий на сумму 943.784 лиры. Поэтому придав и эти обязательства к предыдущим получается 9.950.000 лир, которые Турция ежегодно должна платить по обязательствам, что по отношению к 37 миллион. бюджету составляет 28,6%

Рассматривая бюджетные ассигнования, видно, что первое место занимают расходы на военные цели:

Военное Ведомство	9.070.270 лир
Морское " "	1.414.261 " "
Военные припасы	491.371 " "
Жандармерия	1.843.635 " "
Экстраорд. бюдж. Воен. Вед.	1.750.000 " "

Итого 14.569.538 лир

Сумма эта составляет 38,8% от всего государственного бюджета.

Складывая 38,8% + 28,6% — получаем, что 67,4% т.е. 2/3 всего бюджета, Турция тратит на военные нужды и уплату гарантий, а на культурные потребности ей остается лишь 1/3 бюджета. Причем в эту треть входит сумма в 2.051.749 лир на обычные и экстраординарные расходы Министерства Общественных Работ и главным образом колесных дорог, т.е. стратегических, что составляет 6% от это 1/3 бюджета. Из этого видно как мало остается на поднятие культурных и производительных сил страны.

Чтобы выйти из этого тяжелого финансового положения, возможно было бы применить два мероприятия: во-первых, сокращать расходы и во-вторых, поднять доходы.

Из рассмотрения предшествующих бюджетов (см. приложение, таблица 2 и 3) видно, что рост расходов все увеличивается и в 1911 году общее увеличение выражается на 556.815 лир более против 1910 года, не говоря уже об увеличении экстраординарных трат. Следовательно едва ли можно ожидать какого-либо улучшения с этой стороны.

Потому надо рассмотреть, каковы намечаемые мероприятия Министра Финансов для поднятия доходов и возможно ли достигнуть такого увеличения.

Ниже следующие данные отчета Dette Publique за 1909—10 г. показывают следующее увеличение доходов по сравнению с предшествовавшим годом:

Соль	1.063.566 л.	83.671	7,87%
Гербов. сбор	377.682	42.682	11,30%
Рыболовн. пром.	71.287	16.516	26,83%
Спирт	271.076	17.200	6,85%
Шелк	110.996	17.949	16,17%

Итого 1.894.601 178.018 9,40%

Предварительные данные за 7 месяцев текущего финансового 1910—11 года показывают также дальнейшее, хотя и не крупное общее увеличение доходов, а именно:

Соль	17.400 лир
Спирт	3.000
Гербов. сбор	28.000
Шелк	38.000
Рыболов. пром.	11.000
Табак	78.300
Таможен. пошл.	19.000
Итого	90.700 лир

Из таблицы видно также, что доходы 1910 года по сравнению с доходами 1909 года возросли на 1.207.996 лир.

Следовательно, эти данные приводят к выводу что доходы несомненно могут увеличиваться, так как страна изобилует всевозможными естественными богатствами.

Однако эти же самые данные указывают, что увеличение доходов очень скромно и происходит далеко не в том размере как бы то нужно было для покрытия дефицита и далеко не пропорционально росту расходов, что и свидетельствует в своем отчете сэр Адам Блок, английский бонгольдер Dette Publique (стр. 77).

Ввиду этого Министр Финансов в объяснительной записке к бюджету 1911 года излагает следующий план финансовой политики для покрытия дефицитов.

Во-первых, по соображению Министра Финансов для покрытия дефицита предусматриваются еще в течение трех-четырех лет новые внешние займы, а во-вторых, он рассчитывает на следующие новые источники, которые должны увеличить средства турецкой казны на 5 миллионов лир:

Увеличение таможенных пошлин	1.250.000 лир
“ доходов от табаку	1.000.000
Реформы темтю (род гильдейск. сбора)	1.000.000
Керосиновая монополия	1.000.000
Дорожный налог (Prestation)	250.000
Гербовый и др. налоги	500.000
Итого	5.000.000 лир

Таким образом, если бы эти ожидания сбылись, то 5 милл. лир + 4 милл. новый внешний заем дали бы вместе 9 милл. лир, которые и покрыли бы 9 милл. дефицит.

Из вышеприведенного плана Министра Финансов видно, что только два последних из упоминаемых источников доходов на 750.000 лир находятся во власти Турецкого Правительства, остальные же источники находятся под европейским контролем, и для изменения существующего положения Турецкому Правительству необходимо согласие Держав.

Действительно, для увеличения доходов таможенных пошлин нужно, чтобы Державы согласились бы на то, чтобы их товары были бы обкладываемы не 3%, а 4% сбором, каковое согласие Держав пока дано лишь в принципе, и дело тянется, ибо, естественно, в обмен на это они хотят получить известные выгоды.

Вопрос о табаке осложняется тем, что контракт с Режи истекает в будущем году и Dette Publique хочет сохранить монопольную систему, а Палата Депутатов желает введения бандерольной системы, и вопрос этот таким образом еще тоже лишь в предварительной стадии.

Вопрос о теметто (смесь гильдейского налога с подоходным) также зависит от согласия Держав, так как затрагивает интересы иностранцев: торговля и небольшая промышленность, существующая в Турции, почти всецело находится в руках иностранцев, которые согласно капитуляциям избавлены от всяких налогов. Это создает неравенство между туземными торговцами и иностранцами в пользу последних. Такое положение нельзя считать нормальным, и трудно отрицать право государства на денежное обложение иностранцев наравне с туземцами. Между тем турецкое гражданское право, юридическая защита торговых прав, вся практика турецкого судопроизводства так еще далеки от европейских, что полное упразднение капитуляций невозможно для иностранцев без ущерба. Некоторые Державы сделали заявление о готовности сделать некоторые уступки при условии получения крупных компетенций в других областях, но заявление это надо рассматривать лишь как обещание для неопределенного будущего и ни к чему не обязывающее, иначе сказать, сейчас этот вопрос еще и не начинают, и он находится в неопределенной стадии.

Вопрос о керосиновой монополии, затрагивающей главным образом интересы России, тоже еще находится в стадии предложений.

Итак, из всего этого видно, что план Министра Финансов о новых источниках доходов построен на весьма нетвердых предположениях, но осуществление которых в ближайшие годы рассчитывать нельзя, а следовательно, наличие ежегодных дефицитов около 10 милл. ляр остается неизбежным.

Ввиду такого вывода является вопрос, насколько искренна и серьезна финансовая политика Турецкого Правительства. Для этого прежде всего необходимо привести те мероприятия, которые были предприняты Турецким Правительством:

1) Проведен закон о Государственном Счетоводстве (см. приложение № 9). Закон этот в 66 статьях устанавливает специализацию бюджета, порядок выработки и вотирования его, порядок поступления налогов и доходов, порядок производства расходов и переводов из параграфа в параграф, устанавливает единство кассы и порядок отчетности. Закон этот, будучи разработан французом господином Лораном, заимствован с французских законов 1862-78 годов, является фундаментом для улучшения финансов, так как до того не существовало никаких норм для поступлений и расходов, ибо административные власти взимали налоги и тратили казенные деньги по своему произволу, причем даже не существовало гласного государственного бюджета.

2) Проведен закон об учреждении корпуса финансовых инспекторов, состоящего из 50 чиновников; расходы в столице и провинциях под общим надзором француза г-на Жолие, благодаря чему установлен фактический контроль за поступлением в казну и производством расходов (см. приложение № 10).

3) Реформирована внутренняя администрация самого Министерства Финансов под руководством приглашенного из Франции г-на Лорана.

4) Послано во Францию 20 чиновников Министерства Финансов для обучения.

5) Открыта школа для подготовки к службе по ведомству Министерства Финансов.

6) Образована Комиссия при Министерстве Финансов, в которую вошли три европейца, бывшие члены Македонской Интернациональной Комиссии, для разработки финансовых реформ (образована в 1909 г.).

В отношении фискальных законодательств проведен

7) Закон об обложении недвижимой собственности, и главным образом домовладения, с установлением 12% с каменных домов и 9% с деревянных. Одновременно проведено положение о регистрации такой собственности.

8) Закон о взыскании недоимок с десятинного сбора за 1908 год.

9) Реформированы приглашенным англичанином Крауфордом таможи, что уже дало результаты ввиду повышения таможенных доходов, несмотря на неувеличение товарообмена.

В приведенный перечень нарочно помещено только то немногое, что действительно осуществлено, и вовсе не упомянуты многочисленные и может быть очень хорошие законы, проекты которых, однако, лежат без надежды на проведение их в ближайшем будущем. Из особого приложения № 5 видно, насколько общие, а также и финансовые законодательные труды парламента были слабы, и что кроме 9 вышеприведенных мер ничего не сделано.

Переходя от обзора этого финансового законодательства к обзору предначертанных мероприятий для поднятия производительных сил страны в области общественных работ с целью увеличения ее ресурсов, видно нижеследующее:

В области железнодорожного строительства:

а) Концессия на линию Гамс—Триполи около 102 км, пересекающей Ливан и дающей выход грузам из провинций Райнк—Алеппо с одной стороны, и Бейрут—Дамаск—Мзери́д с другой.

2) Линия Сомма—Пандерма, около 190 килом., открывающая выход к Мраморному Морю для линии Смирна—Кассаба.

3) Линия Баба—Эски—Киркилия, ветка в 40 килом. (стратегическое значение).

Все эти дороги сданы Турецким Правительством для постройки концессионным способом, но без километрической гарантии, что является большой заслугой Правительства.

4) Линия Багдадской железной дороги начата постройкой Булгурлу к Алеппо, и в бюджет отчислено 300.000 лир километрической гарантии на 845 километр.

В области дорожного строительства из обширной и хорошо разработанной программы 1908 года, предусматривавшей постройку 30.000 килом. шоссейных дорог, сдано пока лишь приведение в порядок 10.000 килом. дорог Французской компании; работы начнутся лишь в 1911 году.

Производятся работы по орошению Конии, сданные с подряду за 19 миллион. франков; работы идут медленно, и результаты могут оказаться лишь через 2—3 года.

Начата постройка железнодорожной линии Самсун—Сивас в 380 километров, на что Палата разрешила кредит в 3 миллиона лир.

Вышеизложенным и исчерпывается все, что сделано в этой области, причем опять умышленно, дабы не затемнять сути дела, здесь не приведены многочисленные проекты.

Впрочем, надо добавить из проектов лишь один, как имеющий больше вероятности на осуществление по своему громадному значению; это проект постройки сети железных дорог в Малой Азии американцем Честером, потому что через 7—8 лет в случае осуществления он оживит эту страну и несомненно поднимет ее доходность (не говоря уже о стратегической важности этих дорог).

Затем к положительным явлениям следует отнести также и тот факт, что государственный бюджет вотируется все более и более к сроку: ибо в 1909 году он был вотирован в Августе, в 1910 году в Июне, а в 1911 году он будет вотирован ранее Июня, что несомненно вносит большой порядок.

Все, что до сих пор изложено, составляло перечень исключительно фактической стороны финансового положения Турции, и притом заимствованной из различных официальных источников, потому что если бы принять во внимание, что Младо-Турецкое Правительство находится у власти всего лишь три года, и взирая на его работу в государственном хозяйстве, можно было бы снисходительно и не без доверия отнестись к Турецким Финансам, как это усиленно и подчеркивал всегда в своих парламентских речах Министр Финансов.

Однако критическое исследование закулисной стороны дела приводит к совсем иному выводу.

Действительно, даже из предшествовавшего изложения можно было видеть, насколько план финансовой политики построен на шатких основаниях; к этому нужно заметить, что вопреки заверению Министра Финансов бюджет вовсе не отличается искренностью, так как в нем много неясностей и недомолвок, так, например, о суммах, найденных в Ильдизе, нигде не упоминается и отчет об них никогда не был представлен парламенту, равно как неизвестна точная оценка драгоценностей бывшего Султана. Кроме этого, совершенно не упоминается о сборе пожертвований на флот, дающих ежемесячно около 50.000 лир; наконец, наиболее выдающимся фактом является то обстоятельство, что Абдул Гамид за 27 лет своего царствования оставил долг в 13,8 милл. лир, снабдив страну 5000 килом. железн. дорог (см. приложение № 6), а Младо-Турецкое Правительство в 2 года израсходовало 13 миллион лир от экстраординарных поступлений, и ясного отчета в этих финансовых операциях парламенту не дано, иначе сказать, такое государственное хозяйство не только обнаруживает заемное направление, но и чрезвычайную эластичность и бесконтрольность государственных сумм.

Этот эластичностью и объясняются такие сюрпризы, как неожиданное ассигнование на военные нужды или ассигнование 5 миллио-

нов лир на постройку дредноутов, ассигнований в сущности фиктивных при наличии ежегодных дефицитов, производимых исключительно в расчете на какие-то будущие блага. При таком положении весьма возможно, что часть сумм, расход которых оказывается неуловим, отложена на усиление военного фонда, по слухам уже давно существующего при Министерстве Финансов.

Затем до сих пор нет, например, исполнения государственной росписи, и ее все еще обещают представить.

Все эти неясности еще более подрывают доверие тем, что несмотря на проведение закона об единстве кассы и отчетности, существуют ведомства, как, например Военное, которые имеют свои личные доходы и остатки, которыми и распоряжаются по своему усмотрению, а когда был поднят вопрос о беззаконии этого, то всевластный генералиссимус Махмуд Шевкет после упорных пререканий все же настоял на своем.

Правда, очень трудно сразу заставить страну, привыкшую к бесконтрольному хозяйству, жить правовыми нормами, но тем не менее нельзя не видеть, что нравы должностных лиц с изменением формы государственного правления не изменились и взятки вместе с бесцеремонным обращением с казенными деньгами сохранились и по ныне, а когда французское правительство выставило условием нового займа реорганизацию государственного казначейства со строгим проведением единства кассы, то это сочтено за оскорбление национальной гордости Турции, и план реорганизации казначейства вовсе снят с очереди, что, впрочем, вполне понятно с точки зрения правящих лиц, так как при существующей запутанности финансов это дает возможность Правительству ловко выворачиваться и временно оттягивать наступление финансового кризиса, что, в свою очередь, развязывает руки Министру Финансов, который заключал до сего времени займы без предыдущего их обсуждения Палатой и, например, в силу такого порядка заем в Германии, сделанный там вследствие личной размошки Министра Финансов с французскими капиталистами, обошелся на 573.650 лир дороже, чем во Франции.

При отсутствии серьезного контроля и именованного до сих пор исполнения государственной росписи нет гарантий в том, что занимая деньги, якобы на культурные потребности, как, например, новые переговоры теперь о займе на железные дороги в Малой Азии, турки на самом деле часть этих денег не истратят на вооружение.

Эти критические замечания, только что приведенные, хотя и очень кратки, но сами по себе столь глубоко существенны, что нельзя не видеть, что общая картина финансового положения Турции довольно безотраднa.

Резюмируя все здесь изложенное, видно, что: 1) Турция отягощена государственными долгами и ежегодными дефицитами в 10 миллионов лир; 2) доходы хотя и несколько увеличиваются, но расходы растут непропорционально этому увеличению; 3) последнее время Турция живет внешними займами; 4) расходы растут исключительно на вооруженные силы; 5) серьезного плана финансо-

вой политики не существует; 6) сделанная работа для финансовых реформ чрезвычайно незначительна; 7) сделанная работа для поднятия производительных сил страны тоже очень невелика вследствие ревнивого отношения турок к иностранным предприятиям и вследствие неспособности самих турок, что подтверждается тем, что остатки в бюджете происходят от неизрасходования кредитов на производительные расходы* по Министерством Общественных работ, Народного Просвещения и Юстиции; 8) бюджет и финансовая операция отличаются неясностью и неискренностью; 9) при беспорядочном государственном хозяйстве и эластичности финансовых операций пока преследуется цель оттягивания финансового кризиса при посредстве приемов, называемых на обыденном языке "изворачиванием"; 10) серьезного желания упорядочить финансовое положение Турецкое Правительство не имеет, а преследуется цель производства займов якобы для культурных потребностей, а на самом деле обращая их на военные нужды.

* Примечание:

Испрошено было в 1910 г. на железн. дороги	946.000 лир
Истрачено " " " " " "	76.000
Испрошено на дороги шоссейн. вилаетов в 1910 г.	600.000 л.
Истрачено " " " " " "	144.000

Таким образом, при наличии этих условий могут в будущем быть следующие решения: 1) либо Турции придется вновь обратиться к широкому денежному рынку Франции и продолжать политику займов, подчинившись, однако, строгому контролю, которого требует Европа и в частности Франция, иначе сказать, Турция, будучи уже и теперь наполовину под иностранным контролем, через несколько лет совершенно заложит свою самостоятельность, либо 2) находясь перед такою дилеммою, Турция будет еще несколько лет тянуть политику финансового изворачивания и в один прекрасный день, оказавшись в безвыходном положении, а также под влиянием внутренней розни, она сделает попытку отчаяния и прибегнет к войне с одним из соседей, и при неудаче будет разделена Европейскими державами в возмещение таких вкладов, как затраченных Французами 2 с половиной миллиардов франков; наконец может быть и третий исход, а именно 3) что Турция быстро приступит к серьезным финансовым реформам, сократит свои расходы и широко раскроет двери иностранным предприятиям и откажется от трат на вооружение, каковой однако вариант, надо думать, маловероятен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Вместо введения. Люди и документы	7
1. Забытый резидент	—
2. Они так не хотели воевать	56
<i>Глава I. Османский фитиль в пороховом погребе</i>	
Европы	69
<i>Глава II. Выбор союзника — выбор судьбы</i>	83
<i>Глава III. Ненужная война, или как важно выслушать</i>	
разведчика и финансиста	106
<i>Глава IV. В поисках выхода из горящего дома</i>	128
<i>Глава V. Потухший кальян</i>	160
<i>Глава VI. Последние дни “больного человека</i>	
на Босфоре”	190
1. Шкатулка президента	—
2. “Душеприказчики” Высокой Порты	200
3. Наследники предъявляют права	212
Заключение. Соседи, союзники, партнеры	226
Библиография	262
Приложения	270

Научно-популярное издание

Виталий Иванович ШЕРЕМЕТ

БОСФОР

**РОССИЯ И ТУРЦИЯ В ЭПОХУ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**
По материалам
русской военной разведки

Корректор *И.О. Резниченко*
Оригинал-макет *И.О. Резниченко*
Художник *В.Ю. Яковлев*

Издательство
"Технологическая школа бизнеса"
ЛР № 060876 от 13.03.92

Подписано в печать 05.06.95. Формат 84x108^{1/2}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,12
Уч.-изд.л. 13,2. Тираж 5000 экз. Заказ 1593.

Типография издательства «Дом печати»
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Виталий Иванович Шеремет родился в Ленинграде в 1940 г. Он – выпускник Восточного факультета Петербургского университета. После окончания аспирантуры началась его научная и педагогическая деятельность. Одновременно сложилась и практика полевых исследований на Востоке.

Необычайно широкий исследовательский кругозор В.И.Шеремета охватывает пятьсот лет русско-турецких связей, контактов и конфликтов: от эпохи Ивана Грозного до второй мировой войны. Особую ценность его трудам последнего десятилетия придает использование оригинальной методики исследования, разработанной в результате анализа многих тысяч архивных документов. Определенное влияние на эту сторону научного труда В.И.Шеремета оказало глубочайшее знание и понимание Востока, где человек был традиционно ближе к общему информационному полю Земли, нежели в индустриальных обществах Запада.

Разносторонность знаний и интересов В.И.Шеремета принесли ему признание коллег. Он – с момента основания Академии заместитель академика-секретаря Отделения военной истории и теории РАЕН; вице-председатель комиссии по военной истории народов Востока Общества востоковедов РАН; член Правления Ассоциации европейских исследований; а также член Правления Ассоциации ветеранов разведки, контрразведки и правоохранительных органов.

TBS предлагает на Ваш суд новейшие исследования В.И.Шеремета – на сей раз предназначенные не для узкого круга профессионалов, а для самого широкого читателя. Впрочем, автор и здесь верен себе. Основа книги – документы и материалы русской военной разведки на Ближнем Востоке...

